

Министерство образования и науки
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный
педагогический университет»
Российская академия наук
Уральское отделение
Институт истории и археологии

**К 85-летию УрГПУ
20-летию кафедры истории России**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ:

взгляд из XXI века

**Сборник статей научной школы
профессора Г.Е. Корнилова**

Екатеринбург 2015

УДК 94(47)
ББК ТЗ (2)

Под редакцией проф. Г.Е. Корнилова
Ответственная за выпуск: доц. Г.А. Кругликова

Рецензенты: кандидат исторических наук, Д.Н. Ряпусова
(Институт истории и археологии УрО РАН)

Отечественная история: взгляд из XXI века: сб. науч. ст. /
ФГБОУ ВПО «Урал гос. пед. ун-т», Екатеринбург, 2015.- 210 с.:
табл., схемы.

Сборник статей посвящен 85-летию УрГПУ, 20-летию
кафедры истории России. В него вошли статьи учеников
профессора Г.Е. Корнилова, выпускников исторического
факультета, преподавателей кафедры истории России УрГПУ.

В публикациях рассматриваются актуальные проблемы
отечественной истории XIX – XXI вв.

Издание рассчитано на научных работников,
преподавателей вузов и учителей школ, аспирантов и студентов,
интересующихся проблемами отечественной истории.

ISBN 978-5-7186-0688-1

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Корнилов Г.Е., Кругликова Г.А. Корнилов Г.Е.	Особенности становления и развития кафедры истории России Динамика и интенсивность аграрного перехода: региональное измерение	4 10
Черноухов Э.А.	Медицинские заведения Екатеринбурга в 1824 г.	53
Пьянков С.А.	Система продовольственного обеспечения позднеимперской России: кризисы и реформы законодательства	61
Михалев Н.А.	Голод 1891 г. в России: интерпретация Ричарда Роббинса	74
Кругликова Г.А.	Государственная политика в области библиотечного дела в первой половине 1920- х гг.: трудности и противоречия	85
Скотникова Е.А.	Общественные организации на Урале в 1920- е гг.: процесс становления	101
Кузьмина А.П.	Кадровое обеспечение процесса сельской электрификации на Урале в 1920-1930-е гг.	109
Филатов В.В.	Производство сельскохозяйственной продукции в государственных хозяйствах на Урале в начале 1930-х годов	118
Мельников Н.Н.	Модернизации легкой и средней бронетехники на Урале в условиях войны	129
Чернышева И.И.	Школы рабочей и сельской молодежи Свердловской области в послевоенный период	145
Черезова О.Г.	Миграции сельского населения Свердловской области в 1960-70-е гг.: динамика и причины	163
Сумачева М.В.	Этноязыковые процессы на Урале во второй половине XX в.: этнологический мониторинг всесоюзных переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг.	169
Алексеева Л.В.	Общественно-политическая обстановка в Ханты-Мансийском автономном округе в начале 1990-х гг.	181
Демина Ю.В.	Голод 1933-1933 гг. в современной украинской историографии	193

К 85-летию УрГПУ 20-летию кафедры истории России

Особенности становления и развития кафедры истории России

Историю своего существования кафедра истории России ведет с 1996 года. Кафедру создал и руководит ей 20 лет доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации Геннадий Егорович Корнилов, одновременно работая заведующим сектором экономической истории в Институте истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УрО РАН). В конце XX в. ощущался разрыв между академической наукой и высшей школой, между вузами и общеобразовательными учреждениями. Молодой исторический факультет с самого начала стал ориентироваться на взаимодействие с ИИиА УрО РАН. На кафедру пришли солидные специалисты из академической науки, в ходе совместных усилий сформировалась единая поисково-информационная система в области исторических наук, использовались гибкие технологии в качестве ресурса исследования и обучения. Взаимодействие позволило расширить фундаментальные исторические исследования, увеличить число курсов и программ специальной подготовки. Сформировался интересный, творческий коллектив. Таким образом, на этапе становления оформилось лицо кафедры истории России.

За время своего существования на кафедре работали известные ученые и преподаватели г. Екатеринбурга. Коллектив кафедры всегда отличал высокий профессиональный состав. В разные годы здесь трудились доктора исторических наук, профессора – В.В. Алексеев (академик РАН, директор ИИиА УрО РАН), Е.Т. Артемов (директор ИИиА УрО РАН), А.В. Бакунин (заслуженный деятель науки Российской Федерации), Д.В. Гаврилов (заслуженный деятель науки Российской Федерации, выпускник СГПИ 1951 г.), А.В. Головнев (ныне член-корреспондент РАН), В.Д. Камынин (УрГУ), Л.А. Дашкевич, А.В. Сперанский (заведующий сектором ИИиА УрО

РАН); кандидаты исторических наук, доценты – З.И. Гузненко, Н.Н. Баженова, Л.И. Зорина, Н.Н. Мельников, И.А. Попп, С.А. Пьянков, Е.Ю. Рукосуев (ныне доктор исторических наук), М.В. Сумачева, Н.Н. Тагильцева, К.В. Кузьмин, Е.Ю. Баранов, Ю.П. Чемякин. Более 15 лет трудится на кафедре д.и.н., профессор А.Ф. Шорин (одновременно заместитель директора ИИиА УрО РАН). Ныне состав кафедры существенно сократился из-за турбулентной ситуации с высшим образованием. На кафедре трудятся два доктора наук, профессора Г.Е. Корнилов, А.Ф. Шорин, три кандидата наук, доцента Г.А. Кругликова, Т.Г. Мосунова, Э.А. Черноухов, обучаются два аспиранта Е.А. Скотникова, Д.Л. Островкин. Практически все преподаватели имеют авторские монографии, статьи в ведущих научных журналах, участвуют в научных конференциях.

Сотрудники кафедры и привлеченные ученые ИИиА УрО РАН решали задачи:

- разработки и внедрение системы исторического образования, основанного на единой гуманистической направленности – изучение человека в его взаимодействии с обществом, государством, природой, другим человеком;

- внедрение в практику исследований и учебный процесс методологии истории, обеспечивающей строгость научного исторического и гуманитарного знания;

- выполнение научной программы совместных исследований по истории с использованием материальной базы и кадрового потенциала ИИиА УрО РАН;

- организация и проведение полевых и учебных практик (археологической, этнографической, архивной и музейной);

- выполнение преподавателями, аспирантами и студентами индивидуальных научных проектов. Сотрудничество с академической наукой есть *первая особенность* функционирования кафедры.

Второй особенностью работы кафедры в режиме сотрудничества стала разработка и внедрение в учебный процесс авторских курсов «Историческое краеведение» (доц. Л.И. Зорина), «Музей истории Екатеринбурга – школе» (д.и.н. Л.А. Дашкевич), «Основы теории и методологии истории»,

«Регионоведение», «Основы геополитики» (доц. К.И. Зубков), «Этнография региона» (чл.-корр. РАН А.В. Головнев), «История крестьянства и аграрных преобразований в России», «Историческая демография» (проф. Г.Е. Корнилов, доц. Е.Ю. Баранов), «Духовная культура крестьянства» (доц. М.Г. Казанцева), «Историческая география» (доц. Е.Ю. Рукосуев, Н.Н. Мельников), «Политическая история России» (д.и.н., проф. А.В. Бакунин), «Русская православная церковь в истории России» (д.и.н., проф. А.В. Сперанский), «История управления экономикой» (д.и.н. Е.Т. Артемов), «Археология для малышей» (к.и.н. Н.А. Алексашенко).

Участвуя в подготовке специалистов-историков, Институт истории и археологии УрО РАН решал проблему пополнения кадрами – выпускники продолжали обучение в аспирантуре, защищали диссертации, ныне работают в академическом институте (Н.В. Мельникова, Н.А. Михалев, Н.Н. Мельников, С.А. Пьянков, Д.А. Ряпусова, А.А. Шорина, Е.Ю. Виллисов, А. Кузьмина, Ю.В. Демина, И.Т. Востриков и др.). Преподаватели кафедры проходят стажировку в академическом учреждении.

Итогом взаимодействия академического института – вуза было конструирование обобщенного образа уральского краеведения. В качестве стержня использовалось выявление наиболее примечательных признаков перемен в организации и проведении региональных исследований – были изданы сборники «Верхотурский край в истории России», «Ирбитский край в истории России», «Слободо-Туринский край в истории России» и др. Издано учебное пособие «Историческое краеведение» (2005), «Историческое краеведение Урала» (2015), два тома «История Урала: в помощь учителю». Крупным проектом было создание учебно-методического комплекта «История Ямала» (2013).

Третьей особенностью стала активная научная деятельность. Преподаватели кафедры стали тщательно изучать региональную историю в контексте российской истории. В частности, были подготовлены монографические сборники по истории Байкаловского, Ирбитского, Слободо-Туринского, Туринского, Полевского и других районов Свердловской

области. В 1997-2005 гг. при кафедре работала историко-краеведческая лаборатория (руководил к.и.н. А.С. Еремин): изданы монографии «Уральская нива. Летопись колхоза «Урал» Ирбитского района Свердловской области», «Ирбитская доколхозная деревня», «Ирбитский феномен: коллективизация крестьянских хозяйств в Ирбитском округе» и др. Организованы научные конференции «Летопись уральских деревень», «Каменный пояс на пороге III тысячелетия».

Интересен накопленный кафедрой опыт сотрудничества с отделением краеведения и туризма объединения «Дворец молодежи» Министерства образования Свердловской области. В 1996-2000 гг. была организована экспериментальная площадка по внедрению в сельские школы учебной дисциплины «Крестьяноведение» в селе Тыгиш Богдановического района. Для подготовки программ и учебных пособий использовались материалы, собранные студентами, аспирантами, преподавателями кафедры, сотрудниками ИИиА УрО РАН в ходе этнографических практик, социологических обследований, сбора архивных документов, записей воспоминаний старожилов. В итоге было подготовлено учебное пособие «Человек пришел на Урал» и 15 программ по «Крестьяноведению». Работа получила общественное признание, освещалась в средствах массовой информации, был снят документальный фильм «Крестьянские дети». Преподаватели кафедры сотрудничают и поныне с отделением краеведения и туризма, участвуют в проведении районных и областных школьных олимпиад, конкурсов, руководят школьным краеведческим движением.

Четвертой особенностью коллектива кафедры является постоянное совершенствование научно-методической работы. За прошедшие годы издано более 30 методичек для студентов. Среди них студентам были предложены специальные курсы, которые практически читались только в УрГПУ: «Русская православная церковь в истории России» проф. А.В. Сперанский; «Военная история России» доц. Е.Ю. Рукосуев, Н.Н. Мельников; «Энеолитические культуры Урала» проф. А.Ф. Шорин (издано учебное пособие с грифом УМО),

«Экономическая стратегия советской модели модернизации» проф. Е.Т. Артемов; «Памятники истории и культуры Екатеринбурга» доц. Л.И. Зорина, «Археология для малышей» доц. Н.А. Алексашкина и др.

Пятой особенностью является организация ежегодных всероссийских историко-педагогических чтений (проведено 19, издан 31 том материалов, опубликовано более 1 500 докладов и выступлений). Кафедра является одним из организаторов Татищевских чтений, Уральского демографического форума. Большим успехом и признанием научных заслуг кафедры было участие в подготовке двух международных конференций «История сталинизма».

Шестая особенность – постоянная внеучебная деятельность. Все преподаватели проводят занятия в музеях города и области (Свердловском областном краеведческом музее, Музее истории Екатеринбурга, Уральском центре первого Президента России Б.Н. Ельцина, музее «Крылатая гвардия». «Шурави» и др.).

Седьмая особенность - большое внимание кафедра уделяет организации и проведению полевых и учебных практик студентов (археологические экспедиции на Средний Урал (под руководством профессора А.Ф. Шорина), в Ханты-Мансийский автономный округ (руководитель доцент Ю.П. Чемякин), на Таманский полуостров Краснодарского края (организатор доцент Н.Н. Мельников, руководитель доцент Г.А. Кругликова), музейная практика проводится практически во всех музеях Екатеринбурга и области, архивная – в региональных и ведомственных архивах (руководитель доцент Э.А. Черноухов).

Восьмой особенностью является вовлечение студентов, магистрантов и аспирантов в научную и общественно-политическую жизнь. Кафедра проводит методологические семинары по актуальным проблемам отечественной истории, круглые столы. На них приглашаются известные специалисты города и страны, иностранные историки из Японии, Нидерландов, Германии, Казахстана, США.

Девятой особенностью является пополнение состава кафедры своими выпускниками, которые проявили себя еще на

студенческой скамье, прошли обучение в аспирантуре, защитили диссертации, выросли в квалифицированных работников высшей школы (Г.А. Кругликова, М.В. Сурина, Н.Н. Мельников, Д.В. Каракулов, С.А. Пьянков, И.А. Попп, И.А. Зубкова, А.И. Богатырев, И.М. Клименко и др.). И это залог успехов коллектива и надежная перспектива развития коллектива в будущем.

Преподаватели кафедры внесли весомый вклад в формирование курса истории России как самостоятельной учебной дисциплины. Коллектив кафедры обеспечивает преподавание курсов не только профильной дисциплины «История России», но и ещё 25 дисциплин.

Десятая особенность - формирование и деятельность научной школы «Аграрная и демографическая модернизация России в конце XIX – начале XXI вв.: региональное измерение» под руководством профессора Г.Е. Корнилова. Подготовка кадров высшей квалификации ведется на кафедре с 1998 г. Первым защитил кандидатскую диссертацию аспирант Д.В. Каракулов (2000 г.). В последующие годы под руководством профессора было защищено 5 докторских и 30 кандидатских диссертаций. Главный результат научной школы – это научные работы её участников, имеющие российское и международное признание.

Профессор, д.и.н. Г.Е. Корнилов
Доцент, к.и.н. Г.А. Кругликова

УДК 94(470.5)"19"

ББК 63.3(235.55)6

ВАК 07.00.02

Корнилов Геннадий Егорович, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: genakorn@mail.ru

ДИНАМИКА И ИНТЕНСИВНОСТЬ АГРАРНОГО ПЕРЕХОДА: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Аннотация. Историографический анализ выявил различные методологические интерпретации аграрной истории России в XX веке. В статье обосновывается новый методологический подход, предполагающий выявление трансформаций в экономической, социальной, политической, демографической, культурной сферах села, их эволюции и траектории, динамике и интенсивности. Такой подход способствует углублению представлений о закономерностях и особенностях развития аграрной сферы и сельского социума России в XX столетии.

Ключевые слова: модернизация, аграрная сфера, сельский социум, трансформация, агенты модернизации, региональное измерение.

Kornilov Gennady Ye. Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

DYNAMICS AND INTENSITY OF THE AGRARIAN TRANSITION: A REGIONAL DIMENSION

Abstract. Historiographical analysis has revealed different methodological interpretations of Russia's agrarian history in the 20th century. This article substantiates a new methodological approach to the matter, which is supposing the exposure of transformations in the countryside's economic, social, political, demographical, and cultural spheres, their evolution and paths, as well as their dynamics and intensity. Such an approach is conducive to give the more profound views on both regularities and particularities in developing the agrarian sphere and rural society of Russia during the 20th century.

Keywords: modernization, agrarian sphere, rural society, transformation, agents of modernization, regional dimension.

Особенностью аграрно-исторических исследований в России последнего двадцатипятилетия является особое внимание к теоретико-методологическим аспектам отечественной аграрной истории. Связано это с тем, в советский период историко-аграрные исследования характеризовались детальной разработкой только отдельных ее аспектов. Главное внимание уделялось классовой борьбе в деревне, развитию производительных сил, колхозно-совхозному строительству, формированию класса колхозного крестьянства. Разработка этих тем осуществлялась на основе доступных исторических источников, чаще на материалах съездов, конференций и пленумов ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС. В значительной степени свободный научный поиск подменялся историками толкованием партийных догм. В этом отношении классическим трудом является работа С.П. Трапезникова [77].

Тем не менее некоторые ученые давали свою интерпретацию ключевых аспектов аграрной истории России / СССР. В Институте истории СССР АН СССР под руководством В.П. Данилова сформировался ещё в условиях «оттепели» коллектив историков-аграрников: И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий, М.А. Вылцан и др.

Демократизация в СССР, кризис аграрной сферы обусловили особый интерес к аграрной истории. С конца 1980-х гг. установились тесные научные контакты с зарубежными учеными – Т. Шаниным, М. Левиным, С. Уиткрофтом, Р. Маннинг, Л. Виолой, А. Береловичем, Н. Вертом, Х. Окудой и др. Изучение российского крестьянства на Западе было осложнено отсутствием доступа к советским архивам, однако западные коллеги имели преимущество перед советскими историками в свободе научного поиска. Они выработали подходы, отличающиеся и от традиционных марксистских схем советского обществоведения, и от современных модернистских построений. Они имели единое позитивистско-сциентическое видение исторической реальности, рассматривая ее линейно

(монизм). Для зарубежной аграрной историографии характерен отход от моделей тотальной истории. Её развитие проходило в общем контексте становления методологии «социальной истории». Главным ее направлением стала повседневная история народа, рассказанная живыми «голосами снизу», а не изложенная в интерпретации политических элит. Несомненным достижением западной науки стало утверждение в качестве самостоятельного направления историко-аграрных исследований — крестьяноведения. Оно явилось одним из локальных видов социокультурного подхода.

«Материальной» основой активизации аграрных исследований и международного сотрудничества стала «архивная революция». С конца 1980-х гг. открылись закрытые архивы, многие секретные фонды. Историческую науку захлестнула настоящая «архивная лихорадка» [64, с. 69 – 74; 65, с. 118 – 138].

В.П. Данилов, благодаря своему научному авторитету среди отечественных и зарубежных исследователей, сумел организовать международные проекты с целью получения новых знаний по аграрной истории России XX века на основе всестороннего изучения архивных документов, а также выработки адекватной методологии исследования. Наиболее крупными проектами были «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918 – 1939 гг.» [60; 61; 62; 63], «Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939 гг.» [68; 69; 70; 71; 72; 73], «Крестьянская революция в России. 1902 – 1922 гг.» [44], «Изучение социальной структуры русского села», «Российские и японские исследователи в проекте «История русского крестьянства в XX веке» и др. Важным результатом этих проектов было то, что они дали мощный толчок региональным историко-аграрным исследованиям. Под их прямым и опосредованным влиянием основные идеи апробировались в виде диссертаций, статей и монографий. Слабым местом исследований по аграрной истории являлось недостаточное использование современных методов исследования, недостаток теоретико-методологических разработок.

В этом смысле заметным явлением научной жизни 1990-х – начала 2000-х гг. была работа теоретического семинара “Современные концепции аграрного развития”, проводимого Институтом российской истории РАН и Междисциплинарным академическим центром социальных наук (Интерцентр) [57]; организация издания ежегодника «Крестьяноведение. Теория. История. Современность» [43]. В 8-ми выпусках представлены результаты исследований, посвященным междисциплинарным аспектам изучения сельской жизни России и мира. Помимо традиционной крестьянской проблематики публикуются материалы об аграрной политике и экономики, о проблемах местного самоуправления, региональных особенностях развития сельских территорий.

Теоретические поиски в области изучения аграрной истории свидетельствовали о преодолении концептуальных стереотипов советской историографии. Особое место заняли работы В.П. Данилова, в которых прослеживается развитие аграрных отношений в России в длительной исторической ретроспективе [17]. Многочисленные аграрные перестройки в нашей стране, по его мнению, - “суть реформы и контрреформы эпохи первоначального накопления” [14, с. 310]. Несколько позже В.П. Данилов конкретизировал этот тезис и определил их как “...потрясения крестьянской страны, вступившей на путь индустриально-рыночной модернизации”. Реформы и революции в России заняли особенное место в историческом процессе, “стали определять характер не только аграрной эволюции, но и общий ход истории России” [15, с. 3, 4]. В.П. Данилов выделил и особенности модернизации в России: “Исторические судьбы страны второго или даже третьего “эшелона” перехода к капитализму, связанные с ее социально-экономической отсталостью, толкали Россию на путь “догоняющего” развития, усиливали роль и без того гипертрофированной государственной власти”. В.П. Данилов отметил и факторы, которые тормозили модернизационные процессы: “Бросается в глаза сильнейшее влияние посторонних интересов (государственных, господствующих классов и т. п.) – посторонних тем задачам, которые реформы были призваны

решать. С этим была связана прежде всего, их вынужденность разного рода политическими событиями: военными поражениями, социальными конфликтами, отставанием в “соревновании” стран, идеологическими устремлениями – самодержавно-патриархальными, социалистическими или, как ныне, либерально-буржуазными” [16, с. 20, 21].

В последние годы в историографии аграрной истории России выделяются два направления. Вологодские историки М.А. Безнин и Т.М. Димонивыдвинули концепцию государственной «капитализации» сельского хозяйства как особого российского способа аграрной модернизации [12, с. 94 - 121]. Они утверждают, что в условиях колхозного строя шло первоначальное накопление капитала, предложили классификацию типов крестьянской зажиточности. «Крестьянский» тип зажиточности, характеризующийся, по их мнению, потребительской ориентацией, сохранял свои позиции до середины 1950-х годов. Со второй половины 1950-х гг. происходило становление типа зажиточности «протобуржуазного», который формировался в процессе раскрестьянивания. По мнению авторов, в 1950-е гг. в «значительной степени» и в 1960-е гг. «по ряду характеристик» сформировался ранний госкапитализм в российской деревне (а в отдельных случаях они называют капитализмом), и одновременно шел процесс формирования протобуржуазии (якобы сформировавшейся к началу 1990-х годов) [11, с. 23 - 44]. На наш взгляд, отождествление колхозной эпохи с эпохой капитализма в российской деревне не перспективно ни в теоретическом, ни в практическом смыслах. Аграрного капитализма в классическом виде в России в XX веке не наблюдалось.

Другим направлением историко-аграрных исследований, представленных трудами С.А. Есикова [20, с. 94 - 100; 21, с. 468 – 479; 22, с. 152 – 161; 23], В.А. Ильиных, В.В. Кондрашина [29, с. 37 – 44; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39], В.А. Лабузова [45], Л.Н. Мазур [46, с. 160; 47, с. 63; 48; 49; 50], В.В. Наухацкого [53; 54; 55], О.А. Суховой, В.В. Филатова [75; 76; 77] и др., является изучение процессов в российской деревне в

рамках концепции модернизации. Историки исследуют трансформацию аграрной сферы России, сельскохозяйственного производства, ее результаты и последствия, изменения в политических и социальных отношениях, в поведении и менталитете крестьянства. В.А. Болдырев, не отрицая модернизации постоктябрьской деревни, называет ее «фрагментарной» и определяет ее как преобразования, которые охватили только отдельные сферы жизни государства и общества, но не были направлены (сознательно или невольно) на комплексное их изменение [13, с. 98].

Новосибирский историк В.А. Ильиных, анализируя сущность и основное содержание реализуемых в Сибири в XX веке моделей аграрного развития, считает, что в условиях 1930 – 80-х гг. происходило огосударствление аграрного строя страны. Организационно-производственной его основой стали крупные государственные сельскохозяйственные предприятия, в которые были превращены и колхозы [24, с. 644; 25; 26; 27]. Формирование аграрных моделей перспективно, однако оно применимо к конкретно-историческим периодам, иначе не ясным остается длительная динамика процессов в аграрной сфере, сложно выявляются агенты модернизации и их цели.

Безусловно, нельзя однозначно оценивать результаты модернизации российской деревни. Модернизация в России советского периода насаждалась сверху железной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью народа; ее успехи были достигнуты за счет насилия, дешевого принудительного труда, прежде всего крестьян-колхозников. Модернизация носила догоняющий и очевидный военно-политический характер. Она не решала многих задач классического варианта (создание рынка товаров, капиталов и труда, обеспечение свободы личности, создание механизма саморазвития).

Однако отрицать ее невозможно. Модернизация являлась мировой тенденцией XX столетия, это, как отметил академик В.В. Алексеев, было явление цивилизационного масштаба [9, с. 266]. Россия вошла в XX век аграрной страной, вышла из него страной индустриальной. Процессы модернизации определяли

все сферы жизни и деревни, другое дело, в какой форме они происходили, какие приоритеты были на различных ее этапах, к каким результатам они привели.

Аграрная сфера является базисным элементом устойчивости любого общества. Нестабильность аграрного строя, несоответствие уровня развития сельского хозяйства стоящим перед страной внешнеполитическим и внутривнутриполитическим задачам, осознание необходимости его радикальной трансформации стали одной из главных побудительных причин революционных событий в 1905 г., в 1917 г., в начале 1990-х гг. Несмотря на предпринятые в их рамках попытки преобразования аграрных отношений, аграрно-крестьянский вопрос в России столь же актуален в начале XXI века, как и в начале XX века. Исторический опыт XX столетия показывает, что всероссийская модель структурно состоит из региональных составляющих, включающих особенности сложившихся историко-географических, историко-экономических, историко-культурных реалий.

Трансформацию в аграрной сфере и сельском социуме в рамках модернизации обозначим термином “аграрный переход” [40, с. 507 – 515; 41, с. 286 – 316; 42, с. 136 - 144]. В ходе аграрного перехода происходило: утверждение частной собственности на землю, внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий, интенсивных систем земледелия, сельской электрификации, внедрение научных достижений, новых орудий труда и усовершенствованной сельскохозяйственной техники, развитие рыночных отношений и кооперации (**экономическая трансформация**); изменение типа воспроизводства сельского населения, ломка сельской патриархальной семьи (**демографическая трансформация**); демократизация общественно-политической жизни, участие крестьянства в политических процессах, партиях, движениях (**политическая трансформация**); преодоление консервативных экономических представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, внедрение грамотности крестьянства, внедрение городской культуры и городских ценностей, секуляризация сознания и образа жизни (**культурная**

трансформация); формирование в среде крестьянства кадров массовых профессий, особенно механизаторов, специалистов сельского хозяйства (**социальная трансформация**); изменение сельской поселенческой сети (**трансформация сельского расселения**).

Направления, темпы развития и формы проявления компонентов агроперехода были обусловлены и конкретизировались конкретно-исторической обстановкой, борьбой конструктивных и деструктивных элементов.

Модернизационные процессы в российской деревне можно условно разделить на три фазы: 1-я – конец XIX – середина XX в.; 2-я – середина XX в. – конец 1980-х гг.; 3-я – начало 1990-х гг. – начало 2000-х гг. В основу периодизации положен комплекс факторов, приводивших к качественным изменениям в жизни села. Концепция позволяет рассматривать аграрную трансформацию России с позиции континуитета, непрерывности процесса.

На первой фазе в значительной мере содержание агроперехода определяла система земледелия, точнее переход от экстенсивных систем к интенсивным. Земля является основным и неизменным средством производства в сельском хозяйстве. В первой фазе агроперехода преобладало экстенсивное развитие сельского хозяйства. Вплоть до середины XX в. В силу огромных неосвоенных земельных массивов России перед крестьянством не стояли задачи повышения плодородия почв, проблема была лишь в восстановлении плодородия земель. Площади под зерновыми культурами выросли в России с 62,9 млн га в 1913 г. до 68,2 млн га в 1953 г. (на 8,4%). Рост посевов шел в основном за счет посадок картофеля, овощей и кормовых культур. Урожайность зернобобовых культур незначительно сократилась: в 1913 г. она в среднем по стране составляла 8,0 ц с га, в начале 1950-х гг. – 7,0 – 7,6 ц с га, урожайность картофеля выросла на 20% [59, с. 496 - 500].

К началу агроперехода большая часть крестьянских хозяйств оставалась на уровне, едва обеспечивавшем собственное потребление. При неблагоприятных погодно-климатических условиях, несмотря на внедрение системы

обеспечения народного продовольствия, часто вспыхивали голодовки (1901, 1906, 1911 гг.). Этот фактор в 1921-22 гг., усугубленный разрухой после Гражданской войны, а также продовольственной политикой большевиков, вызвал страшный голод. Осуществление сталинской “революции сверху” – коллективизации сельского хозяйства вызвали кризис сельского хозяйства, привели к голодовке 1932-33 гг. Разруха в результате войны 1941-45 гг. привела к голодовке 1946-47 гг. На первой фазе агроперехода не была изжита присущая традиционному обществу черта – периодически вспыхивавшие голодовки, особенно если неурожай продолжался два года подряд.

Социально-политические катаклизмы влияли на аграрный переход, однако не могли его остановить, придавали ему специфические черты. В силу того, что сельскохозяйственное производство периодически восстанавливало то уровень 1913 г., то 1928 г., то 1940 г., а ныне 1990 г., его развитие проходило в значительной степени на экстенсивной основе. Специфичность агроперехода особенно на первой фазе, проявилась в его затяжном характере, что было связано с войнами, революциями. Крестьянские хозяйства вынуждены были постоянно возвращаться к архаичным и экстенсивным системам земледелия с целью выживания. Роста производительности труда или реального дохода на душу крестьянского населения практически не происходило. В колхозную эпоху отсутствовали стимулы экономической активности крестьян-колхозников, необходимо было выживать, а не накапливать. Крестьянство в XX веке оставалось самой бедной частью населения.

Результатом трансформации аграрной сферы в первой фазе агроперехода было раскрестьянивание. Этот процесс, связанный с сокращением численности крестьянства, а также с изменением образа жизни сельских жителей. Крестьянство постепенно утрачивало свои классовообразующие признаки и свойства. Раскрестьянивание имело две стороны – внутреннюю и внешнюю. Внешнее раскрестьянивание проявилось в физическом сокращении численности крестьян. Особенностью этого процесса было преобладание политико-идеологических факторов, существенно его ускорявших. В конце 1950-х гг. в

сельской местности РСФСР проживало 48% всего населения, наибольшее сокращение произошло в Северо-Западном районе до 35%, в Центральном – до 39%, в Уральском – до 44% [52, с. 361, 362].

Наиболее динамичный, ярко проявившийся процесс внешнего раскрестьянивания дополнялся внутренним – изменением форм жизнедеятельности крестьянства, разрушением традиционного образа жизни. Внутреннее раскрестьянивание постепенно охватывало культурные традиции, досуг, мировоззрение сельских жителей. Постепенно утрачивались специфические черты и особенности крестьянства как социальной группы. Раскрестьянивание – очень длительный процесс, результат агроперехода. Ему противостоял ряд факторов: удаленность от крупных городских центров, слаборазвитая инфраструктура села, сохранение традиций труда, досуга, быта, культурно-психологический строй деревенской жизни.

Российская деревня за первую половину XX века очень изменилась. На этой фазе агроперехода быстрыми темпами шла ломка уклада сельской жизни – разъединялись сферы труда и быта, бывшие веками слитными; уходил в прошлое размеренный ритм деревенской жизни, во многом определявшийся ритмами природы и сезонностью сельскохозяйственных работ, освящаемых и одухотворяемых церковью, теперь он больше зависел от распоряжений властей; постепенно исчезала локальная замкнутость “мира деревни”, сокращавшая возможность контактов. Однако переход к преимущественно индустриальному развитию не привел к гармоничным взаимоотношениям между городом и деревней, к индустриальному аграрному развитию. Однобокость этого процесса вела к дальнейшему раскрестьяниванию. Модернизация аграрной сферы оказалась “странной”, поскольку не произошло качественного улучшения жизни селян.

На первой фазе агроперехода четко выделяются два этапа: до 1930-х гг. и 1930 – 50-е гг. На первом этапе общий земельный фонд в России практически не изменился, на втором – в связи с интенсивным индустриальным освоением и ростом городского

населения, а также расширением сельскохозяйственных посевов существенно увеличился. В 1930-е гг., когда сложился комплекс предприятий сельскохозяйственного машиностроения, началась эпоха механизации и механизации сельскохозяйственного труда. Намечается процесс перехода от конно-ручной тяги к механизации основных сельскохозяйственных операций. Внешне аграрный переход протекал на этой стадии под лозунгом социалистических преобразований, но его направленность и решаемые задачи были связаны с коренной сменой форм собственности, внедрением крупных форм организации сельскохозяйственного производства, с интенсификацией аграрного производства в целом. Колхозы и совхозы стали определять производство сельскохозяйственной продукции (производили около 90% валовой продукции растениеводства). В условиях колхозно-совхозного строя стало уделяться большое внимание повышению урожайности полей на основе улучшения агротехнических приемов: введению севооборотов, внесению в почву органических удобрений, посевов сортовыми семенами, сокращению сроков проведения сельскохозяйственных кампаний. В пригородных районах стала создаваться картофеле-овощная и мясо-молочная зоны. Эти элементы интенсификации позволили поднять урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства.

В 1930-е годы в условиях господства крупных форм организации сельскохозяйственного производства стала внедряться травопольная система земледелия, разработанная В.Р. Вильямсом. Она представляла собой сложную модификацию экстенсивных систем земледелия (паровую, зерновую, многопольно-травяную). Восстановление и повышение плодородия почв пытались осуществить биологическим путем, с помощью многолетних трав или через систему севооборотов. Одновременно в ряде регионов намечается вытеснение зернового трехполья интенсивной системой полеводства. Чисто зерновое хозяйство уступало место сельскохозяйственному производству с развитым животноводством, возделыванием технических и зерновых

культур. Об этом свидетельствует изменение в структуре посевов. Повсеместно проводилась опытническая работа по районированию сортов семян сельскохозяйственных культур и бонитировка скота.

В годы Великой Отечественной войны оказались потеряны те элементы интенсификации земледелия, которые активно насаждались в довоенный период. Деревня была резервуаром резервов и ресурсов для развития промышленности. Сельское население в годы войны являлось основным источником пополнения действующей армии, комплектования кадров для промышленности, транспорта и строительства, что обусловило значительный отток людских ресурсов из деревни

В аграрной политике послевоенного времени можно выделить следующие направления: расширение посевных площадей коллективных хозяйств, увеличение поголовья скота и машинного парка, введение новых форм организации и оплаты труда, электрификация села, наконец, укрупнение хозяйств. Последнее мероприятие можно считать стержневым направлением аграрной политики, так как идея превосходства крупного производства над мелким по аналогии с промышленностью оставалась базисной в концепции развития сельского хозяйства.

Рост армии и городского населения тяжелым бременем лежал на аграрной экономике. Многопольные (6 - 8-польные) севообороты в регионе были нарушены, их восстановление осуществлялось только в конце 1940-х – 1950-е годы. Не было прогресса в совершенствовании сельскохозяйственной техники – восстанавливаемые тракторные и другие заводы сельхозмашиностроения ориентировались на выпуск довоенных моделей. Существенный удар по внедрению интенсивных сельскохозяйственных технологий был нанесен “лысенковщиной”, объявившей войну новым методам селекции и семеноводства. В силу объективных и субъективных факторов на первой фазе агроперехода в целом господствовало экстенсивное развитие сельского хозяйства, что сопровождалось нарастанием проблемы продовольственного обеспечения населения.

Прогрессивные тенденции аграрного развития в послевоенные годы проявились в практике полезащитных лесопосадок, расширении использования органических и минеральных удобрений. Во второй половине 1940-х годов развернулась электрификация села путем строительства малых гидроэлектростанций, с 1953 г. колхозы стали подключаться к государственным электросетям [28, с. 632 - 636]. Однако становилось ясно, что экстенсивные системы земледелия исчерпали свой потенциал, справиться с продовольственным обеспечением выросшего городского населения аграрная сфера региона уже не могла. Необходимо было внедрение интенсивных технологий сельскохозяйственного производства, которое не состоялось на первой фазе аграрного перехода. Колхозники были самой материально неблагополучной группой советского населения. Факторами, тормозящими улучшение материального состояния колхозников, являлись: жесткая налоговая политика, низкая оплата труда в колхозном производстве, ограничение личных хозяйств. Колхозники не имели заинтересованности в расширении общественного производства. Они не стали носителями модернизационных изменений. На второй фазе агроперехода (1950-80-е годы) носителями модернизационных изменений наряду с механизаторами выступали специалисты сельского хозяйства, их доля среди занятых в аграрной сфере неуклонно росла, однако все большую роль начинала играть сельская номенклатура (включавшая руководителей хозяйств, сельских партийных функционеров, советских руководителей).

Противоречивость ситуации в аграрном секторе заключалась в том, что достигнутые производственные результаты не облегчили тяжелое экономическое положение хозяйств и колхозников. Конфискационная заготовительная и налоговая политика подрывала внутренние ресурсы аграрной экономики. Не оставалось возможностей даже для простого воспроизводства. В начале 1950-х гг. произошло сильное сокращение сельскохозяйственного производства. Одной из причин нарастающего кризиса стало массовое укрупнение колхозов. Оно достигло столь значительных масштабов (по

СССР было укрупнено 79,3% сельхозартелей), что фактически переросло рамки просто организационных изменений и оказало влияние на все стороны жизни деревни [47, с. 63]. Оно осуществлялось административными методами, мнение колхозников чаще всего не учитывалось. Как и во времена коллективизации, в деревнях стали забивать скот, растаскивать колхозное имущество. Процесс укрупнения, как правило, сопровождался дополнительным увеличением земельных угодий колхозов. На Урале при серьезном недостатке трудовых ресурсов на селе и плохом техническом оснащении увеличение земельных площадей хозяйств вело к нерациональному использованию угодий, а нередко и к запустению ранее обрабатываемых участков.

В результате увеличение земельных фондов сельхозартелей, налоги и размеры государственных поставок, натуральной оплаты МТС выросли, одновременно возросли затраты на внутренние коммуникации, а значит, и себестоимость продукции, выросла убыточность колхозного производства [66, с. 98]. Укрупнение колхозов не было экономически оправдано: еще не существовало достаточных факторов для создания в массовом порядке крупных специализированных хозяйств, а форсирование этого процесса поставили хозяйства в очень сложную ситуацию.

Пересмотр основных направлений аграрной политики был предпринят в сентябре 1953 г. на пленуме ЦК КПСС [2, с. 385 – 429]. Аграрный вопрос находился в центре внимания правительства в течение десятилетия. Н.С. Хрущев был полон решимости осуществить в короткое время мощный рывок в области сельского хозяйства, поднять на новый уровень благосостояние народа. Этот фактор и комплекс мер по переводу сельского хозяйства на индустриальные основы позволяют выделить особый период второй фазы аграрного перехода. Основные направления властей были направлены:

- на изменение принципов налоговой и заготовительной политики, направленных на повышение материальной заинтересованности крестьян,
- на увеличение капиталовложений в сельское хозяйство,

- на внедрение новых принципов планирования, способствовавших развитию местной инициативы,
- на организационные преобразования (ликвидация МТС, перевод колхозов в совхозы, укрупнение хозяйств, образование совнархозов),
- изменение социально-экономического статуса крестьянства (введение паспортов, пенсий, минимума оплаты труда).

Однако нехватка зерновой продукции и сложность международной обстановки вновь заставили правительство приступить к расширению посевных площадей за счет освоения целинных и залежных земель. В их освоение было вложено за 1954 – 1959 гг. 37,4 млрд руб. Было освоено около 45 млн га земель, в 1,5 раза увеличилось производство зерна – с 8,1 млн до 12 млн т в среднем за год [59, с. 185]. Многочисленные ошибки, допущенные в ходе этой кампании, высокая цена, заплаченная за хлеб, а возможно и преждевременность столь масштабных действий не позволили решить хлебную проблему. Становилось ясно, что экстенсивные формы развития сельского хозяйства исчерпали свой потенциал. С 1963 г. СССР впервые стал завозить зерно из-за границы.

В 1950-е годы выросла техническая оснащенность колхозов и совхозов. Тракторный парк вырос в 1,9 раза. Механизация основных сельскохозяйственных работ в уральских областях была выше, чем по стране и приближалась к 100%-му рубежу.

Активно продолжалась электрификация уральской деревни. К 1960 г. две трети колхозов и почти все совхозы были электрифицированы. В 1960-е гг. электрификация продолжалась, главным образом, путем возведения трансформаторных подстанций для использования тока от высоковольтных линий электропередач. Электрификация деревни позволила использовать электроэнергию для приготовления кормов, для водоснабжения ферм, хозяйства внедряли доильные аппараты.

В плане трансформации сельского хозяйства несомненный интерес представляет попытка изменения принципов планирования. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров

СССР “Об изменении практики планирования сельского хозяйства” (март 1955г.) предусматривался новый порядок планирования сельскохозяйственного производства, в котором отправной точкой служил объем товарной продукции [3, с. 52 - 58]. Был заявлен принцип, что планирование должно начинаться непосредственно в колхозах, МТС и совхозах. Исходя из государственного плана заготовок и закупок, они сами должны были определить размер посевов под соответствующие культуры, количество скота. Новый порядок способствовал пробуждению инициативы хозяйств в разработке планов. Однако на деле принципы, заявленные в постановлении, не получили развития. Продолжалось навязывание сверху структуры посевов, часто не соответствовавших местным природно-климатическим условиям, хозяйствам спускались в директивном порядке задания по распахке под посевы многолетних трав и чистых паров, плановые задания, как и раньше часто менялись, выдавались различные дополнительные задания. Частичные попытки реализовать постановление на практике наталкивались на противодействие административной системы. Планирование оставалось централизованным, сводя на нет экономические стимулы сельского хозяйства. На этом этапе агроперехода административный аппарат выступил тормозом модернизации.

Попытки добиться подъема в аграрной сфере опирались на организационные мероприятия, которые должны были в какой-то мере компенсировать недостаток экономических стимулов. В этом отношении заслуживает внимания крупные акции, имевшие для деревни весьма неоднозначные последствия. Это – реорганизация МТС и передача техники в колхозы; новая волна укрупнения хозяйств и преобразования колхозов в совхозы; реформа органов управления.

В 1958 г. февральский пленум ЦК КПСС постановил реорганизовать машинно-тракторные станции в ремонтно-технические (РТС), а технику передать на определенных условиях в колхозы [3, с. 316 – 322]. Для облегчения покупки техники колхозам списывали задолженности прошлых лет, выдавали кредиты. Основная часть МТС была преобразована в

РТС еще до начала весенне-полевых работ 1958 г. Такая поспешность создала массу проблем: хозяйствам часто передавалась неотремонтированная техника, для работы на машинах в хозяйствах не хватало механизаторов, возникали авралы с материально-техническим снабжением и ремонтом приобретенной техники. Создание собственного машинно-тракторного парка не могло не отразиться на экономике колхозов — существенно возросли расходы хозяйств, поспешность, с которой прошла реорганизация МТС, спровоцировала огромное количество финансовых, технических и организационных проблем.

Реорганизация МТС подтолкнула процессы, связанные с концентрацией производства, объединением хозяйств в более крупные организационные формы. Наряду с укрупнением колхозов с 1954 г. в нарастающем темпе проходил перевод колхозов в совхозы. Для многих слабых хозяйств это имело положительное значение, так как работники получали в совхозах более высокий и стабильный заработок. Были предприняты меры для укрепления экономического положения новых хозяйств. Однако в число вновь созданных совхозов попадали и сильные в экономическом отношении колхозы. Для них реорганизация не дала положительных результатов, даже, напротив, в ряде новых хозяйств после преобразования наблюдался спад производства. При этом необходимо отметить, что государственные хозяйства в 1930-1950-е гг. в целом были более убыточными, чем колхозы, всегда находились на дотации государства. Реализация этой программы имела скорее идеологическую привлекательность, так как государственные формы хозяйствования были, по мнению властей, более передовыми и прогрессивными, чем коллективные. В условиях “победы социализма” коллективные хозяйства должны были исчезнуть. Во второй половине 1950-х гг. возрастает роль совхозов в аграрном секторе.

Конец 1950-х — начало 1960-х годов были наполнены постоянными попытками с помощью “чуда”, “волшебного средства” добиться таких урожаев, которые должны были продемонстрировать миру все преимущества социалистической

экономики. Это происходило на фоне разворачивавшейся “зеленой революции”. Таким волшебным средством была и знаменитая кукуруза, и борьба с травопольными севооборотами. Бездумное внедрение всех этих нововведений встречало отпор со стороны людей, болеющих душой за судьбу деревни. Известный курганский полевод Т.С. Мальцев, тщательно изучив вековые традиции крестьянской культуры, разработал агротехнические методы выращивания высоких урожаев в условиях Урала. Центральное место среди них он отводил сохранению паров и обработке почвы безотвальным плугом и методом поверхностного рыхления, которые не разрушают структуру почвы, препятствуют испарениям влаги. Эти методы позволяли получать стабильные урожаи при любых погодных условиях на землях с небольшим плодородным слоем в степных и лесостепных районах. Борясь за сохранение чистых паров, Т.С. Мальцев убеждал, что валовой сбор урожая пшеницы в каждые 5 - 6 лет будет выше, если земля один год будет находиться под паром [51].

Итоги дискуссии о пользе и вреде травопольных севооборотов и чистых паров были неутешительными, вопрос решили не ученые, а чиновники. Пятая часть пашни была занята кукурузой, бобовыми и свеклой. Травопольная система объявлялась тормозом развития земледелия. Чистые пары были полностью ликвидированы. В результате внедрения такого севооборота снизилась урожайность, росла засоренность полей, усилилась эрозия почвы. [67, с. 31].

Н.С. Хрущев начал борьбу с личными подсобными хозяйствами (ЛПХ) крестьян, которые рассматривались как тормоз, мешающий развитию общественного хозяйства. ЛПХ отвлекали внимание и силы от колхозного производства и способствовали росту частнособственнических настроений. Наступление на приусадебные хозяйства проявлялись в урезке земельных участков и сокращении поголовья домашнего скота. Такое отношение к крестьянскому хозяйству привело к аграрному кризису начала 1960-х гг. В крестьянских хозяйствах создавалась значительная часть сельскохозяйственной продукции [18, с. 101].

Несмотря на все изменения, которые принесла с собой в деревню коллективизация, крестьянское хозяйство сохранилось и выполняло важнейшую функцию – обеспечение крестьянской семьи необходимыми продуктами. В середине века личное подворье оставалось основным источником формирования бюджета и потребления колхозников. Крестьянский двор в целом сохранил черты традиционного семейного хозяйства: многоотраслевую структуру, полунатуральный характер, использование трудового потенциала семьи. Домохозяйство включало семью, землю, скот, инвентарь, жилые и хозяйственные постройки. Гонения властей на индивидуальные хозяйства обострили продовольственную ситуацию. В начале 1960-х гг. особенно в крупных городах возникли перебои в снабжении хлебом, молоком, мясом. Цены на продукты питания выросли в среднем на 30%. Карточной системы удалось избежать, благодаря начавшимся массовым закупкам зерна за рубежом.

Стремление исправить ситуацию, перевести аграрную экономику на качественно новый уровень отразились в комплексе мер, принятых во второй половине 1960-х годов. Знаменательным стал мартовский пленум ЦК КПСС 1965 г., на котором было заявлено о переходе к твердым долговременным планам заготовок сельскохозяйственных продуктов, повышении заготовительных цен, изменении принципов налогообложения колхозов и совхозов (налоги стали начислять не с валового, а с чистого дохода) [4, с. 502 – 505]. Деятельность предприятий предложено было оценивать по уровню их рентабельности. Был провозглашен курс на интенсификацию и специализацию сельскохозяйственного производства, мелиорацию и освоение новых земель. Изменилось и отношение к личным приусадебным хозяйствам, ограничения их деятельности, введенные в конце 1950-х гг., были признаны ошибочными, а местным властям предписывалось оказывать помощь населению в обзаведении скотом, обеспечении кормами, обработке земли.

Интенсификация сельского хозяйства требовала крупных капиталовложений, проведение комплексной механизации сельскохозяйственных работ, а также целый ряд других

мероприятий, которые должны были обеспечить рост производительности труда.

На втором этапе второй фазы агроперехода стал осуществляться комплекс различных интенсивных систем земледелия – зернопаровая, зернопропашная, зернотравяная, культурно-мелиоративная, почвозащитная, пропашная, улучшенная зерновая и др. С начала 1980-х гг. внедряются зональные системы земледелия, в которых все звенья – севообороты, способы обработки почвы и посевы, удобрения, уничтожение сорняков, борьба с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений – должны были учитывать почвенно-климатические условия и материально-техническую базу хозяйств.

Важным моментом перехода к интенсивным системам полеводства была разработка в 1981 г. программы по выработке научно обоснованной системы земледелия. Она включала агрономическую характеристику природных условий, почвенно-климатическое и эрозийное районирование; направление, масштабы, темпы специализации и концентрации сельскохозяйственного производства; севообороты, структуру посевных площадей и их совершенствование.

За 1953 – 1990 гг. посевные площади по России увеличились на 21,2 %, при этом до 1976 г. фиксировался рост на 30,6 %, а затем произошло сокращение на 7,2%. Посевы зерновых культур сократились на 7,4 %, однако, достаточно заметным оказался рост их урожайности: с 7,1 ц с га в 1953 г. до 19,5 ц с га в 1990 г. (в 2,7 раза) [59, с. 177, 500].

Объем капиталовложений в аграрную сферу во второй половине 1960-х гг. возрос почти в 2 раза. В результате расширился машинно-тракторный парк колхозов и совхозов. На полях появились новые марки техники: трактор Т-100М, Т-130, комбайны “Нива”, “Колос”, “Сибиряк”, которые позволили повысить производительность труда в 1,5 – 2,5 раза. Несмотря на заметное увеличение техники не хватало, чтобы полностью обеспечить потребности хозяйств, часть работ, особенно в овощеводстве и животноводстве, выполнялись вручную. Трудности возникали с ремонтной базой хозяйств, так как

поставляемые централизованным порядком техника и запасные части часто не соответствовали нуждам колхозов и совхозов, несогласованная деятельность отделений “Сельхозтехники” сводила к минимуму все преимущества механизации.

Активно продолжалась электрификация деревни. Подавляющая часть сел к 1980-м гг. была обеспечена электричеством. Потребление электроэнергии в деревне возросла в несколько раз. Все шире электроэнергия использовалась в производстве, особенно в самой трудоемкой отрасли – в животноводстве.

Мероприятия по мелиорации активно осуществлялись и последующие 1970– 80-е годы. Однако они привели к неоднозначным последствиям. Наиболее серьезной проблемой стало нарушение экологического водного баланса.

Крупные системные меры в сельском хозяйстве привели к заметным положительным сдвигам. А.А. Никонов приводит следующие данные о расширении масштабов капитальных вложений, наращивании объемов сельскохозяйственного производства: внесение минеральных удобрений увеличилось с 2,2 кг на га в 1960 г. до 97,5 кг в 1990 г.; площадь орошаемых земель за это время выросла в 2,3 раза; площадь осушенных земель – в 2,2 раза; энерговооруженность труда увеличилась с 5,7 л.с. на человека до 28,8 л.с.; колоссально выросла электровооруженность труда с 160 кВт. часа на человека до 4855 кВт. часа (рост в 30,3 раза) [56, с. 315].

Прогресс в области сельского хозяйства оказался результатом комплекса мер по модернизации аграрной сферы: интенсификация ряда отраслей, увеличение капиталовложений, специализация хозяйств, а также благодаря расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, тем экономическим стимулам, которые были заложены в заготовительной политике, планировании, налогообложении. С начала 1970-х гг. однако вновь усиливаются процессы, связанные с централизацией и администрированием, экономические рычаги вновь заменяются привычными для системы методами “борьбы за повышение производительности труда”, что отразилось на состоянии сельского хозяйства.

Уже с середины 1970-х годов темпы роста сельскохозяйственного производства стали падать. Определенную роль в этом сыграли неблагоприятные условия, но главная причина спада – истощение внутренних ресурсов аграрной экономики, в которой сохранялась экстенсивность.

Одной из серьезных проблем, негативно влиявших на аграрный сектор, было сокращение трудоспособного сельского населения. На протяжении второй половины XX века общая численность селян и их доля в общей численности населения неуклонно сокращались.

Наиболее активно численность селян сокращалась в 1960 – 70-е гг., когда миграции из сельской местности становятся особенно интенсивными вследствие проводимой государством политики сселения “неперспективных” деревень. Крупные поселения, расположенные в зоне агломераций, все более плотно интегрировались в городскую среду, хотя и сохраняли свою сельскохозяйственную направленность, однако образ жизни и элементы инфраструктуры этих поселений приобретали урбанизированные черты [49, с. 271].

Одновременно происходила деформация половозрастной структуры сельского населения. Очень заметно было увеличение доли и абсолютного числа лиц пожилого возраста. Сокращалась доля молодежи и детей. Это было связано как с сокращением рождаемости и увеличением продолжительности жизни, так и с миграциями населения, в результате которых село покидали, прежде всего, люди молодого возраста.

Повышенная миграционная активность молодежи до 20 лет, как правило, была связана с желанием продолжить образование, поскольку в сельской местности возможностей для этого практически нет. Для юношей одной из причин отъезда была необходимость службы в армии. Для старших возрастных групп на первом месте среди причин отъезда из села стояли неудовлетворенность условиями труда и уровнем заработной платы, которые существенно уступали городским, а также бытовыми условиями. Кроме того, для тех, кто успел обзавестись семьей и детьми, определенную роль играли отсутствие или отдаленность детских дошкольных учреждений

и школ. Не последнюю роль среди причин миграций играл и более низкий, чем в городе, уровень медицинского и культурного обслуживания.

Структура основных причин, приводивших к отъезду из сельской местности, в 1950 – 80-е гг. изменялась. Если в 1950 – 60-е гг. основными проблемами на селе считались низкий уровень оплаты труда, то в 1970 – 80-е гг. все чаще на первый план выходили тяжелые условия труда и более низкий уровень жизни в сельской местности по сравнению с городом. Это свидетельствовало о распространении в среде сельского населения городских стандартов жизни.

Обезлюдение деревень привело к тому, что уже с 1950-х гг. в отдельных областях для сельскохозяйственных работ, особенно в период уборки, стали привлекать горожан. В 1970 – 80-е гг. это стало повсеместным явлением, превратившимся в своего рода “повинность” города перед деревней. Шефствующие над колхозами и совхозами предприятия и организации в обязательном порядке должны были присылать работников на прополку, уборку урожая, сенокос и другие сельскохозяйственные работы.

Бюджетные обследования крестьянских семей показывают, что на Среднем Урале около 12% сельских семей придерживались традиционно-крестьянского образа жизни, они были ориентированы, главным образом, на личное хозяйство, оно было основным источником их существования. К этой категории относились в основном пожилые семьи, одинокие старики и частично неполные семьи [46, с. 160].

Основная масса сельских семей (около 70%) вели образ жизни, который можно назвать колхозно-крестьянский. В этих семьях доходы от личного хозяйства и от общественного производства в бюджете были примерно равнозначны и в равной степени участвовали в его формировании. Приусадебное хозяйство этих семей было многоотраслевым с обязательным содержанием на своем подворье крупного рогатого скота, свиней и овец.

В 1960-е гг. в деревне выделяется еще одна категория семей, образ жизни которых определяется как сельско-

урбанистический (их удельный вес составлял около 20%). К ним относились семьи высокооплачиваемых работников колхозов и совхозов — специалистов, административно-управленческого аппарата, механизаторов, частично животноводов. Получая высокий денежный доход от работы в общественном производстве, они уже не зависели в такой степени как остальные крестьяне от личного приусадебного хозяйства, поэтому оно приобретает для них характер подсобного, вспомогательного производства. В первую очередь эти семьи отказываются от наиболее трудоемкой отрасли — разведение крупного рогатого скота. Именно в это среде быстрее прививаются стандарты городской культуры и городского образа жизни. Этот слой сельских жителей и выступает на данном этапе агроперехода носителями трансформационных изменений.

Тормозом трансформации выступали слаборазвитая инфраструктура села, сохранение традиций труда, досуга, быта, культурно-психологический строй деревенской жизни.

К середине 1970-х гг. в экономике все сильнее стали ощущаться диспропорции в развитии сельского хозяйства и перерабатывающих отраслей промышленности. Быстрый рост городского населения привел к обострению проблемы снабжения продуктами питания. В городах, крупных промышленных центрах дефицит молочных, мясных продуктов стал постоянным явлением, несмотря на определенные успехи развития сельского хозяйства в восьмой и девятой пятилетках.

Проблема интенсификации аграрного производства по-прежнему оставалась актуальной, только таким путем можно было решить продовольственную проблему. Интенсификации сельского хозяйства уделялось много внимания в решениях правительства. Интенсификация сельского хозяйства понималась как комплекс мер: механизация, мелиорация, химизация, кооперация и интеграция производства, увеличение капиталовложений, которые должны были качественно изменить аграрное производство и поднять его на новый уровень. Однако эти мероприятия реализовывались на практике путем проведения кампаний по принципу: чем больше, тем

лучше, нанося скорее вред, чем пользу. Так было с мелиорацией земель, бездумным применением химических удобрений и ядохимикатов, поголовной кооперацией и интеграцией хозяйств, приведшей к созданию огромного административного аппарата, на содержание которого шло гораздо больше средств, чем полученные хозяйствами доходы от кооперации.

Интенсификация сельскохозяйственного производства требовала крупных капиталовложений. Значительная их часть была направлена на строительство, реконструкцию и расширение животноводческих комплексов и ферм, на машины и оборудование. Количество тракторов в хозяйствах увеличилось на треть. Несмотря на увеличение техники, хозяйства ни технически, ни технологически не были готовы перейти на интенсивные технологии, на интенсивные методы производства. Уровень использования имевшейся техники был крайне низким.

Интенсификация сельскохозяйственного производства развивалась по затратному принципу. Внедрение интенсивных технологий в земледелие сопровождалось чаще всего истощением плодородия почвы, разрушением ее структуры. Внедрение интенсивных технологий сдерживалось недостаточной квалификацией кадров, несовершенством системы агрохимического и технического обслуживания, отсутствием необходимого набора техники.

Часть промышленных животноводческих комплексов, построенных в 1970-е гг., не отвечали требованиям технологии интенсивного производства. На многих из них по сравнению с окружающими хозяйствами снизилась продуктивность, возросли затраты кормов и себестоимость продукции.

Наиболее отчетливо провал политики интенсификации сельскохозяйственного производства прослеживается при анализе показателей производительности труда в колхозах и совхозах. За 1961 – 1982 гг. среднегодовые темпы ее прироста по хозяйствам страны составили 3,4%. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. производительность труда практически не росла. Такие темпы роста не могли обеспечить устойчивый прогресс в сельскохозяйственном производстве [7, с. 427, 440].

Одним из направлений интенсификации в этот период было развитие межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. В 1970 – 1980-е гг. были созданы специализированные совхозы, животноводческие комплексы, птицефабрики и другие предприятия, где широко внедрялась промышленная технология. Эти формы организации производства позволили повысить выпуск продукции, снизить ее себестоимость и затраты труда в несколько раз.

Однако вскоре стали появляться проблемы, возникавшие при форсировании и экономической необоснованности интеграционных связей. Между пайщиками возникали разногласия по вопросам обеспечения ресурсами, распределения прибыли. В результате уже в одиннадцатой пятилетке началось массовое расформирование межхозяйственных предприятий. К 1985 г. в РСФСР насчитывалось 4327 межхозяйственных объединений, из них только 183 предприятия в животноводстве и 23 птицефабрики [7, с. 440].

Проводимая аграрная политика не давала видимых результатов. В 1982 г. была принята Продовольственная программа, которую можно рассматривать как открытое признание кризиса, сложившегося в сфере производства продуктов питания [8]. В программе констатировались недостатки развития сельскохозяйственных отраслей, и предлагался комплекс мер, направленных на преодоление кризисной ситуации. Производство продуктов питания предполагалось увеличить к 1990 г. увеличить в 2,3 – 2,5 раза. Основное внимание при этом уделялось формированию и развитию агропромышленного комплекса, предусматривались меры по дальнейшей механизации сельскохозяйственного производства, химизации, улучшению кормовой базы животноводства, использованию новых интенсивных технологий, а также стимулирование материальной заинтересованности сельских тружеников в своем труде.

Большие надежды возлагались на агропромышленный комплекс, который был призван ускорить интенсификацию сельскохозяйственного производства, уменьшить потери урожая, улучшить переработку продукции. Агропромышленный

комплекс представлял собой сложное территориальное межотраслевое формирование, которое включало в себя: сельскохозяйственные предприятия; промышленные отрасли, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье; отрасли, производящие средства производства для сельского хозяйства; сельскохозяйственную инфраструктуру и капитальное строительство.

АПК имел сложную иерархическую структуру и достиг весьма внушительных масштабов. Низший или элементарный уровень АПК выступал в виде одного сельскохозяйственного или промышленного предприятия (колхоз-завод, птицефабрики и т.д.). Несколько элементарных АПК объединялись в локальный агропромышленный комплекс, как правило, с учетом границ административных районов. Так создавались районные агропромышленные объединения (РАПО). Они помимо колхозов и совхозов, находящихся на территории района, включали в свою структуру ремонтные, обслуживающие, снабженческие предприятия “Сельхозтехники”, организации “Межколхозстрой”, Минводхоза, мясомолочной промышленности и другие предприятия, имевшие непосредственное отношение к сельскому хозяйству.

В начале 1986 г. завершился процесс создания областных агропромышленных комитетов, координировавших деятельность локальных АПК, а также межобластных (например, Уральское Нечерноземье), республиканских и общесоюзного АПК. Республиканский и союзный агропромышленный комитеты объединяли министерства сельского хозяйства, мясной и молочной промышленности, пищевой промышленности и т.д. Таким образом, в результате всех этих организационных преобразований был создан огромный административный аппарат, который не только не в состоянии был сбалансировать и скоординировать развитие сельского хозяйства и промышленных отраслей, обеспечить внедрение новых технологий, а стал дополнительным тормозом, поглощая огромные средства. Во взаимоотношениях между партнерами по АПК отразилось неравномерное положение сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Если

колхозы и совхозы несли убытки, то предприятия “Сельхозтехники”, объединения молочной и мясной промышленности получали прибыль [78, с. 12].

В условиях нехватки продовольствия вновь были приняты меры, направленные на создание более благоприятных условий для развития приусадебных личных хозяйств. Улучшилось их обеспечение строительными материалами, минеральными удобрениями, средствами малой механизации. Колхозы и совхозы могли заключать договоры с крестьянскими хозяйствами по выращиванию и закупке скота и птицы. Принятие Продовольственной программы способствовало тому, чтобы каждая семья, проживавшая на селе, могла иметь огород, скот и птицу. Чтобы стимулировать сдачу мяса и молока, потребкооперация практиковала встречную продажу наиболее дефицитных товаров – автомобилей, мотоциклов, ковров.

В пригородных зонах стало популярным садоводческое движение. Садоводам предоставлялся кредит до 3000 рублей с погашением в течение 10 лет, который они могли использовать для строительства садовых домиков, обустройства участков. Тысячи горожан занялись огородничеством и садоводством. Однако власти оказались непоследовательными, уже в 1984 г. вышло постановление, которое ограничивало строительство на приусадебных участках: садоводам разрешалось возводить только одноэтажные домики площадью до 25 кв. м, неотапливаемые теплицы. В 1985 г. садоводческие кооперативы пережили тяжелые времена – бульдозерами сносились бани, демонтировались уже построенные вторые этажи домиков, уничтожались культуры, выращивание которых не предусматривалось постановлением. Тем не менее, коллективное садоводство продолжало активно развиваться, обеспечивая горожан овощами, ягодами, фруктами, картофелем.

Тенденция спада сельскохозяйственного производства получила свое дальнейшее продолжение в 1985 – 2000 гг. В экономике страны нарастали внутренние противоречия, ресурсы административно-командной системы истощались, поток нефтедолларов уже не мог компенсировать затратный характер

производства. Необходимость радикальных преобразований становилась все более очевидной. На XXVI съезде КПСС была предложена программа ускорения экономического развития страны, в которой предусматривались некоторые меры интенсификации экономики. Съезд положил начало бурному и противоречивому периоду, получившему название “перестройка” и последующим реформам, изменившим государственное, политическое устройство страны и ознаменовавшим переход к рыночной модели экономики [5].

Таким образом, с середины 1950-х годов в СССР реализовывалась новая аграрная модель. Это не означало резкого разрыва с прежней аграрной моделью, сложившейся в 1930 – 50-е гг. и частично трансформированной на рубеже 1950 – 60-х гг., поскольку новые черты аграрной политики сочетались с сохранением ее принципиальных теоретических и политических основ. Вместе с тем она представляла собой альтернативу сталинской политики раскрестьянивания деревни и экспериментированию конца 1950 – начала 1960-х гг. На этой фазе агроперехода осуществлялся поиск путей адаптации советской экономической системы к условиям и требованиям НТР. В этой связи аграрный курс 1965 г. стал попыткой реформирования советского аграрного сектора, призванной не только обеспечить повышение темпов развития сельскохозяйственного производства, но и выработать конкурентоспособную социалистическую альтернативу буржуазно-фермерскому пути аграрной эволюции.

На этой фазе агроперехода учитывались некоторые тенденции развития современных производительных сил (усиление процесса концентрации производства и капитала, возрастание роли государственного регулирования, интенсификация производства, интеграция отраслей в рамках АПК и др.). Однако недооценивались или вообще игнорировались некоторые особенности современного этапа НТР (резкое возрастание социальных и экологических факторов развития сельского хозяйства, ускоренное формирование производственной инфраструктуры АПК, широкое применение компьютерной техники, биотехнологии и др.), специфика

аграрных отношений и широко признанные в мире принципы экономической деятельности в аграрном секторе (развитие рыночных механизмов, функционирование аграрной экономики как совокупности предприятий различного уровня концентрации и форм собственности, широкое развитие кооперации).

На этой фазе агроперехода аграрная модель эволюционизировала от попыток внедрения элементов товарно-денежных отношений в плановую систему во второй половине 1960-х гг. через усиление администрирования, централизма и директивности к полному игнорированию рыночных регуляторов аграрной экономики. Эволюция хозяйственного механизма в аграрной сфере до второй половины 1980-х годов носила антирыночный характер.

В ходе аграрной модернизации 1960 – 80-х годов не удалось избежать ошибок, драматических коллизий, деформаций. Однако шаги в аграрной области на этой фазе агроперехода не сводятся только к раскрестьяниванию, как считают некоторые исследователи. Реальный аграрный курс носил ярко выраженный патерналистский характер. Аграрная политика характеризовалась отсутствием прямого насилия над крестьянами, постепенной активизацией социального строительства на селе, усилением материального стимулирования, поощрением личных подсобных хозяйств, мерами аграрного протекционизма [54, с. 189].

В целом же аграрное развитие 1950 – 80-х годов отличалось, с одной стороны, запаздыванием с проведением давно назревших преобразований, с другой – форсированными скачками и стремлением повсеместно и быстро внедрить то или иное “новшество”. Результатом подобной политики стало нарастание кризисных явлений в сельском хозяйстве.

Сельское хозяйство, будучи одной из болезненных точек экономики, оказалось в центре социально-экономических преобразований. Главное достижение этого периода – это осознание катастрофического положения, в котором оказалась страна, понимание необходимости использования рыночных

принципов регулирования для создания эффективной модели экономики.

В 1990 г. приняты законы “О собственности в РСФСР” (27 декабря), “О крестьянском (фермерском) хозяйстве” (22 ноября), “О земельной реформе” (23 ноября) [1]. Эти законодательные акты создали основу для развития многоукладности в аграрной сфере, затронув не только формы организации производства, но и отношения собственности на землю, средства производства, а также способы регулирования хозяйственных процессов.

До 1990 г. в организационном плане основу аграрной экономики составляли колхозы, совхозы, различного рода объединения в виде агрофирм, реализующие идею агропромышленного комплекса. В целом по России в 1987 г. насчитывалось 12,4 тыс. колхозов и 12,8 тыс. совхозов. К 1990 г. количество колхозов и совхозов несколько возросло и составило, соответственно, 12,9 тыс. и 13,0 тыс., одновременно государственной статистикой было зафиксировано 67 агрофирм [6, с. 392].

Общий спад экономики отразился и на состоянии аграрной сферы. Остро в этот период встал вопрос о совершенствовании материально-технической базы колхозов и совхозов. Хозяйства не устраивала устаревшая техника, которая не обеспечивала качественную обработку почвы и уборку урожая без потерь. Все сильнее обострялись проблемы обеспечения сельскохозяйственной техники запасными частями и горючим. Для решения возникавших вопросов хозяйства стремились привлечь внутренние ресурсы, связанные, прежде всего с изменением форм организации труда, с внедрением хозяйственного расчета и материальной заинтересованности работников. С 1985 г. стал пропагандироваться коллективный и семейный подряд. В конце 1988 г. 43% колхозов и совхозов РСФСР применяли арендный подряд, а к 1990 г. их число возросло до 62%. Опыт применения арендных форм организации труда при условии их тщательного экономического обоснования, дал хорошие результаты. Успехи отдельных арендных коллективов не могли оказать принципиального влияния на положение дел в сельском хозяйстве. Развитие

арендных отношений наталкивалось на многочисленные препятствия со стороны руководителей совхозов и колхозов, аппарата Агропрома, финансовых органов, которые тормозили распространение этого опыта.

Развитие идеи семейного арендного подряда готовило почву формирования фермерского движения. Создание фермерских хозяйств проходило различными путями. Один из них – это расширение личных приусадебных хозяйств, главным образом, за счет накопленных сбережений и опыта, используя договорные формы сотрудничества с колхозами и совхозами. При всех положительных сторонах этого варианта, семей, которые имели возможность на свои средства организовать товарное производство, оказалось очень мало. Наиболее распространенный вариант фермеризации – это использование ссуды и помощи предприятий.

Первый опыт деятельности фермерских хозяйств высветил проблемы, от решения которых зависела их дальнейшая судьба. Это – слабая техническая и финансово-экономическая база, отсутствие правовой и организационной поддержки со стороны властей, противодействие чиновников на местах, немаловажное значение имели и психологические факторы, так как нередко вокруг фермеров создавалась атмосфера недоверия, недоброжелательности, зависти со стороны окружавших их соседей.

Большой удар по процессу фермеризации нанесла либерализация цен и высокие темпы инфляции, которые установились в экономике с 1992 г. Чтобы построить необходимые жилые и производственные объекты, приобрести технику, необходимы были средства, которых не было ни у фермеров, ни у государства. Техника, необходимая для фермерских хозяйств, промышленность только начала выпускать и стоила она очень дорого. С другой стороны, небольшие земельные наделы фермеров не могли обеспечить эффективность производства. Неслучайно, что часть фермеров свои небольшие земельные участки стали сдавать в аренду промышленным предприятиям и частным лицам, в результате земли засорялись и истощались. Летом 1993 г. в России

насчитывалось 258,1 тыс. крестьянских хозяйств со средним наделом в 42 га. Владея 3,9% пашни, они произвели только 0,9% валовой продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении [58, с. 90].

Законодательные акты 1990 г. о собственности и о земле положили начало глубокой организационной перестройке аграрного сектора. Наряду с фермерскими хозяйствами стали меняться организационно-правовые формы колхозов и совхозов. Фактически произошло разрушение колхозно-совхозной системы. Колхозы и совхозы на протяжении всей своей истории не смогли обеспечить необходимый уровень развития аграрного производства. Они функционировали в рамках определенной экономической системы, которая развивалась под давлением идеологических и политических доктрин без учета экономических закономерностей. В рамках такой системы любые формы организации производства – колхозы, совхозы, фермерские и личные хозяйства – не могли быть эффективны. Они реализовали свой потенциал настолько, насколько это позволяла сделать система.

Основным направлением аграрных преобразований была реорганизация колхозов и совхозов на принципах акционирования и коллективно-долевой собственности. Традиция кампанейского подхода сохранились. В ходе реорганизации колхозов, государственных сельхозпредприятий, развития фермерского движения возникли и функционировали следующие формы хозяйствования: крестьянские (фермерские) хозяйства; ассоциации крестьянских хозяйств; колхозы и сельскохозяйственные кооперативы; акционерные общества закрытого и открытого типа; государственные предприятия и личные подсобные хозяйства жителей села.

Значительная часть колхозов и совхозов трансформировалась в коллективно-долевые хозяйства, в которых каждому работнику выделялся пай в натуральном (гектарах) и денежном (акции) выражении. Предполагалось, что, став собственниками, бывшие колхозники и бывшие рабочие совхозов станут лучше трудиться, но опыт деятельности “новых” предприятий в целом опровергнул эти надежды.

Разрушение колхозно-совхозной системы в ее традиционном варианте, экономический кризис, который охватил страну в первой половине 1990-х гг., головокружительные темпы инфляции многократно усилили спад сельскохозяйственного производства, поставили крестьянство в тяжелые условия. Только за 1990 – 1992 гг. поставки тракторов российскому сельскому хозяйству сократились на 39%, комбайнов - на 35%, грузовых автомобилей – на 52%, минеральных удобрений – на 56%. В 1992 г. в расчете на 1 га пашни было внесено 40 кг минеральных удобрений, т.е. в 2,6 раза меньше, чем в 1987 г. и в 10 – 12 раз ниже нормы, принятой в развитых государствах. Нехватка техники и важнейших ресурсов вела к нарушению технологии и снижению производства сельскохозяйственной продукции. Уже в 1992 г. по сравнению с 1990 г. производство продуктов питания (в стоимостном выражении) упало на 19% [58, с. 166, 169]. Началась крупномасштабная закупка продовольствия за границей, в результате чего отечественные товары в продуктовых магазинах стали вытесняться импортными.

Аграрная политика, проводимая правительством с 1991 г., предусматривала крупные финансовые вложения в сельское хозяйство и выделение дешевых кредитов. Однако средства были использованы не для целевого финансирования села, а в коммерческих целях. Практика, когда выделенные правительством деньги не доходят до сельских тружеников, стала в 90-е гг. постоянным явлением. Задержки по платежам за уже сданную государству продукцию, стали хроническими, подрывая окончательно экономику села. Ситуация усугублялась сохранявшейся диспропорцией цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, особенно выросли цены на технику. Для того чтобы приобрести один комбайн, хозяйству необходимо продать целую ферму. Сельское хозяйство по-прежнему оставалось в неравноправных экономических условиях, не обеспечивавших расширенного воспроизводства.

Экономический кризис 1990-х гг. проявился в первую очередь в резком спаде сельскохозяйственного производства. Посевные площади в России сократились с 1990 г. по 1998 г. на

22,5%, валовой сбор зерновых в хозяйствах всех категорий сократился в 2,4 раза, урожайность зерновых с 19,5 ц с га упала до 12,9 ц с га [59, с. 177, 500]. Такого резкого снижения сельскохозяйственного производства в мирных условиях XX века не наблюдалось. Спад производства сопровождался нарушением агротехнологий, засоренностью и истощением земель.

Упор в аграрной политике только на получение сельскохозяйственной продукции, в конечном счете, привел к естественному фазовому спаду сельскохозяйственной отрасли. В тех отраслях аграрной сферы удалось быстрее приостановить падение, где были предприняты усилия по сохранению интенсивных технологий. В свердловской области интенсивные технологии наибольшее развитие получили в выращивании картофеля и овощей, а также в животноводстве.

Развитие интенсивных систем земледелия в условиях продолжающегося аграрного кризиса остановлено. Часть сельхозпроизводителей возвратилась к традиционным, архаичным системам земледелия. Переход к интенсивным системам земледелия в очередной раз отложен. Отложено и завершение аграрного перехода.

В 1990-е гг. – третья фаза аграрного перехода - в условиях перехода к рыночным отношениям проблема продовольственной безопасности отдельных регионов и страны в целом превратилась в стратегически важную. Особенно острое звучание она приобрела в условиях кризиса сельскохозяйственного производства, который обусловил высокий уровень зависимости от поставок продовольствия из-за границы. Таким образом, ни на первой, ни на второй фазах агроперехода полностью решить проблему полного обеспечения населения продовольствием не удалось.

Интенсивность процесса аграрной модернизации представлена в таблице.

Интенсивность аграрного перехода в России (конец XIX – начало XX века)

Составляющие аграрного перехода	Первая фаза			Вторая фаза		Третья фаза
	конец XIX в. - 1917	1917 - 1929	1930 - 1953	1953 - 1965	1965 - 1980	1991 – начало XXI века
I. экономическая						
- утверждение частной собственности на землю	+					+
- внедрение прогрессивных сельскохозяйственных технологий	+		+	+	+	
- внедрение интенсивных систем земледелия			+	+	+	
- внедрение научных достижений в сельскохозяйственное производство			+	+	+	
- использование новых орудий труда и сельскохозяйственной техники	+		+	+	+	
- сельская электрификация		+	+	+		
- развитие рыночных отношений						+
- развитие кооперации	+	+				+
II. демографическая						
- изменение типа воспроизводства				+	+	
- ломка патриархальной семьи и формирование городской семьи			+	+		
- массовое перемещение селян	+	+	+	+	+	

III. культурная - преодоление консервативных представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда - внедрение грамотности - распространение городской культуры и городских ценностей - секуляризация сознания и образа жизни	+	+	+			
	+	+	+			
			+	+	+	+
			+	+		
IV. политическая - демократизация общественно-политической жизни - участие крестьянства: в революциях в движениях в партиях - выдвижение самостоятельных лозунгов и требований		+	+	+	+	+
	+					
	+	+		+	+	+
	+	+	+	+	+	+
	+	+				
V. социальная - формирование в среде крестьянства кадров массовых профессий - механизаторов - специалистов - пенсионное обеспечение - бесплатное медицинское обслуживание - бесплатное образование		+	+	+		
			+	+	+	+
			+	+	+	+
				+	+	+
		+	+	+	+	+
		+	+	+	+	+
VI. сельское расселение - трансформация поселений			+	+	+	

- ликвидация сельских поселений				+	+	
VII. система продовольственной безопасности						
- голодовки сельского населения	+	+	+			
- формирование запасов продовольствия:						
-на уровне семьи, двора	+	+				
общины	+					
государства			+	+	+	+

Региональные аграрные сообщества вступили в XXI век с грузом нерешенных проблем, однако перспективой аграрного развития оставалось завершение аграрного перехода, завершение модернизации сельского хозяйства.

ИСТОЧНИКИ

1. Ведомости съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 26, ст. 324; ст. 327; № 30, ст. 416.
2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.8. Т. 6. М.: Политиздат, 1971. 528 с.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.8. Т. 7. М.: Политиздат, 1971.558 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.8. Т. 8. М.: Политиздат, 1972. 568 с.
5. Материалы XXVI съезда КПСС. М. Политиздат, 1981. 223 с.
6. Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. 426 с..
7. Народное хозяйство в СССР в 1990 г. Стат. ежегодник. М.: Госкомстат СССР, 1991. 607 с.
8. Продовольственная программа СССР на период до 1990 года и меры по ее реализации. Материалы майского пленума ЦК КПСС 1982 года. М.: Политиздат, 1984. 112 с.

ЛИТЕРАТУРА

9. Алексеев В.В. Общественный потенциал истории. Екатеринбург: УрГИ, 2004. 643 с.

10. Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928 – 1934 гг. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2009. 632 с.

11. Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930 – 1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. №7. С. 23 – 44.

12. Безнин М.А., Димони Т.М. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве // Отечественная история. 2005. №6. С. 94 – 121; Безнин М.А., Димони Т.М. Рабочая аристократия в сельском хозяйстве России 1930 – 1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни). Вологда: Изд-во ВГПУ, 2012. 100 с.

13. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х - начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. 580 с.

14. Данилов В.П. Аграрная реформа и аграрные революции в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ./ Сост. Т. Шанин. М.: Издательская группа «Прогресс» - «Прогресс-Академия», 1992. – 432 с.

15. Данилов В.П. Аграрная реформа и крестьянство в России (1861 – 1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. Материалы XXIV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, Москва, 27 – 30 сентября 1994 г. М., 1995.

16. Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861 - 2001) // Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 2002.

17. Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке: избр. тр. В 2 ч. Ч. 1 / редкол.: Выцпан М. А. [и др.] ; сост.: Выцпан М. А., Данилова Л. В.,

Данилова Е. В. М.: РОССПЭН, 2011. 861 с.; Ч. 2. 831 с. [

18. Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале. Екатеринбург: УрО РАН, 1991. 195 с.

19. Есиков С.А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929 – 1933 гг.). Тамбов: ТГТУ, 2005. 120 с.

20. Есиков С.А. Аграрный кризис конца 1920-х годов и его последствия // Аграрная экономика в контексте российских модернизаций XIX-XXI вв.: эволюция и кризисы: сб. статей. Оренбург: РЦРО, 2009.

21. Есиков С.А. "Бухаринская альтернатива" сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы международной научной конференции (г. Москва, 5-7 декабря 2008 г.). М.: РОССПЭН, 2011.

22. Есиков С.А. Был ли нэп "крестьянским раем"? Крестьянское производство в 1920-е гг.: общесоюзный и региональный аспекты // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы международной научной конференции (г. Екатеринбург, 29 сентября - 2 октября 2010 г.). М.: РОССПЭН, 2011.

23. Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) М.: РОССПЭН, 2010. 246 с.

24. Ильиных В.А. Аграрный строй Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития // Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. М.: Наука, 2002.

25. Ильиных В.А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921 – 1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 284 с.

26. Ильиных В.А. Хроники хлебного фронта. Заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири. М.: РОССПЭН, 2010. 346 с.

27. Ильиных В.А., Андреенков С.Н., Рынков В.М. и др. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 298 с.

28. Колхозная жизнь на Урале. 1935 – 1953 / сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М.: РОССПЭН, 2006. 912 с.

29. Кондрашин В.В. В. П. Данилов – публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX века // Отечественная история. 2012. № 6. С. 37–44.

30. Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918—1922 гг. М., Изд-во "Янус-К.", 2001. 544 с.

31. Кондрашин В.В., Пеннер Д. Голод: 1932—1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара – Пенза: СамГУ, 2002. 432 с.

32. Кондрашин В.В. Голод 1932—1933 гг. в российской деревне. Пенза: ПГПУ, 2003. 366 с.

33. Кондрашин В. В. Голод 1932—1933 годов. Трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008. 520 с.

34. Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОСПЭН, 2009. 575 с.

35. Современная российско-украинская историография голода 1932—1933 гг. в СССР / науч. ред. В.В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 2011. 471 с.
36. Кондрашин В.В. Люди во времени: записки историка. Пенза - Саранск, 2012. 552с.
37. Kondrashine Victor. La famine en URSS. 1929—1934. Paris: AENREE, 2013. 384 p.
38. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929—1934 гг.). М., 2014. 375 с
39. Кондрашин В.В. Крестьянство России в гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М.: РОССПЭН, 2009. 546 с.
40. Корнилов Г.Е. Аграрное развитие и создание системы продовольственного обеспечения в первой половине XX века // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т.1/ под ред. под общ. ред. Г.Н. Севостьянова. М.: М.: Наука, 2002.
41. Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия. Токио: CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2, 2005.
42. Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в XX веке // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург – М.: Академкнига, 2004.
43. Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. Вып. 1 / отв. ред. В.П. Данилов, Т. Шанин. М.: Аспект пресс, 1996.
44. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («Антоновщина»). Документы и материалы. Тамбов: Интерцентр, Госархив Тамбов, обл., 1994. 334 с.
45. Лабузов В.А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917 – 1932 гг.). Оренбург: ОРЛИТ-А, 2004. 676 с.
46. Мазур Л.Н. Бюджеты колхозников как источник по социально-экономической структуре крестьянства Среднего Урала. Дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 1992.
47. Мазур Л.Н. Укрупнение колхозов на Урале в начале 1950-х годов // Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в советский период. Екатеринбург, 1992. .
48. Мазур Л.Н., Бродская Л.И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2006. 564 с.

49. Мазур Л.Н. Села и деревни Среднего Урала в XX веке. Статистико-этнографическое описание. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2003. 160 с.
50. Мазур Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX-XX в.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 471 с.
51. Мальцев Т.С. Система безотвального земледелия. М.: Агропромиздат, 1988. 128 с.
52. Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940 – 1959 / отв. ред. В.Б. Жиромская. М.: ИРИ РАН, 2001. 103 с.
53. Наухацкий В.В. Аграрная политика в СССР в 1965 – 1990 годах: проблемы разработки и реализации. Ростов-на-Дону: «Гефест», 1996.
54. Наухацкий В.В. Модернизация сельского хозяйства и российская деревня. 1965 – 2000. Ростов-на-Дону: РГЭУ «РИНХ», 2003. 199 с.
55. Наухацкий В.В., Кабанов А.Н. Развитие социальной сферы села Ростовской области в 1965 – 1991 гг. Ростов-на-Дону: Издательство РГЭУ, 2005. 275 с.
56. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII – XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. 574 с.
57. Отечественная история. 1992. №5; 1993. №2, 6; 1994. №2, 4-5; и др.
58. Рыночная трансформация сельского хозяйства: десятилетний опыт и перспективы. Никоновские чтения. М.: Изд-во «Энциклопедия российских деревень», 2000.
59. Симчера В.М. Развитие экономики России за 100 лет: 1900 – 2000. Исторические ряды, вековые тренды, институциональные циклы. М.: Наука, 2006. 587 с.
60. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1. 1918–1922 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 1998. 864 с.
61. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. 1168 с.
62. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. – 864 с.; Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.

63. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы: в 4 т. Т. 4. 1935–1939 / под ред. А. Береловича, С. Красильникова, Ю. Мошкова и др. М.: РОССПЭН, 2012. 983 с.

64. Тархова Н.С. Документальные публикации по аграрной истории Урала // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2008. № 2 (19).

65. Тархова Н.С. История крестьянства в российских документальных публикациях за последние 15 лет // History of Russian Peasantry in 20-th Century (volume 2). Tokyo, 2004.

66. Толмачева Р.П. Колхозы Урала в 50-е годы. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981.

67. Толмачева Р.П. Колхозы Урала. 1959 – 1965. Свердловск, 1987.

68. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 тт. Том 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / Отв. ред. В.П. Данилов. М.: РОССПЭН, 1999. 879 с.

69. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 тт. Том 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.

70. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 тт. Том 3. Конец 1930–1933 гг. М.: РОССПЭН, 2001.

71. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 тт. Том 4. 1934–1936 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2002. 1056 с.

72. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 тт. Том 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937 г. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М.: РОССПЭН, 2004. 648 с.

73. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. В 5 тт. Том 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938 – 1939 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг. М.: РОССПЭН, 2004. 648 с.

74. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. В 2-х т. 2-е изд. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 568 с.; Т. 2. 646 с.

75. Филатов В.В. Сельскохозяйственное производство на Урале в конце 1920-х – начале 1940-х гг.: противоречия трансформации. Магнитогорск: МГТУ, 2006. 453 с.

76. Филатов В.В. Уральское село, 1927-1941 гг.: финансирование Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2013. 238 с.

77. Филатов В.В. Уральское село, 1927 – 1941 гг.: ссылка раскулаченных. Магнитогорск: МГТУ, 2010. 253с.

78. Шарыгин М.Д., Макарова Т.Г., Свисткова А.М. Агропромышленный комплекс Уральского Нечерноземья. Пермь: Перм. гос. ун-т им А.М. Горького, 1986. 67 с.

УДК 94(470.54-25):614.21(470.54-25) (091)

ББК ТЗ (235.55)521+Рг

ВАК 07.00.02

Черноухов Эдуард Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Уральский государственный педагогический университет; г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д.26; e-mail: echernoukhov@yandex.ru

МЕДИЦИНСКИЕ ЗАВЕДЕНИЯ ЕКАТЕРИНБУРГА В 1824 Г.

Аннотация. Проанализирована подготовка госпиталей и аптек Екатеринбурга и его окрестностей к посещению Александром I в сентябре 1824 года. Внимание императора к медицинской части, его высокая оценка госпитального комплекса Верх-Исетского завода способствовали совершенствованию материально-технической базы горнозаводской медицины Урала.

Ключевые слова: Александр I, Екатеринбург, Верх-Исетский завод, Березовские золотые промыслы, медицинские заведения.

Chernoukhov Eduard, Ph.D. in History, docent, Ural State Pedagogical University, prospectus Kosmonavtov, 26, Yekaterinburg, Russia.

MEDICAL INSTITUTIONS OF YEKATERINBURG AND THE SURROUNDING AREAS IN 1824

Abstract. Author has analyzed the training hospitals and pharmacies in Yekaterinburg and the surrounding areas to visit Alexander I in September 1824. Emperor's attention to the medical institutions, his high valuation to hospital complex Verh-Isetsky factory helped to improve the material and technical base of the mining Ural medicine.

Key words: Alexander I, Yekaterinburg, Verh-Iset factory, Berezovski gold fisheries, health institutions.

190 лет назад, в конце сентября 1824 г., в Екатеринбурге впервые побывал российский император. Александр I осмотрел известные предприятия города: Монетный двор и Гранильную фабрику, а также находящиеся в непосредственной близости Верх-Исетский завод и Березовские золотые промыслы. Знакомясь с основными производствами и достопримечательностями, он обратил внимание и на развитие инфраструктуры города: посетил его духовные, медицинские, учебные и попечительские заведения.

Впоследствии о визите императора на Урал неоднократно писали историки, краеведы, журналисты. Краткие сведения о посещении Александром I Екатеринбурга есть и на официальном городском портале.

При этом практически обойден вниманием один важный аспект – масштабная подготовка региональных властей к приезду императора. Для ее анализа необходимо расширение источниковой базы исследования. Ключевое значение имеет специфический комплекс документов – протоколы заседаний правления Екатеринбургского казенного горного округа, хранящиеся в Государственном архиве Свердловской области. Екатеринбург имел особый статус горного города, поэтому именно здесь отложились многие ценные материалы, еще не введенные в научный оборот.

Они позволяют проследить типичное явление российской действительности – авральное наведение внешнего порядка накануне прибытия «высокого гостя» и его снисходительное отношение к откровенной «показухе». Предметом анализа статьи стали медицинские заведения Екатеринбурга и его ближайших окрестностей в 1824 г., а также совершенствование их материально-технической базы после посещения императора.

После возвращения в 1815 г. с Венского конгресса Александр I ежегодно совершал длительные поездки по империи. В ходе них «кочующий» император, мужественно преодолевавший российское бездорожье, уделял внимание

самым различным сторонам жизни своей страны [17, с. 91-94]. В 1824 г. он впервые отправился в ее восточные регионы.

Уведомление о предстоящей поездке императора на Урал власти региона получили уже в начале года. Поэтому у них было время для наведения внешнего порядка. Этим традиционно занимались практически везде в регионе [15, с. 33-36].

Горные власти Урала прекрасно знали, что Александр I, в ходе посещения Екатеринбурга и его окрестностей, пожелает осмотреть и имевшиеся медицинские заведения. Забота о здоровье подданных декларировалась как важнейшая задача реализации патерналистской доктрины, утвердившейся в Российской империи. Организация различных заведений медицинской помощи для лиц, служащих непосредственно государству (военных, в том числе поселенных частей, работников казенных производств), являлась, и в определенной мере стала образцом и для частных предпринимателей, поощряемых и (или) принуждаемых к созданию подобных для своих работников. Нахождение в свите Александра I двух квалифицированных врачей (Я.В. Виллие и Д.К. Тарасова) также во многом объясняло регулярное посещение императора госпиталей (больниц) и аптек.

Начиная с июля 1824 г., когда стал известен точный маршрут путешествия императора, в Екатеринбурге начали обстоятельно прорабатывать все аспекты его достойной встречи. В частности, требовалось подготовить «скромные» подносы для традиционного вручения хлеба-соли, так как ранее Александр I запретил использовать для этой цели «золотые и иные с драгоценностями».

Серьезное внимание уделялось и вопросам обустройства имевшихся медицинских заведений. Привести их в «должный вид» к приезду императора представлялось непростой задачей. В Екатеринбурге основную ответственность за это нес Игнатий Варвинский. Врач польского происхождения И. Варвинский (1772 г. рождения), получивший в России отчество Федорович, был сыном протоиерея униатского вероисповедания. После получения начального профессионального образования в

Елизаветградском институте он служил в военных госпиталях. В 1799 г. Варвинский был определен в Московское отделение Медико-хирургической академии, где получил диплом лекаря по сокращенной годичной программе. С 1801 г. он служил в Екатеринбургском горном округе, получил звание штаб-лекаря, а с 1815 г. занимал должность медицинского инспектора [1].

Горное законодательство 1806 г. закрепило необходимость создания обширной сети медицинских заведений с аттестованными специалистами на заводах Урала. Их организация и деятельность должна была соответствовать Штатам «Положения для медицинского управления армии и флота» 1805 года. Но практическая реализация этих новшеств вызывала серьезные трудности. Медицинские заведения казенных заводов Урала продолжали финансироваться по остаточному принципу. Поэтому их реальное состояние во многом не соответствовало требованиям нормативных актов.

В старом каменном здании Екатеринбургского заводского госпиталя уже давно располагался тюремный «замок». Служившему здесь уездному врачу штаб-лекарю Мещерскому в 1824 г. было сделано строгое предписание, чтобы он «в пользовании больных проявлял старание и деятельность».

В начале XIX в. для заводского госпиталя в Екатеринбурге построили небольшое деревянное здание, внешне не вызывавшее особых нареканий. В 1824 г. требовалось лишь заменить ветхий забор вокруг его подсобного хозяйства, где зачастую скот вытаптывал выращиваемые овощи.

А вот внешний вид персонала заводского госпиталя не соответствовал действовавшим нормам. В июле 1824 г. И. Варвинский докладывал горному правлению Екатеринбургского округа, что необходимо «служителей, находящихся за присмотром больных, одеть в надлежащую форму, какая положена в полковых лазаретах и военных госпиталях». Последовало распоряжение этого органа о том, чтобы лекарские и аптекарские ученики имели одинаковые «сюртуки и панталоны, сделав первые однобортные из синего сукна на черной каразейной подкладке со стоячим воротником,

а последние из серого, также фуражки из синего, галстуки с манишками из черного сукна и сапоги» [2].

Но возник резонный вопрос – где взять средства? И. Варвинский отмечал, что некоторые «лекарские ученики, по малому жалованию на свой счет таких сюртуков завести не в состоянии». Но горные власти разрешили приобрести форменную одежду за счет казны только пятерым из них, и то «в счет их будущего жалования» [3].

Кроме того, горное руководство обратило внимание на выполнение давнего требования, неоднократно повторяемого в различных нормативных актах, – о бритье бород. Всему местному медицинскому персоналу, кроме неперменных работников, было предписано их «неперменно сбрить и впредь носить их воспретить».

Для пациентов заводского госпиталя Екатеринбурга округа к приезду императора срочно приобрели новые стулья, оловянные чайники, тарелки, скатерти и прочий инвентарь. Для показа заботы о больных в зимнее время закупили «колпаки синие с подкладками, сапоги теплые, фуфайки байковые серого и зеленого цвету». Было обращено внимание на необходимость иметь к приезду императора «приличные съестные припасы» [4].

Для горной аптеки Екатеринбурга новое красивое здание на Главном проспекте было построено незадолго до приезда императора. Оно сохранилось до наших дней, подвергнувшись незначительной перестройке. Но «бельмом в глазу» оставалось находящееся рядом старое помещение аптеки, которое «по ветхости своей и прочему строению делает безобразие». Решение приняли традиционное: здание обнести забором, чтобы не портило общий вид (а позднее предписали сдать его в аренду или сломать) [5].

В окрестностях Екатеринбурга положение медицинских заведений также было весьма противоречивым, причем явно не в пользу казенных заводов. И. Варвинский заявил, что старый госпиталь Березовских золотых промыслов «совсем негоден для помещения больных приличным образом». А новое здание для него, которое начали строить в 1820 г., закончить к приезду

императора не успевали. В результате здесь также решили «пустить пыль в глаза»: «подыскать помещение и оборудовать временный лазарет», а уже затем завершить строительство госпиталя.

Значительно лучшим было положение в Верх-Исетском заводе, принадлежавшем А. И. Яковлеву. Накануне приезда императора здесь было завершено строительство обширного госпитального комплекса. Его главный каменный корпус имел 36 кроватей, но мог вместить и до 50 больных. К нему примыкали два каменных флигеля для служебных помещений, которые также можно было, в случае необходимости, приспособить для приема больных [6].

Этот комплекс был создан по проекту известного архитектора М. П. Малахова. Видимо, здесь первоначально планировалось создать усадьбу для самого А. И. Яковлева. Но затем планы владельца изменились, и уже частично построенные здания приспособили для медицинского заведения [16, с. 97, 169]. На его строительство и укомплектование госпитального комплекса, по оценкам местного заводууправления, было потрачено более 100 тыс. рублей [7].

Берг-инспектор А.Т. Булгаков считал его «самым красивым в архитектурном отношении» среди всех горных заводов Урала [14, с. 77 - 78]. Медицинский инспектор Уральского горного правления М.Г. Вульф отмечал, что главное здание этого госпиталя «служило украшением бульвара» [8], соединявшего Екатеринбург с Верх-Исетским заводским поселком. Его помещения до сих пор используется как медицинское учреждение [13].

Высоко оценил госпитальный комплекс Верх-Исетского завода и Александр I. После его осмотра император сказал: «Все здесь отлично устроено, и мне остается сожалеть, что я не могу содержать так больных моих солдат» [12, с. 136]. Этому во многом способствовало и служба здесь квалифицированных специалистов: врача Ф.П. Ламони и аптекаря П. Я. Ауэрбаха [15, с. 614-616].

Отзывы Александра I о казенных медицинских заведениях Екатеринбурга и окрестностей в сохранившихся источниках

отсутствуют. В тоже время можно точно констатировать, что высокая оценка Верх-Исетского госпитального комплекса стали важным стимулом для горных властей региона, а также и заводовладельцев. Так, высокая оценка императора госпиталя А.И. Яковлева стала одной из причин для его давнего «соперника» Н.Н. Демидова создать свое образцово-показательное медицинское заведение. В 1826–1828 гг. в поселке Нижнетагильского завода был построен обширный госпитальный комплекс, рассчитанный более чем на 100 кроватей [19, с. 48-49].

Руководство казенных заводов также в относительно короткий срок первые смогло существенно улучшить материально-техническую базу своих медицинских заведений. В поселке Березовского завода был быстро достроен обширный трехэтажный госпиталь (первый этаж – каменный). В каждом из них было более чем по десятку палат [9]. Это в 1827 г. позволило создать здесь особое изолированное отделение для женщин, зараженных сифилисом [10].

В Екатеринбурге в конце 1820-х гг., при завершении строительства нового тюремного «замка», заводскому госпиталю вернули его прежнее каменное здание. Но и оно уже не соответствовало предъявляемым требованиям: было ветхо, тесно и неудобно расположено – в центре города, плотно окруженное другими строениями.

Поэтому новый медицинский инспектор Екатеринбургского горного округа М.А. Дрешер стал сразу обосновывать необходимость строительства другого здания для госпиталя на окраине селения. В 1830 г. заводским архитектором даже была составлена смета и определено место [11]. Но только в 1850 г. Министерство финансов выделило средства на строительство в Екатеринбурге каменного двухэтажного госпиталя на 100 кроватей. Из-за недостатка специалистов, оно затянулось до конца 1856 года.

В целом посещение Александром I Екатеринбурга в 1824 г. благотворно сказалось на развитии его медицинских заведений. Накануне его приезда здесь были устранены явные «непорядки». Интерес императора к медицинской части

способствовал существенному улучшению ее материально-технической базы в казенных и частных горнозаводских округах Урала.

ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 40. Оп. 1. Д. 59. Л. 34–36. В документах его фамилия нередко написана через о: Ворвинский.
2. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1189. Л. 238 об.
3. ГАСО. Д. 1190. Л. 169–170.
4. ГАСО. Д. 1189. Л. 749–750, 775–777, 832–833.
5. ГАСО. Д. 1189. Л. 99.
6. ГАСО. Оп. 32. Д. 4416. Л. 36; Оп. 33. Д. 1189. Л. 3–5.
7. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 1942. Л. 15 об.
8. ГАСО. Ф. 24. Оп. 33. Д. 1189. Л. 5.
9. ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 1189. Л. 242–247; Д. 1192. Л. 134 об.; Ф. 41. Оп. 1. Д. 1766. Л. 148.
10. ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1644.
11. ГАСО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 293. Л. 9, 40–42 об.
12. Император Александр I / по личным воспоминаниям лейб-медика Д.К. Тарасова. Пг., 1915. С. 136.

ЛИТЕРАТУРА

13. В нем располагается одно из подразделений 2-й городской больницы Екатеринбурга. Но здание уже во многом утратило свой первоначальный облик.
14. С ним согласны и современные историки архитектуры. См.: Лотарева Р. М. Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург, 1993. С. 77–78.
15. См., напр.: Савинова Т. Н. Император и дороги (о подготовке визита Александра I в Оренбургскую губернию) // Пермский край в контексте истории России. Пермь, 2013. С. 33–36.
16. См.: Раскин А. М. Архитектура классицизма на Урале. Свердловск, 1989. С. 97, 169. Впоследствии здание дважды перестраивалось, исходя из потребностей медицинского заведения.
17. См.: Смирнов Ю. Жителю коляски не худо ехать по воде // Родина. 2011. № 7. С. 91–94.
18. См.: Черноухов Э. А. Медицинский персонал Верх-Исетского горного округа в первой половине XIX века // Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета УрГУ. Екатеринбург, 2008. С. 614–616.

19. См.: Черноухов Э. А. Социальная инфраструктура Нижнетагильского горнозаводского округа Демидовых в XIX веке. Екатеринбург, 2011. С. 48–49.

УДК 94(470)"16/18"

ГРНТИ 03.23.31

ВАК 07.00.02

Пьянков Степан Александрович, канд. ист. наук, научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург); E-mail: kliostefan@mail.ru

СИСТЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: КРИЗИСЫ И РЕФОРМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Статья посвящена проблеме продовольственного обеспечения сельского населения Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Проанализированы размеры продовольственной и финансовой помощи, оказанной населению в периоды продовольственных кризисов. Представлены основные этапы в развитии законодательства, дискуссии по продовольственной проблеме в исследуемый период. Рассмотрены приоритетные направления трансформации системы продовольственного обеспечения в условиях социально-экономических катаклизмов (неурожай, голод).

Ключевые слова: Российская империя, продовольственное обеспечение, реформа, неурожай, голод, крестьянство.

P'jankov Stepan Aleksandrovich, candidate of Historical Sciences, Researcher of economic history department, Institute of history and archaeology of the Ural branch of the Russian academy of sciences (Russia, Yekaterinburg); E-mail: kliostefan@mail.ru

FOOD SYSTEM LATE IMPERIAL RUSSIA: CRISIS AND LAW REFORM

The article deals with the problem of food supply of the Russian Empire rural population in the second half of XIX – early XX century. The scale of food and financial assistance provided to the population during the periods of food crises is analyzed. The main stages in the development of

legislation and debates on the food problem are presented. Priority directions of transformation of the food supply system under conditions of socio-economic disasters (crop failures, famine) are examined.

Key words: Russian Empire, food supply, reform, crop failure, famine, peasantry.

Во второй половине XIX – начале XX в. процессы формирования и трансформации системы продовольственного обеспечения населения страны были неразрывно связаны с рядом крупных социальных катаклизмов – неурожаями и сопровождавшими их голодовками населения. Масштабы бедствия голодных лет были различны, охватывая как отдельные регионы, так и значительную часть территории страны. Рассмотрим наиболее крупные из них, оказавшие губительные последствия и вызвавшие широкий общественный резонанс: «самарский голод» 1873 г., голод 1891–1892 гг., получивший наименование «Царь-голод», а также крупные неурожаи 1897–1898 гг., 1901, 1906, 1911 гг. [7, с. 53–66; 8, с. 92–93]. На примере сельской хлебозапасной системы мы попытаемся проследить как государство и общество реагировало на возникавшие угрозы.

Первые попытки системного решения продовольственной проблемы связаны с принятием «Продовольственного устава 1834 г.», созданного после сильнейшего неурожая 1833 г. Положения этого законодательного акта, возникшего еще в период крепостного права, продолжали действовать и в 60-х гг. XIX в. [11, с. 185–186]

С отменой крепостного права система продовольственного обеспечения претерпела изменения. Основная их суть сводится к тому, что с помещиков была снята обязанность по надзору за хлебозапасными магазинами, которые перешли в собственность крестьянских обществ. По закону 24 декабря 1862 г. надзор за исправным содержанием зданий магазинов и контроль за засыпкой в них зерна были возложены на уездных предводителей дворянства. С введением в 1864 г. в ряде губерний Европейской России земств, большая часть обязанностей по контролю перешла в руки губернских и

уездных управ. В ведении земств оказались и так называемые продовольственные капиталы – денежные резервы на случай неурожая, собираемые в губерниях по числу ревизских душ. Кроме того, в 1866 г. был образован имперский продовольственный капитал, состоявший в распоряжении Министерства внутренних дел (МВД). Имперский продовольственный капитал был создан на случай, когда местных натуральных и финансовых резервов было недостаточно. Таким образом, после введения земских учреждений, в России оформилось три уровня продовольственной системы: 1) натуральные хлебные запасы и заменяющие их общественные продовольственные капиталы, предназначенные на случай локального неурожая; 2) губернские продовольственные капиталы, предусмотренные для помощи в масштабе отдельной губернии; 3) общеимперский продовольственный капитал [5, с. 66–70].

Что касается способов резервирования, то оформившаяся система не претерпела коренного изменения. Так, например, размер засыпки зерна в хлебозапасные магазины оставался прежним и определялся в 1,5 четверти зерна на ревизскую душу. Губернские продовольственные капиталы были получены в результате прежних отчислений населения при расчете 48 коп. на ревизскую душу. Денежные средства сверх этой суммы были направлены в общеимперский продовольственный капитал [5, с. 69–70].

С самого начала своей деятельности реорганизованная система продовольственного обеспечения столкнулась с рядом трудностей. Основной проблемой было отсутствие у земств реальных полномочий для контроля над продовольственными резервами, а также возможностей по принуждению сельских обществ к своевременной сдаче зерна. Несмотря на просьбы некоторых земств о пересмотре устава, «применимого при крепостном праве и не подходящего к современным условиям», правительство не предпринимало никаких шагов по изменению действовавшего закона [3, с. 298–300].

Коррективы в продовольственное законодательство были внесены лишь после продовольственного кризиса 1873 г. в

Самарской губернии. «Самарскому голоду» 1873 г. предшествовали три неурожайных года, охвативших всю территорию губернии. Самарское земство, не могло решить продовольственную проблему самостоятельно и обращалось за помощью к правительству. Однако, сармарский губернатор Г.С. Аксаков считал просьбы земства не обоснованными. Ситуация начала меняться лишь после публикации статьи Л.Н. Толстого о голоде в газете «Московские ведомости», которая получила большой общественный резонанс [17, с. 61–70]. В российском обществе развернулась кампания по сбору средств голодающим, а правительство было вынуждено обратить внимание на тяжелое положение сармарского крестьянства и выделить ссуду в 1 млн руб. [9, с. 64–69] По мнению губернатора и правительства, тяжесть продовольственного кризиса была связана с тем, что земские управы допускали бесконтрольную раздачу ссуд. Кроме того, земства разрешали замену натуральных запасов денежными, не контролируя этот процесс. Хлеб из магазинов распродался и раздавался, а продовольственные капиталы взамен хлеба так и не были внесены. В итоге сармарские крестьяне встретили неурожайные годы без продовольственных запасов [5, с 72–74].

Ответной реакцией на события в Самарской губернии стал закон 21 мая 1874 г., регламентировавший деятельность земств в продовольственном деле. Закон обязывал земства следить за выдачей хлеба из магазинов и денежных средств из продовольственных капиталов, проверять верность приговоров сельских сходов о выдаче ссуд, сверять списки нуждающихся крестьян. Ограничивалась и самостоятельность уездных земств. Отныне уездная управа могла разрешить выдачу лишь половины от всего продовольственного резерва, чтобы выдать большую долю, требовалось заключение губернского земства. Замена натуральных запасов денежными теперь допускалась лишь с разрешения губернского земства и при условии внесения денег за весь хлебный запас в размере средней десятилетней цены. Более жестко регламентировалось и хранение продовольственных капиталов, которые должны были

находиться в государственных кредитных учреждениях [5, с. 74–76]

Вопрос о замене натуральных запасов денежными продолжал активно обсуждаться земствами. Среди земских деятелей были сторонники как натуральной, так и денежной системы резервирования. Сторонники денежной системы приводили целый ряд доводов: 1) денежная система более выгодна, особенно там, где менее развито земледелие; 2) хранение больших объемов зерна требует значительных расходов и связано с большими потерями; 3) при хранении денег в банке или ценных бумагах денежные накопления позволяют получать дополнительную прибыль; 4) при наличии денежных средств можно быстрее удовлетворить потребности населения в ссуде; 5) следить за правильным расходованием капиталов и взыскивать недоимки гораздо проще деньгами, чем следить за сохранностью зерна в отдельных сельских обществах [3, с. 313].

Сторонники сохранения натуральной системы резервирования отмечали, что закрытие хлебозапасных магазинов потребует создания крупных складов хлеба, а это обойдется земству дорого. Во-вторых, при полунатуральном характере крестьянского хозяйства, населению будет трудно оплачивать дополнительные денежные сборы. В-третьих, получая ссуду деньгами, крестьяне могут израсходовать эти суммы на сторонние нужды. В-четвертых, с введением денежной системы, усилится формализм при выдаче ссуд [3, с. 313–314].

Несмотря на многочисленные обсуждения и даже проекты по улучшению действовавшей системы продовольственного обеспечения, активных мер по ее реформированию в период с 1867 по 1891 гг. не предпринималось.

В 1891 г. в Россию постиг сильный неурожай, спровоцировавший голод. Неурожаем была охвачена 21 губерния, а недобор хлебов по империи относительно многолетней нормы составлял 29% [13, с. 32–33]. По разным оценкам жертвами голода 1891–1892 гг. стали от 375,0 тыс. до 654,5 тыс. чел [19, Р. 171; 14, с. 58; 18, с. 83–84, 90–91; 1, с. 119–

120]. Правительство и земство не были готовы к столь масштабному катаклизму.

По замечанию современников, голоду 1891–1892 гг. предшествовал ряд неурожайных лет. Неурожай 1891 г. лишь окончательно подорвал пошатнувшееся крестьянское хозяйство. Причем следует отметить, что первые сигналы о грядущем голоде игнорировались. Так, например, по воспоминаниям А.С. Ермолова, министр финансов А.И. Вышнеградский препятствовал обсуждению продовольственной проблемы, полагая, что это может спровоцировать падение курса российской валюты [5, с. 100–101]. Описывая настроения в среде высших чиновников в ноябре 1891 г., государственный секретарь А.А. Половцов отмечал: «... меня поражает ничтожность людей, составляющих петербургское правительство, ничтожность, доказываемая тем, до какой степени они потеряли голову пред таким фактом, как факт нынешнего хлебного недорода» [4, с. 389]. Угроза голода взбудоражила общественное сознание, в российской и зарубежной прессе появились публикации о состоянии дел в пострадавших регионах [16].

Быстро выяснилось, что местные продовольственные запасы не покрывали потребностей населения. К тому же, часть их значилась только на бумаге. По сведениям А.С. Ермолова, общий размер резервов к 1891 г. составлял 25% от требуемой по закону нормы, а в некоторых губерниях он был равен 5%. Размеры бедствия заставили государство действовать самыми разными методами: создание благотворительных комитетов, выдача продовольственных ссуд, организация общественных работ [5, с. 105–106].

Для выдачи населению продовольственных ссуд в пострадавших губерниях, закупался хлеб. Только на эти цели из государственного бюджета в 1891–1892 гг. было выделено около 152 млн руб. Общая схема приобретения зерна была следующей: правительство выделяло денежные средства, а земства самостоятельно, через комиссионеров покупали и доставляли зерно голодающему населению [5, с. 103].

Срочный характер закупок, отсутствие опыта у земских управ в торговых делах, взаимная конкуренция при закупках привели к тому, что цены на зерно выросли в несколько раз. Плюс ко всему, ситуация осложнялась еще и тем, что слабая транспортная инфраструктура, а зачастую и ее полное отсутствие, не позволяли доставить закупленный хлеб в нужное место и в нужные сроки. В результате – проведение продовольственной кампании сопровождалось значительными издержками.

После преодоления продовольственного кризиса 1891–1892 гг. наступил период относительного благополучия, продолжавшийся до 1897 г. В 1897–1898 гг. ряд губерний Европейской России вновь пострадали от неурожая. По данным статистика А.Е. Лосицкого, из 60 губерний Европейской России в 19 губерниях фиксировалось резкое падение сборов зерновых. Причем, в 12 губерниях было собрано менее 70% от среднего восьмилетнего сбора хлебов (1889–1896 гг.). Сельское население территорий, пораженных сильным неурожаем, составляло в 1897 г. 18,8 тыс. чел., а в 1891 г. 29,9 тыс. чел. [10, с. 28]. Как и в 1891–1892 гг. местные продовольственные резервы не покрывали потребностей населения. Однако, в отличие от продовольственной кампании 1891–1892 гг., в 1897 г. организация помощи населению была выстроена более эффективно. Для преодоления последствий неурожая был создан единый центр управления – межведомственное совещание под руководством директора Хозяйственного департамента МВД И.И. Кабата. Совещание занималось закупками, транспортировкой и распределением продовольствия через уполномоченных Министерства Финансов (МФ) и земских управ. В 1897 г. было распределено около 6 млн пуд. хлеба на сумму в 4,5 млн руб., выделенные из средств имперского продовольственного капитала. В 1898 г. неурожай повторился, и на закупку хлеба было затрачено уже около 29,8 млн руб., на которые было приобретено около 34,4 млн пуд. хлеба. Кроме продовольственной помощи в губерниях, пострадавших от неурожая, были организованы общественные работы. В основном общественные работы были рассчитаны на

неквалифицированный труд: заготовка леса, ремонт и строительство дорог местного значения, мостов, осушение болот, укрепление оврагов. Разнообразную помощь пострадавшему населению оказывало и общество Красного креста, которое не только оказывало медицинскую помощь и устраивало благотворительные столовые, но и выдавало ссуды на приобретение лошадей и крупного рогатого скота [5, с. 146–148].

Тяжелое положение населения в годы неурожая, общественные дискуссии и колоссальные траты государства на нужды продовольствия свидетельствовали, что действовавшая продовольственная система со всей очевидностью проявила свою несостоятельность и требовала реформирования. Однако, законодательская деятельность в этом направлении протекала крайне медленно. Работа по созданию нового продовольственного закона развернулась сразу после продовольственной кампании 1891–1892 гг. С этой целью 18 февраля 1893 г. была учреждена «Особая комиссия по пересмотру устава о народном продовольствии» под руководством товарища министра внутренних дел В.К. Плеве. Комиссия работала над новым законом о продовольственном деле на протяжении нескольких лет. Созданный комиссией законопроект был внесен министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным на рассмотрение Государственного совета лишь 12 марта 1899 г. Вскоре, после отставки И.Л. Горемыкина в 1899 г., законопроект был отправлен на доработку в МВД. Осенью 1899 г. законопроект был вновь направлен в Государственный совет за подписью нового министра внутренних дел Д.С. Сипягина и министра финансов С.Ю. Витте, а утвержден 12 июня 1900 г. Таким образом, на создание нового закона потребовалось более семи лет [3, с. 330; 5, с. 204–218].

Новый законодательный акт получил наименование «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей». Главными отличиями «Временных правил» от прежнего устава стало устранение земств от заведования делом народного продовольствия и отмена круговой поруки крестьянских обществ за полученные

ссуды. Полномочия по заведыванию над хлебозапасной системой на региональном уровне передавалось в ведение земских начальников, уездных съездов, губернских присутствий. Общий контроль за хлебозапасными магазинами, общественными и губернскими продовольственными капиталами осуществляли генерал-губернаторы и губернаторы. Заведование делами продовольственного обеспечения в масштабах империи возлагалось на Земский отдел МВД [8, с. 92; 15, с. 7, 30–36]. «Временные правила» вступили в действие 1 января 1901 г., к этому моменту земства должны были передать губернские капиталы в распоряжение губернских присутствий [5, с. 230].

Введение нового законодательного акта совпало с масштабным неурожаем 1901 г., который охватил 18 губерний и 2 области Российской империи, 5 из которых располагались в азиатской части страны. На охваченной неурожаем территории проживало около 24 млн чел. [5, с. 232].

В отличие от прежних неурожаев, в 1901 г. был заблаговременно выработан план помощи пострадавшему населению. Общее руководство продовольственной кампанией осуществлялось межведомственным совещанием при МВД, непосредственной закупкой продовольственного и семенного зерна занималось «Временное управление по правительственной закупке хлеба» при МФ. Всего было приобретено 28 млн пуд. зерна, в том числе около 14 млн пуд. ржи, около 9 млн пуд. овса, 4 млн пуд. пшеницы, а также около 1 млн пуд. прочих зерновых. Всего на преодоление последствий неурожая 1901 г. было израсходовано 33,5 млн руб. Кроме того, свыше 28 млн пуд. хлеба было выдано в ссуды из средств хлебозапасных магазинов и общественных капиталов [5, с. 232–239].

Параллельно с выдачей ссуд на продовольствие, как и предыдущие годы, активно практиковалась организация различных видов общественных работ, в том числе: лесозаготовка, строительство железных и шоссейных дорог, а также объектов водоснабжения. Всего в общественных работах приняли участие до 50 тыс. человек [5, с. 241–252]. Врачебная и продовольственная помощь была оказана обществом Красного

креста, которым было открыто 1400 столовых, более 140 пекарен и питательных пунктов, 10 чайных. В пунктах питания Красного креста получали пищу около 500 тыс. человек, 155 тыс. человек получили врачебную помощь [5, с. 258].

Несмотря на имевшиеся успехи, сохранялись и прежние проблемы, связанные с трудностями доставки продовольствия, особенно в отдаленные местности, где отсутствовал железнодорожный транспорт [5, с. 240]. Не решена была и застарелая проблема роста долгов в продовольственные капиталы всех уровней. По мнению А.С. Ермолова, рост задолженности был связан не столько с неспособностью административного аппарата выполнить требования закона, сколько с явным несовершенством законодательных актов. Действовавшие «правила» не предусматривали выдачи безвозвратных пособий. Крестьяне получали зерно в ссуду. При этом, ссуда выдавалась лишь нуждающимся и неимущим, то есть тем, кто заведомо был некредитоспособен. А поскольку до введения «Временных правил», действовала круговая порука, и за выданные ссуды отвечало все крестьянское общество, то и в списки нуждающихся стремились попасть все члены общества. Появление новой законодательной нормы не смогло поменять сложившейся практики, крестьяне по-прежнему стремились «разверстать» полученную ссуду на всех общинников [6, с. 34–58].

Несмотря на явные противоречия, правительство не меняло принципы, положенные в основу продовольственного закона еще в первой половине XIX в. Предпринимаемые действия носили половинчатый характер. Так, например, 11 августа 1904 г. манифестом, изданным по случаю крещения наследника престола Алексея Николаевича, были прощены продовольственные ссуды, полученные населением еще в 1891–1892 и 1898 гг., а также ссуда на покупку рабочего скота населению Бессарабской губернии 1900 г. Кроме того, слагался целый ряд недоимок прошлых лет указом 5 апреля 1905 г. [5, с. 267–269]. Однако, суть проблемы по-прежнему не была решена. При каждом новом неурожае неминуемо возникали новые продовольственные долги.

Неурожай 1906 г., охвативший 18 губерний Европейской России, нанес новый удар по благополучию населения. Урожайность хлебов в этом году была ниже нормы на 23,9%, а в некоторых губерниях опускалась и ниже 70% (Рязанская, Харьковская) [13, с. 56]. По своим масштабам неурожай 1906 г. лишь немногим отличался от 1891 г., охватив территорию с населением в 44410 тыс. чел. [14, с. 48]. Положение населения усугубляло и развернувшееся революционное движение. Проведение продовольственной кампании совпало со стачкой железнодорожников, что делало невозможным своевременную доставку хлеба в пострадавшие регионы. Частыми явлениями были и прямые нарушения продовольственного законодательства. Наиболее распространенным из них были самовольные разборы зерна из хлебозапасных магазинов. Но даже в этих условиях, помощь населению была оказана. Всего на ликвидацию последствий неурожая из государственного бюджета было потрачено около 77,5 млн руб. На эти средства было куплено и роздано в ссуду 75 млн пуд. семенного и продовольственного хлеба [5, с. 285].

Затраты на продовольственные кампании из средств государственного бюджета были вынужденной мерой, что было связано с отсутствием средств в общеимперском и губернских продовольственных капиталах. Череда неурожайных лет, изъятия продовольственного законодательства, а также слабая платежеспособность населения, привели к тому, что за крестьянами числились огромные долги. Так, например, совокупный долг населения 47 губерний Европейской России на 1 января 1909 г. исчислялся в размере 309,5 млн руб., из них 203,6 млн руб. (66%) составляли долги в общеимперский продовольственный капитал, 105,9 млн руб. (34%) население было должно в губернские и общественные капиталы (включая задолженность в хлебозапасные магазины, из расчета 50 коп. за пуд. зерна) [6, с. 28–29].

Попытки исправить накопившиеся противоречия в системе продовольственного обеспечения были предприняты в ходе реформ П.А. Столыпина. В 1909–1910 гг. предлагались новые подходы к организации продовольственного дела. Лейтмотивом

разрабатывавшихся проектов была ставка на «самопомощь». По замыслу разработчиков нового устава о народном продовольствии, натуральные запасы (6 пуд. на душу), или их денежный эквивалент, хотя и сдавались в хлебозапасный магазин, но оставались в личной собственности крестьян. Наряду с этим, проектом устава предусматривались организация общественных работ, продажа хлеба по заготовительной цене. Для нетрудоспособных групп населения проектировалась помощь на началах благотворительности. Однако, несмотря на острую необходимость реформировать существующую систему, новый устав так и не был принят [2; 12, с. 270–276].

В 1911 г. в России вновь разразился масштабный неурожай, который затронул 40 губерний Российской империи. Только в европейской части страны неурожаем была охвачена территория с населением в 26542 тыс. чел. [14, с. 48]. Для борьбы с последствиями неурожая государственным казначейством было выделено 161,3 млн руб. Большая часть этой суммы 97,1 млн руб. (60 %) была потрачена на приобретение хлеба, который был выдан в виде ссуд, а также продан по заготовительной цене. На организацию общественных работ правительство потратило 42,7 млн руб. (26%), остальная часть – 10,3 млн руб. (6%) потрачена на благотворительную помощь [2]. Продовольственная кампания 1911-1912 гг. стала последней в череде «сражений с неурожаем» в Российской империи.

Обобщая выше изложенное, мы приходим к выводу, что созданная в России к началу XXв. система продовольственного обеспечения сохраняла принципы функционирования, заложенные еще в первой половине XIXв. Неоднократные попытки усовершенствования «продовольственного дела» подчеркивают сложность стоявшей перед реформаторами проблемы. Очевидным противоречием реформ продовольственной системы было желание совместить два противоположных принципа. Первый – принцип «самообеспечения» крестьянского населения, подразумевавший самостоятельность хозяйствующих субъектов. Второй – принцип патернализма, где «право голоса» принадлежало верховной власти. Желание правительства сконцентрировать

управление продовольственными резервами в своих руках неизбежно вело к росту издержек со стороны государства. В результате – правительство с трудом справлялось с взятыми на себя обязательствами. В этих условиях, неизбежные ошибки в управлении «продовольственным делом» становились объектом критики со стороны общества и политических оппонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России, 1881–1904 гг. / отв. ред. К. И. Шабуня. М.: Наука, 1984. 232 с.
2. Белокуров Е. В. Неурожай 1911 г. и общественные работы в России: [Электронный ресурс]. <http://mkonf.irigan.ru/papers.php?id=179> (дата обращения: 10.10.2015).
3. Веселовский Б. История земства за сорок лет. В 4-х т. Т. 2. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. 703 с.
4. Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. В 2-х т. Т. 2. 1887–1892 гг. / ред. и коммент. П. А. Зайончковского. М.: Наука, 1966. 576 с.
5. Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Киришабаума, 1909. 599 с.
6. Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос Ч. 2. СПб.: Тип. В. Киришабаума, 1909. 375 с.
7. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. М. РОССПЭН, 2008. 549 с.
8. Корнилов Г. Е. Формирование системы продовольственной безопасности населения России в первой половине XX века // Российская история. 2011. № 3. С. 91–101.
9. Леонов М. М. Русское консервативное общество и голод 1873 года в Самарской губернии // Самарский земский сборник. Вып. 3 / Под. ред. П. С. Кабытова, А. Н. Завального. Самара: Изд-во Самарский университет, 1996. С. 64–69.
10. Лосицкий А. Е. Размеры неурожая 1897 г. // Труды Вольного экономического общества. Т. 1. Кн. 3. СПб.: Тип. В. Демакова, 1898. С. 23–75.
11. Мацузато К. Сельская хлебозапасная система в России 1864–1917 гг. // Отечественная история. 1995. № 3. С. 185–197.
12. Могилевский К. И. Столыпинские реформы и местная элита. Совет по делам местного хозяйства (1908–1910) / Отв. ред. В. В. Шелухаев. М.: РОССПЭН, 2008. 328 с.

13. Обухов В. М. Движение неурожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожаев на народное хозяйство / Под ред. В. В. Громана. М.: РАНИОН, 1927. С. 1–159.

14. Першин П. Н. Аграрная революция в России. Кн. 1. От реформы к революции. М.: Наука, 1966. 490 с.

15. Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы / Под. ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Т. 1. Екатеринбург: Академкнига, 2000. 552 с.

16. Соколов Н. П. Голод 1891–1892 годов и общественно-политическая борьба в России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 20 с.

17. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 17. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Худож. лит., 1936. 814 с.

18. Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963. 136с.

19. Robbins R. G. Famine in Russia, 1891–1892: the Imperial Government Responds to a Crisis. New York; London: Columbia University Press, 1975. XVI, 262 p.

УДК 94(47).082:303.446.4(70)

ББК ТЗ(2)53+Т1(7) 6-82

Михалев Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт истории и археологии УрО РАН; 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; тел. (343)374-42-05; e-mail: n.mikhalev@mail.ru

ГОЛОД 1891 Г. В РОССИИ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИЧАРДА РОББИНСА¹

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению зарубежной англоязычной историографии истории голода 1891 г. в России. В ней анализируются основные положения работы американского историка Р. Роббинса «Голод в России, 1891–1892. Императорское правительство отвечает на кризис». Опубликованная в 1975 г., она до

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-01266 а2.

сих пор остается единственным монографическим исследованием данной проблемы.

Ключевые слова: голод 1891 г., историография, Р. Роббинс.

Mikhalev N.A., candidate of historical sciences, academic secretary, Institute of history and archaeology of the Urals branch of the Russian academy of sciences

FAMINE OF 1891 IN RUSSIA: RICHARD ROBBINS'S INTERPRETATION

Abstract. The paper deals with foreign English-speaking historiography of Russia's 1891 famine. It examines main positions of the work by American historian Richard Robbins «Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis». Published in 1975, this book still remains the only historical monography on the issue.

Keywords: 1891 famine, historiography, R. Robbins

Неурожай и последовавший за ним голод 1891 г. стал одним из крупнейших продовольственных кризисов в позднеимперской России. Различные аспекты его истории привлекли к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. Советская историографическая традиция, помещая тему голода 1891 г. в контекст изучения аграрного (или шире – общего социально-экономического) кризиса конца XIX – начала XX вв., как правило, использовала ее в качестве второстепенного сюжета, призванного доказать и наглядно проиллюстрировать степень серьезности последнего. В современной отечественной историографии тематические рамки рассмотрения проблемы голода 1891 г. заметно расширились, а сама она получила статус темы, «достойной монографического изучения». Тем не менее, такого исследования пока не появилось [10].

Зарубежная историография, которая при изучении истории позднеимперской России также долгое время опиралась на парадигму системного кризиса царского режима [8, С. 45–52], в этом смысле отличается от отечественной. В 1975 г. свет увидела книга американского историка Ричарда Роббинса «Голод в России, 1891–1892. Императорское правительство

отвечает на кризис». Получив положительную оценку в зарубежном научном сообществе [1, 2, 3, 4, 7 и др.], она за прошедшие десятилетия не была переведена на русский язык и должного отклика у российских авторов не получила [8, с. 509].

Роббинс начинает свое исследование с констатации того, что в историографии голод 1891 г. оказался окружен рядом «мифов». Первый утверждает, что правительство игнорировало возникший кризис и замалчивало информацию о происходящем в стране. Второй заявляет, что, когда режим все же вынужден был отреагировать, принятые им меры были неадекватны, а их исполнители – некомпетентны. Третий настаивает на том, что в условиях бездействия и беспомощности властей лишь своевременное вмешательство «образованного общества», через земские и частные благотворительные организации выполнившего основную часть работы по оказанию помощи голодающим, не только позволило облегчить положение населения, но и продемонстрировало несостоятельность государственной машины. Свою задачу историк видит именно в том, чтобы скорректировать или полностью развеять эти устоявшиеся представления. Поэтому он концентрируется на вопросах выработки и реализации государственной политики помощи населению, пострадавшему от голода, пытаясь «показать, что делал режим, чтобы помочь нуждающимся в 1891–1892 гг., и, насколько это возможно, установить почему были предприняты те или иные меры». При этом в работе затрагиваются (хоть и менее развернуто) другие аспекты проблемы – причины продовольственного кризиса, особенности общественной реакции, а также долговременные последствия катастрофы 1891 г. [5, с. IX–X]

Роббинс отмечает, что непосредственной причиной неурожая 1891 г. стали неблагоприятные погодные условия, а именно ранняя суровая зима и последовавшее за ней жаркое засушливое лето. Однако причины голода следовало связывать не столько с плохим урожаем, сколько с экономической и финансовой политикой царского режима, ему предшествовавшей. «Голод редко поражает процветающее государство. Он случается только тогда, когда

сельскохозяйственное население страны доведено до состояния хронической бедности и нужды. К 1890-м гг. бедность и нужда российского крестьянства являлась одним из неопровержимых фактов социальной жизни Империи. ... Сельская экономика оказалась в столь депрессивном состоянии, что для некоторых [крестьян] граница между нормальным существованием и голодом была очень тонка» – пишет историк. По его словам, «сцена была готова для трагедии», которая и произошла после неурожая 1891 г. [5, с. 3, 9–10; см. подробнее: 9]

Голод стал серьезным испытанием существовавшей в стране системы продовольственного обеспечения населения, показав все ее недостатки [см. также: 6]. Обращаясь к этому вопросу, Роббинс выделяет два базовых подхода, выработанных в истории к построению таких систем. Наиболее простой рассматривает голод как главным образом административную проблему, вызванную абсолютным, хотя и локализованным, недостатком продуктов питания. В этом случае кратковременный кризис преодолевается посредством распределения продовольствия между нуждающимися (через продажу, ссуды или на безвозмездной основе), а долговременное решение заключается в создании сети специальных зернохранилищ, содержимое которых используется в периоды неурожая. Такая система действовала в древнем Египте, но достигла своего расцвета в Китае в эпоху династий Мин и Цин. Второй, более современный подход рассматривает проблему предотвращения голодовок преимущественно с экономической точки зрения, связывая последние не с абсолютным недостатком продовольствия, а трактуя их как следствие роста продуктовых цен в сочетании с повышением уровня безработицы. Основными средствами выхода из кризиса выступают при этом полная свобода торговли, позволяющая удовлетворить возросший спрос на продовольствие в пострадавших районах, а также обязательное обеспечение занятости их жителей, получающих таким образом возможность приобретения продуктов питания. Этот подход избавляет правительство от забот по устройству зернохранилищ и поддержанию оных в должном состоянии. Кроме того,

получателями прямой помощи становятся в этом случае только нетрудоспособные категории населения, что значительно упрощает проведение антикризисной кампании в целом. В XIX в. данный подход с переменным успехом применялся британскими властями в Ирландии и Индии [5, с. 14–15].

Российский вариант системы продовольственного обеспечения находился где-то посередине между этими полюсами. Хотя императорское правительство рассматривало голод в административно-управленческой плоскости, свобода торговли зерном являлась центральным системным элементом антикризисных мероприятий, а организация общественных работ занимала среди них важное место [5, с. 16]. Изучив развитие продовольственного дела в имперский период истории России, Роббинс приходит к заключению, что созданная к концу XIX в. система продовольственного обеспечения по крайней мере на бумаге отличалась «простотой и ясностью». Она, казалось, решала «нереальную задачу российских администраторов» по снижению прямого участия центрального правительства в реализации антикризисных мероприятий: сохраняла за ним полномочия по общему контролю и надзору, передавая основные обязанности на местный уровень [5, с. 16–24].

В реальности, однако, справиться с крупномасштабным кризисом система не могла. Ее слабость, отмечает историк, отражала общие проблемы, «от которых страдало российское общество в целом». Идея хлебозапасных магазинов, «первой линии обороны от голода», была хороша в теории, но находившиеся в бедственном положении крестьяне часто не имели возможности найти излишки зерна для их пополнения. Неурожаи 1870-х и 1880-х гг. привели к тому, что к 1891 г. имевшиеся в магазинах запасы хлеба уже были выданы крестьянам или просто разворованы при попустительстве со стороны земств и сельских должностных лиц. Земские учреждения, отвечавшие за функционирование системы на местах, не обладали полномочиями и достаточными административными средствами, чтобы заставить сельские общества содержать магазины должным образом. К тому же

земства, не имевшие своего представительства на уровне волости, не в состоянии были установить «реальную связь» с жителями деревни. «Неполнота административной сети на местах» являлась, по словам Роббинса, «Ахиллесовой пятой» российской системы продовольственного обеспечения.

Не отличалась она нужной координацией и на более высоких уровнях государственного и земского аппаратов, что составляло другой ее «вопиющий и пагубный» недостаток. Отсутствие земской организации национального масштаба означало, что в случае неурожаев оперативное взаимодействие между различными губернскими земствами будет проблематичным. В высших эшелонах центральной администрации вопрос взаимодействия и координации стоял не менее остро. При столкновении интересов нескольких ведомств, деятельность которых имела то или иное отношение к разрешению продовольственных кризисов, отсутствовал какой-либо институт наподобие Кабинета, который позволил бы гармонизировать действия правительства. Существовавший Комитет министров в силу своих ограниченных компетенций с такой задачей справиться не мог. Иными словами, «фрагментированное состояние правительственного и земского аппарата делало беспрепятственное осуществление необходимой кооперации маловероятной» [5, с. 23–26].

В этой связи Роббинс не дает полностью отрицательной оценки контрреформам Александра III, которые, несмотря на свои «реакционные цели», в некотором смысле явились «шагом вперед», улучшив перспективы проведения более эффективных кампаний по борьбе с голодом. Так, введение должности земских начальников означало появление чиновников, «расположенных ближе к крестьянам» и обладающих большими возможностями по руководству продовольственными операциями на местах. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 1890 г., предусматривавшее активный государственный контроль за деятельностью земских учреждений, могло способствовать установлению более тесных связей между государственным и земским аппаратами. Тем не менее, эти изменения были «слишком небольшими и слишком

запоздавшими». Базовые институциональные проблемы государства оставались нерешенными. Поэтому, когда голод «охватил поволжские и черноземные губернии в 1891 г., правительство России и ее население вынуждены были бороться против голода, используя неадекватные средства». Успех этой борьбы зависел от «изобретательности государственных чиновников, земцев и простых граждан» [5, с. 29–30].

Дальнейшее исследование, проведенное Роббинсом, убедительно показывает, что в исходно неблагоприятных для себя условиях императорский режим сумел выработать и реализовать мероприятия, адекватные масштабам возникшего кризиса. Правительство вовсе не пыталось скрыть или игнорировать катастрофу: уже в январе 1891 г. были предприняты первые шаги по облегчению положения в Поволжье и Черноземье, а российская пресса на протяжении всех этапов развития кризиса достаточно подробно освещала ситуацию. Не нашло полного подтверждения и представление о том, что действия царских чиновников отличались «паникой, путаницей и общей некомпетентностью». Несмотря на имевшие место колебания и ошибки, правительство провело «одну из крупнейших в российской истории кампаний по борьбе с голодом». По данным историка, в разгар кризиса продовольственную помощь получали более 11 млн чел. И хотя не все государственные мероприятия оказались эффективными, «размах деятельности правительства был поразительным». Даже сравнение российской кампании 1891–1892 гг. с действиями британской администрации во время голода в Ирландии и Индии свидетельствовало в пользу царского режима.

Работу земств по борьбе с голодом Роббинс называет «огромной», одновременно подчеркивая, что в это время земства выступали не как общественные, а скорее, как государственные организации, получая правительственное финансирование и выполняя предписания центральной власти. Без почти 150 млн руб., израсходованных правительством на различные программы помощи, никакая деятельность земств не была бы возможной. На этом фоне масштабы собственно общественной благотворительной помощи голодающим

выглядели весьма скромно. Исследователь фактически солидаризуется с одним из современников, описавшего реакцию российского общества на кризис 1891 г. как «вялую». Согласно Роббинсу, общая сумма, собранная разными благотворителями, не превышала 5 или 6 млн руб. [5, с. 168–169, 236]

Для доказательства эффективности «впечатляющей» продовольственной кампании 1891–1892 гг. историк обращается к нескольким критериям. Первый из них – величина демографических потерь, обусловленных голодом. Используя статистику, представленную в работе В.И. Покровского 1897 г. «Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения», Роббинс сравнил абсолютные показатели смертности в 17 наиболее пораженных голодом российских губерниях за 1892 г. с их средним пятилетним значением за 1880–1890 и 1893–1894 гг. и подсчитал, что сверхсмертность в этом регионе составила 406 тыс. чел. Принимая число смертей, вызванных эпидемией холеры, в немногим более 103 тыс. чел., он снижает значение этого показателя до 303 тыс. чел. Однако, учитывая, что определенная часть холерных смертей была безусловно связана с голодом, в качестве «более обоснованного» итогового показателя голодной смертности Роббинс считает оценку в 375–400 тыс. чел. Другими словами, российским властям удалось сдержать рост уровня смертности в среднем в пределах 25–30%, что позволяет признать действия правительства «если не оптимальными, то, по меньшей мере, приемлемыми». Это суждение становится еще более оправданным, принимая во внимание многомиллионные жертвы в период голода 1921–1922 и 1932–1933 гг. [5, с. 171–172].

Другим подтверждением эффективности продовольственной кампании 1891–1892 гг. являлось ограничение социально-экономических последствий голода, а именно предотвращение коллапса крестьянского хозяйства и экономики. Правда, действия властей в этом направлении оказались значительно менее успешными. Программа казенных общественных работ потерпела фиаско. Величина задолженности крестьян резко возросла, а уровень их жизни ухудшился настолько, что даже «высшие государственные чиновники быстро осознали, что

возврат продовольственных ссуд, выданных нуждающимся в ходе кризиса, будет фактически невозможен». Вместе с тем назвать экономическую политику российского правительства однозначным провалом было нельзя. Посредством широкой программы семенных ссуд удалось предупредить полную деградацию сельского хозяйства в охваченных голодом губерниях, хотя размеры посевных площадей здесь все же сократились. Зерновые ссуды заложили основу для быстрого восстановления, и благодаря высокому урожаю 1893 г. крестьяне «начали вновь вставать на ноги» [5, с. 173].

Таким образом, заключает Роббинс, исследование результатов осуществления государственных программ в 1891–1892 гг. производит «удивительно положительное впечатление». Продовольственные операции были далеки от совершенства, но правительственная помощь «предотвратила реальную угрозу массового голодания, удержала уровень смертности в приемлемых границах, предупредила полный экономический крах пораженного голодом региона». «Восхищение» действиями властей еще более усиливается, если учесть, что «дефекты государственного аппарата» с самого начала мешали борьбе с голодом [5, с. 173]. Своей способностью мобилизовать человеческие, материальные и иные ресурсы царский режим в начале 1890-х гг. продемонстрировал значительный «запас прочности». Царские бюрократы, «без сомнения, неумелые и продажные по современным стандартам», были способны на «творческую и оригинальную» реакцию на серьезный внутренний кризис. Невзирая на атмосферу недоверия, порожденную контрреформами, удалось установить «работающие связи» между государственными чиновниками, земскими служащими, земскими начальниками и представителями сельских обществ, а также привлечь к продовольственным операциям частных лиц. Тем самым царизм показал себя более жизнеспособным, чем утверждали его критики.

С другой стороны, именно голод 1891 г. стал началом конца для имперской России. С этого времени царское правительство столкнется с нарастанием критических настроений и оппозиции,

которое завершится революциями 1905 и 1917 гг. Такое развитие событий, отмечает историк, только кажется «парадоксальным и ироничным», и загадку «процесса упадка, начавшегося с очевидного успеха», разрешить несложно. «Голод никому не делает чести. – пишет он. – Даже крупнейшая и самая эффективная кампания помощи не может устранить язву голода и бедности». Для Империи удар, нанесенный голодом, был особенно жесток. «Существование самодержавия, – продолжает Роббинс, – всегда находило оправдание в том, что оно делало Россию могущественным современным государством. Катастрофа 1891–1892 гг. опровергла это утверждение. Великие европейские державы не страдают от голода, голодают лишь такие отсталые колониальные территории, как Китай, Ирландия и Индия». Сам факт большого голода в России указывал, что она еще далее отставала от «передовых и процветающих стран Запада» [5, с. 175–176].

Данный вызов, который голод поставил перед правительством, обнажив слабость государства и экономики, а также породив у «образованного общества» надежды на укрепление взаимодействия с властью и расширение своего участия в решении общенациональных вопросов, содержал в себе и новые возможности. В случае принятия необходимых мер по устранению «институциональных дефектов», снижения давления на деревню, предоставления «обществу» доступа к управлению, Империя могла бы «выйти из испытания голодом укрепившейся и возрожденной». Однако, как только режим «восстановил равновесие», он вернулся к прежней политике. Быстро оказался забыт важнейший урок, преподанный голодом 1891 г.: «ни государство, ни общество не могут эффективно действовать по одиночке. Только подлинное сотрудничество между представителями правительства и общества будет давать России возможность перенести будущие кризисы» [5, с. 179–180, 183].

В заключение следует отметить, что работа Роббинса опирается на солидную источниковую базу. Ее основу составили впервые введенные в научный оборот документы из фондов центральных российских архивов: прежде всего,

материалы Хозяйственного департамента МВД, Особого комитета по оказанию помощи населению в местностях, пострадавших от неурожая, а также 3-го делопроизводства Департамента полиции, документы личных фондов В.К. Плеве и Николая II. Тщательная проработка этих и иных использованных источников позволила Роббинсу, по словам Брюса Линкольна, «создать образцовую историческую монографию», которая значительно расширила представления об особенностях функционирования царского правительства в конце XIX в. и – в более общем смысле – дополнила понимание того, каким образом абсолютистские режимы справлялись с тяжелыми социальными и экономическими кризисами [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Atwell J.W. Review: *Famine in Russia, 1891–92* by Richard G. Robbins // *The Slavonic and East European Review*. 1976. Vol. 54. № 3. P. 465–466.
2. Blakely A. Review: *Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis* by Richard G. Robbins // *Russian Review*. 1975. Vol. 34. № 3. P. 329–330.
3. Hutchinson J.F. Review: *Famine in Russia 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis* by Richard G. Robbins // *Canadian Slavonic Papers*. 1975. Vol. 17. № 4. P. 653–654.
4. Lincoln B.W. Review: *Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis* by Richard G. Robbins // *The American Historical Review*. 1976. Vol. 81. № 4. P. 908–909.
5. Robbins R.G. *Famine in Russia, 1891–1892: The Imperial Government Responds to a Crisis*. New York: Columbia University Press, 1975.
6. Robbins R.G. *Russia's System of Food Supply Relief on the Eve of the Famine of 1891–92* // *Agricultural History*. 1971. Vol. 45. № 4. P. 259–269.
7. Watters F.M. Review: *Famine in Russia 1891–1892* by Richard G. Robbins // *Slavic Review*. 1975. Vol. 34. № 4. P. 817.
8. Миронов Б.Н. *Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века*. М., 2012.
9. Панферова О.Ю. Ричард Роббинс о причинах голода 1891–1892 гг. в России // *Аспирант, или Молодое поколение ученых о...: науч.–практ. альманах аспирантского сообщества*. Оренбург, 2011. Вып. VI. С. 92–94.

10. Пьянков С.А., Михалев Н.А. Голод 1891–1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 44–55.

УДК 021(470.5) (091)

ББК 4833 (235.55)6

ВАК 07.00.02

Кругликова Галина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, Уральский государственный педагогический университет; г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д.26; e-mail: kruglickova.galina@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА НА УРАЛЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-Х ГГ.: ТРУДНОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Аннотация. В статье анализируется становление нормативно-правовой базы в области библиотечного строительства в первой половине 1920-х гг. Определены теоретические вопросы библиотечного строительства и практическая реализация библиотечного законодательства на Урале.

Ключевые слова: культурная политика, библиотеки, Урал, историко-культурное наследие.

Kruglikova Galina Aleksandrovna, Department of History of Russian VPO «Ural State Pedagogical University», Russia, Yekaterinburg, Ph.D., Associate Professor

THE STATE POLICY IN THE FIELD OF LIBRARY BUSINESS IN THE URALS IN THE FIRST HALF OF THE 1920S.: DIFFICULTIES AND CONTRADICTIONS

Abstract. The article deals with the establishment of the legal framework in the field of library construction in the first half of the 1920s. Showing theoretical issues and practical implementation of the law library in the Urals.

Keywords: cultural policy, the library, the Urals, the historical and cultural heritage.

В 1920-х гг. ведущее место в системе культурно-просветительных учреждений занимали библиотеки и избы-читальни как наиболее массовые и доступные центры распространения знаний и политического просвещения трудящихся. На Урале, как и по всей стране, шел процесс формирования государственного управления культурным и библиотечным строительством, сети библиотек и изб-читален и ведения ими агитационно-пропагандистской работы с учетом местных условий.

Декретом Советского правительства «Об охране библиотек и книгохранилищ» (17 июля 1918 г.), постановлением «О постановке библиотечного дела» были заложены основы библиотечного строительства в стране. Декрет Совнаркома РСФСР от 3 ноября 1920 г. «О централизации библиотечного дела в РСФСР» намечал конкретные мероприятия по созданию оптимальной системы библиотечного обслуживания трудящихся. Предполагалось создать единую библиотечную систему, способную динамично развиваться, эффективно решать масштабные задачи политического, экономического, социального и культурного строительства советского общества.

Исторически промышленно развитый Урал значительно отставал от других регионов в культурном отношении. Специфику библиотечного строительства, распространения и пропаганды книги на Урале определяла сложившаяся политическая ситуация: Гражданская война, сосредоточение и активность в регионах сил, призывавших к погромам, саботажам, забастовкам, а также колебания некоторой части старых специалистов, культурная отсталость уральского населения и особенно национальных меньшинств.

Таков был исходный рубеж, с которого начинались коренные преобразования на Урале в области культуры и библиотечного дела. Размах хозяйственного строительства в регионе потребовал резкого усиления темпов культурного строительства, ликвидации его отсталости. Впервые в истории

края вместе с другими направлениями культурного строительства частью государственной работы по просвещению стало библиотечное дело и формирование органов его руководства. Для выполнения функций государственного управления просвещением и внешкольным образованием при Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создавались отделы народного образования, в структуре которых предусматривались внешкольные подотделы с библиотечными секциями.

В Екатеринбурге в марте 1918 г. специальным постановлением Комиссариата народного просвещения при уездно-городском отделе народного образования был создан отдел, в ведении которого находились библиотеки, а через несколько месяцев – специальный отдел – «библиотечный и общей статистики», который должен был сосредоточить «у себя организацию всех национализированных библиотек» [1].

Совещание, проведенное Наркомпросом в апреле 1918 г. «по упорядочению библиотечного дела и правильного субсидирования библиотек», на которое были вызваны заведующие «частными и общественными библиотеками города Екатеринбурга» [2] отметило, что библиотечная работа на территории Урала велась неравномерно: одни уделяли ей большое внимание (Пермский, Осинский, Оханский уезды), другие совершенно ею не занимались (Кунгурский, Ирбитский), третьи (Челябинский уезд) были созданы накануне революции и не успели развернуть работу. Несмотря на все сложности, к середине 1918 г. повсеместно были созданы отделы народного образования, однако, в период Гражданской войны на территории Урала они прекратили свое существование.

С середины 1919 г. начался новый этап формирования отделов народного образования. Общим для всех губерний и отделов Уральской области была организация внешкольных подотделов и библиотечных секций при них.

24 июля 1919 г. от колчаковцев был освобожден Челябинск, а 10 октября образовали Челябинский губернский отдел народного просвещения с библиотечной секцией при внешкольном отделе. В том же году начала работать

библиотечная секция Златоустовского уездного отдела народного образования [3].

Приказом №4 Тюменского уездного военно-революционного комитета от 13 августа 1919 г. был образован «отдел народного образования под председательством члена ВРК тов. Герасимова, в ведение которого переходили все школы, клубы, театры, парки, музеи, библиотеки и проч. г.Тюмени и его уезда» [4].

Екатеринбургский губоно был образован в августе 1919 г. Во главе секции был поставлен уполномоченный П. Смыслов, секретарем – М. Кистанов. Эти две подписи стояли на всех документах 1919 г. по библиотечному делу уезда. Основными направлениями деятельности внешкольных подотделов, занимавшихся культурно-просветительной и библиотечной работой, были: организация библиотечного обслуживания населения, выявление и открытие новых библиотек и изб-читален, упорядочение их сети, пополнение литературой, укомплектование квалифицированными кадрами.

Библиотечная секция при Пермском губернском отделе народного образования, характеризуя состояние библиотечного дела в период с 1 сентября 1919 г. по 1 июня 1920 г., так определяла свои задачи: разработка сети библиотек, централизация библиотечного дела, объединение деятельности библиотек политотдела Пермского гарнизона, РКСМ, профсоюзов, партийных библиотек под руководством губоно; открытие библиотек всех ведомств для всеобщего пользования; организация детских библиотек, распределение книг по библиотекам губернии; методическое руководство деятельностью библиотек [5].

Таким образом, если процесс становления таких органов в центральных губерниях РСФСР завершился к середине 1918 г., то на Урале это произошло к концу 1920 г. Это отставание было вызвано, в первую очередь, затянувшейся Гражданской войной и рядом факторов: отсутствием единого руководящего органа на Урале, квалифицированных кадров, неравномерным развитием библиотечного дела в дореволюционный период (в ряде уездов вообще не было библиотек). Придание библиотечной

деятельности государственного характера являлось главной задачей периода.

Для того, чтобы привести в порядок всю сеть библиотек, необходимо было провести ее инвентаризацию. Направляя деятельность внешкольных отделов, уральские партийные и государственные органы выдвигали в качестве первоочередной задачи организацию строго учета всех существующих культурно-просветительных и библиотечных учреждений, их реорганизацию и открытие новых библиотек и изб-читален в каждом населенном пункте, пополнение их новой литературой. В частности, Екатеринбургский губком РКП(б) распорядился о том, чтобы местные комитеты партии предоставляли сведения о количестве библиотек, изб-читален с указанием их месторасположения, средней ежедневной посещаемости, количестве книг и газет, их тематике, о материальном положении библиотек и т.д. [6]

Уже летом 1920 г. на съезде заведующих отделами народного образования Екатеринбургской губернии отмечалось, что «внешкольный подотдел Екатеринбургского губернского отдела народного образования единственный хорошо налаженный». Однако это утверждение было завышенной оценкой. В протоколе съезда представлены отчеты о постановке библиотечной работы в уездах: «В Камышловском уезде библиотечное дело не стоит на высоте своего положения; [...] в Верхотурском уезде работа страдает из-за отсутствия библиотекарей; [...] в Шадринском уезде отмечается слабая работа внешкольного отдела; [...] в Алапаевском – нет ни инструкторов, ни заведующего, связи с местами отсутствуют, открытые избы-читальни пустуют; [...] в Нижнем Тагиле – библиотечная секция организована неделю назад; [...] в самом Екатеринбургском уезде – общее положение называется хаотичным, нет планомерного построенного аппарата, в библиотечной секции в настоящее время нет достаточно хорошего заведующего, ведется только техническая работа» [7].

Таким образом, одной из основных задач, которую решали библиотечные секции губоно, было создание единой планомерно организованной сети библиотек и изб-читален.

Сеть библиотек была представлена теми темпами и видами, которые остались от дореволюционного периода. Наиболее показательна в этом плане Пермская губерния, где функционировала библиотечная секция, образованная в сентябре 1919 г. В уездах количество библиотек колебалось от 6 (Ирбитский уезд) до 105 (Соликамский уезд) [8]. В первый год установления Советской власти на Урале работали также 1147 изб-читален [9]. В годы Гражданской войны многие библиотеки и избы-читальни были уничтожены, закрыты. Исчезла большая часть Березовской уездной библиотеки; особо ценные книги из Чердынской библиотеки. Полностью уничтожили Купросскую библиотеку Соликамского уезда Пермской губернии. Готовились к вывозу и книги Пермского университета: они были сложены в ящики, отчего многие пришли в негодность [24, с. 31]. После изгнания войск Колчака с территории Урала, началось их восстановление.

В начале 1920-х гг. складывались системы местных органов руководства библиотечным делом на разных уровнях (губернском, уездном, волостном, городском, районном и т.д.). По линии отделов народного образования системы Главполитпросвета Наркомпроса РСФСР (кое-где в начале 1920-х гг. они еще назывались отделами внешкольной работы или внешкольного образования); по линии отделов партийных, комсомольских, красноармейских и общественных органов; по линии библиотечных объединений и других общественных органов при библиотеках и органах управления библиотечным делом. Кроме того, 20 января 1921 г. Главполитпросветом и ЦБК была принята инструкция по проведению единой библиотечной сети, в соответствии с которой все мероприятия по централизации на местах возлагались на библиотечные секции политпросветов под руководством ЦБК.

Основные задачи библиотечного строительства Урала определялись съездами Советов, профсоюзов, где рассматривались вопросы культурного строительства. Проблемы внешкольной работы, библиотечного строительства активно обсуждались и на профессиональных съездах,

инициаторами созыва которых стали отделы народного образования и их библиотечные секции.

На Челябинском губернском съезде заведующих отделами народного образования (1-2 апреля 1920 г.) подводились первые итоги и успехи в библиотечном деле, намечались перспективы его развития. В газете «Советская правда» на следующий день после съезда в статье «Внешкольное образование в Челябинской губернии» сообщалось, что «с приходом Советской власти в Челябинский уезд открылось более 20 библиотек (всего на данный момент - 51); зарегистрированы больше 100 изб-читален, работает около 80 передвижных библиотек. В Миассе организована центральная библиотека и уезде 16 библиотек и т.д.» [10]. Особо выделялась роль библиотек в пропагандистской работе. «Как в учреждении классового государства, в каждой библиотеке, как общее правило, должно быть уделено особое внимание организации отделов политики, экономики, социологии, причем, в особенности в волостных и районных библиотеках должна быть изъята вся контрреволюционная и бульварная литература» [11].

На съезде библиотекарей Шадринского уезда (15-17 августа 1920 г.) указывалось на необходимость увязывания библиотечной работы с политическими событиями, придания ей агитационного характера. Особое внимание уделялось открытию библиотек и изб-читален в тех местах, где их не было, чтобы довести книгу до самых отдаленных уголков уезда, привлечению населения к участию в работе библиотек и библиотечных советов.

Задачи, поставленные в декрете от 3 ноября 1920 г. «О централизации библиотечного дела в РСФСР» предполагали реорганизацию государственных органов руководства политико-просветительными учреждениями и на Урале. Внешкольные подотделы были преобразованы в губернские и уездные политпросветы, активизировалась роль партийных органов в их формировании. В течение 1920 г. в уральских губерниях произошло слияние местных отделений Пролеткульта с отделами народного образования. Реализация решения партии о ликвидации самостоятельности Пролеткульта

явилась одной из мер по утверждению партийно-государственного влияния на культурно-просветительную работу в стране. Декрет СНК «О Главполитпросвете» (12 декабря 1920 г.) определил порядок учреждения областных, губернских и уездных органов ГПП, реализующих на местах все распоряжения и указания центрального органа.

В декабре 1920 г. на заседании Екатеринбургского губкома партии был утвержден Губполитпросвет в составе 4 человек во главе с представителем комитета РКП(б). В 1921 г. в Перми состоялся первый губернский съезд политпросветов. Библиотечной секцией обсуждался план работы пропагандистского отдела по библиотечному делу. В него были включены следующие мероприятия: организовать при библиотечном подотделе межведомственные органы – библиотечные совещания для проведения в жизнь декрета о централизации библиотечного дела, в соответствии с ним перестроить губернскую библиотечную сеть, произвести пересмотр книжного фонда библиотек, чтобы изъять устаревшую литературу, создать губернский коллектор для планомерного распределения книг по библиотекам губернии.

Во исполнение циркулярного письма ЦК РКП(б) от 11 мая 1921 г. и Главполитпросвета о централизации библиотечного дела в Советской Республике [12], Пермский губком РКП(б) предложил всем Укомам и Уполитпросветам пересмотреть книжный состав партийных библиотек. Книги научного характера должны быть переданы в библиотеки по теории и практике марксизма, каковые немедленно организовать при совпартшколах и клубах [13].

Важнейшим моментом было принятие 6 мая 1921 г. Главполитпросветом и ЦБК инструкции по организации библиотечной сети [14]. Она устанавливала 3 типа стационарных библиотек: городские (центральные районные), волостные и избы-читальни. При этом учитывались размеры уезда, плотность населения, удаленность их друг от друга и т.д. Уезды разбивались наряд участков или районов. В первую очередь открывались районные, центральные библиотеки, в городах должна была быть минимум одна библиотека.

Партийные органы активно помогали библиотекам, участвовали в централизации библиотечного дела. Таким образом, вырабатывалась структура библиотечных учреждений системы Наркомпроса и руководства ими на местах.

В марте 1921 г. библиотечный подотдел Глаполитпросвета подготовил обзор о развитии библиотечной сети РСФСР. На основе довольно отрывочных данных по 233 уездам, учитывая тяжелое время войны и разрухи, была составлена примерная картина состояния библиотечной сети. Отмечалось, что «единообразия в плане библиотечного строительства на местах нет». Тем не менее, к началу 1921 г. насчитывалось 303 центральных, 5343 районных и волостных, 2042 школьных, 110 детских библиотек; 4660 библиотек различных учреждений; 23228 изб-читален и 726 передвижных библиотек [25, с. 85].

Неурожай 1921 г. и начавшийся голод на Урале не могли не сказаться на всей постановке библиотечного дела. В связи с отсутствием точных данных о количестве библиотек в каждом уезде весьма трудно составить общую картину библиотечного строительства. Так, 15 ноября 1921 г. в Челябинске на содержании губполитпросвета находилось 25 библиотек и 35 библиотекарей; в уезде было 67 библиотек, но точных данных об учете политпросветучреждений по губернии нет [15]. В Екатеринбургской губернии на 1 октября 1921 г. в ведении Политпросвета было: центральных библиотек – 10; районных – 67; волостных – 197; изб-читален – 421. На государственном снабжении состояли центральные и 17 из 67 районных библиотек [16]. Многие учреждения существовали только на бумаге, поскольку из-за голода некому было работать.

Тем не менее, библиотекам уделялось большое внимание со стороны государственных и партийных органов. Во-первых, библиотеки, с методической точки зрения, выполняли функцию политического образования масс. Во-вторых, им отводилась важная роль по распространению пропагандистской литературы. Также библиотеки являлись центрами классической литературы, которой в первые годы Советской власти издавалось сравнительно мало.

Библиотечная политика на первоначальном этапе действительно давала неплохие результаты. Но переход к НЭПу, перевод содержания библиотек на местные средства, деятельность по централизации мелких и разбросанных читален и объединению их в более крупные библиотеки, а также экономические условия 1921-1922 гг. – недостаток продовольствия, эпидемии, голод, сделали постоянную работу библиотечных учреждений невозможной. Согласно имевшимся данным по 24 губерниям РСФСР в октябре 1921 г. насчитывалось 8286 библиотек, в ноябре 1922 г. их число равнялось 3338, что составляло 44% от имевшегося количества в 1921 г. Число изб-читален в 1922 г. равнялось 2610 по сравнению с 16932 в 1921 г. [17]

Таким образом, к концу 1922 г. ситуация в библиотечном деле складывалась сложная. Статистическая ревизия, организованная Главполитпросветом, показала то плачевное положение, в котором оказались учреждения культуры вследствие проводимой политики.

Наиболее продуктивным в плане восстановления деятельности руководящих органов и усиления руководства библиотеками и избами-читальнями стал второй этап восстановительного периода, когда произошло новое административно-территориальное деление Урала. С организацией Уральской области были организованы областные и окружные органы управления политико-просветительной и библиотечной работой.

В структуре Уральского отдела народного образования (УралОНО) был выделен Уральский политико-просветительный комитет (Уралполитпросвет) с библиотечным отделом. Идейное руководство осуществлял Уральский обком РКП(б).

Основной упор, согласно решениям XI съезда ЦК РКП(б), был направлен на восстановление сети изб-читален, как опорных пунктов коммунистической и сельскохозяйственной пропаганды.

Губернский съезд заведующих городскими и центральными библиотеками, состоявшийся 25-29 мая 1923 г. в Екатеринбурге, главными недостатками работы отметил: беспорядочность и

отсутствие определенного плана в сокращении и районировании библиотечной сети; отсутствие библиотечного объединения, координировавшего систему подготовки библиотечных работников [18].

Съезд постановил: в основу построения сети положить создание районных библиотек в центрах более оживленных, волостные библиотеки оставлять на местах, а «умирающие» библиотеки заменять избами-читальнями и снабжать передвижками. Схема управления определялась в лице библиотечного губернского инструктора при Губполитпросвете, являвшегося главным библиотечным органом в губернии. Обязанностью местных исполкомов являлась ассигнация определенных сумм на содержание библиотек [19].

В результате проводимых мероприятий количество политико-просветительных учреждений на Урале постепенно увеличивалось.

Общее количество культурно-просветительных учреждений на Урале в 1923 г. представлено в таблице 1:

Таблица 1

Сеть культпросветучреждений Урала в 1923 г.*

Губернии	Библиотеки	Избы- читальни
Екатеринбургска я	294	187
Пермская	296	206
Челябинская	116	260
Итого	706	653
Европейская часть РСФСР	6.762	6.253

* Составлено по: Народное образование в РСФСР: (по стат. данным на 1 апреля 1923 г.). М., 1923. С. 18, 86-89.

Как видно из таблицы 1, общее количество библиотек и избы-читален на Урале вполне соизмеримо с аналогичными показателями по европейской части РСФСР. Следует заметить, что приведенные статистические данные достаточно условны,

поскольку количество культурно-просветительных учреждений в 1920-е годы было нестабильно.

Циркулярное указание РКП(б) об усилении партийного влияния на работу библиотек (15 октября 1923 г.) предписывало «создать при агитпропах постоянные библиотечные комиссии, в которые должны входить представители местного политпросвета» [20]. В соответствии с «Положением о политико-просветительном отделе УралОНО», принятом в январе 1924 г., Уралполитпросвет с библиотечным отделом стал государственным органом, осуществляющим административное руководство библиотеками независимо от их ведомственной принадлежности и избами-читальнями, которые чаще всего заменяли на местах сельские библиотеки, координировал деятельность всех учреждений и организаций в политико-просветительной работе [21].

Особую озабоченность вызывало руководство деятельностью политико-просветительных учреждений в округах, районах и селах области; предпринимались новые шаги по объединению политико-просветительной работы различных организаций под руководством органов политпросвета.

В начале 1924 г. инспектора Уралполитпросвета обследовали ряд районов Уральской области, заслушали доклады заведующих окрполитпросветов о состоянии политико-просветительной работы в округах. В результате выявилось довольно катастрофическое материальное и идейное положение политико-просветительных учреждений. Не во всех округах завершился процесс восстановления органов политпросвета, не все были укомплектованы штатными работниками, а чаще всего состояли из одного разъездного библиотечного инструктора, на которого возлагались большие задачи.

Библиотечный отдел Уралполитпросвета разработал «Положение об окружной библиотеке при Уральской области» [22], основные функции и задачи которой были направлены на пропаганду коммунизма в тесной связи с очередными задачами партии и Советской власти, на содействие культурному подъему рабочих и крестьян.

Для оказания методической помощи практиковались письменные инструкции, вызовы с докладами о состоянии библиотечной работы, разрабатывались программы библиотечных практикумов. К знаменательным датам и событиям («К 20-летию революции 1905 г.», 8 марта, Дню Парижской Коммуны, 1 Мая и др.) вышло 5 сборников в помощь работникам изб-читален и библиотек. Библиотечная работа освещалась на страницах местных журналов «Просвещение на Урале», «Уральский коммунист», газет «Уральский рабочий», «Звезда», «Советская правда».

Библиотечные отделы Уралполитпросвета вели активную работу по изучению библиотечного дела в округах, а также в отдельных читальнях, библиотеках и избах-читальнях. Особое внимание уделялось усилению роли партийных организаций в деятельности библиотек, расширению связей государственных учреждений с общественными организациями (РКСМ, профсоюзами). Преобладающей формой в это время являлись агитационные кампании, проводившиеся по различным поводам: по разъяснению новой экономической политики, по натуральному налогу, в помощь голодающим, по борьбе с засухой и т.д.

Тем не менее, проводимые мероприятия не могли решить проблему государственного руководства библиотечным делом в округах. Формирование специальных органов при ОкрОНО задерживалось. Большую работу библиотечный отдел Уралполитпросвета вел по выявлению и учету сети библиотек и изб-читален, обеспеченности их кадрами. Изучение отчетов и докладов округов о библиотечном деле позволяло библиотечному отделу Уралполитпросвета давать общую оценку его состояния, выявлять недостатки, намечать пути их устранения.

Велась работа по разработке единого положения о библиотечном деле области, правил пользования библиотеками, упорядочение сети детских, передвижных и клубных библиотек и изб-читален.

Особое значение имел проведенным 1-7 июля 1924 г. I Всероссийский библиотечный съезд. Это был первый и до

настоящего времени практически единственный, достаточно демократичный форум библиотечных работников, главной целью которого была консолидация сил в деле строительства советской библиотечной системы. Отмечалось повышение роли библиотеки как орудия коммунистического воспитания, однако делегаты съезда констатировали недостаточно успешное проведение в жизнь основных принципов декрета СНК о централизации библиотечного дела от 3 ноября 1920 г.

После заслушивания докладов и секционных заседаний на съезде было принято решение о «сведении библиотек к четырем типам»: центральная библиотека (руководящая работой губернских и уездных библиотек); районная; подрайонная (в том числе фабричная, клубная и др.); волостная. Обсуждались вопросы обработки литературы, комплектования передвижек, оказания методической помощи библиотекам на местах, подготовки работников передвижной сети и т.д. К решению вопросов финансирования этой деятельности должны были привлекаться все заинтересованные организации и предприятия [23].

К 1925 г. в Уральской области был накоплен определенный положительный опыт, и Главполитпросвет РСФСР предложил провести в Свердловске межкраевую библиотечную конференцию. Она состоялась в марте 1926 г. с участием Уральской, Марийской, Чувашской, Зырянской областей, Оренбургской и Вятской губерний, Казахской, Татарской и Башкирской автономных республик. На конференции были рассмотрены основные методы пропаганды книги в деревне, вопросы изучения интересов деревенского читателя, организация работы с читателями деревни и города, деятельность библиотечных объединений.

Таким образом, в Уральской области в рассматриваемый период была проделана большая работа по упорядочению системы руководства политико-просветительной и библиотечной деятельностью. Особенностью было создание такого единого органа как Уралполитпросвет с библиотечным отделом в его структуре [26].

Централизация руководства сказалась положительно на формировании сети библиотек в преобразованных их губернии округах, способствовала выработке единой политической линии в деятельности библиотек и изб-читален, ликвидировала разобщенность в структуре сети библиотек различных округов. Библиотечный отдел разрабатывал вопросы руководства библиотечным делом на местах, улучшение состава книжных фондов, разработку основ методического руководства деятельностью библиотек и изб-читален, выработку методов пропаганды книги и библиотеки, качественное изменение состава библиотечных кадров.

Проблемы библиотечного строительства были в поле зрения Уралобкома РКП(б). Они неоднократно рассматривались на заседаниях его агитационно-пропагандистского отдела. Летом 1925 г. по вопросу о деятельности библиотечного отдела Уралполитпросвета АПО принял резолюцию, в которой констатировались достижения и недостатки в постановке библиотечного дела Уральской области, намечались перспективы его развития [27].

Итак, в первой половине 1920-х гг. происходили не только количественные, но качественные изменения в организации библиотечного обслуживания населения Урала. Была создана сеть библиотек и изб-читален, главной задачей которых было распространение книги среди широких масс населения, приобщение их к пользованию книгой с целью повышения политического, профессионального и культурного уровня.

ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 1600. Оп. 1. Д. 5. Л. 20-20 об.
2. ГАСО. Ф. 1600. Оп. 1. Л. 6. Л. 18.
3. Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. Р-363. Оп. 1. Д. 3. Л. 55.
4. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917-1920 гг.): Сборник документальных материалов. Свердловск, 1967. С. 308-309.

5. Государственный архив новейшей истории общественно-политических движений Пермского края (далее ГАНИОПД ПК). Ф. 557. Оп. 1 Д. 95. Л. 84.

6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 12. Д. 262. Л. 18.

7. ГАСО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 26. Л. 22 об.; 23-23 об.; 24 об.; 25 об.; 27.

8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 1616. Л. 5.

9. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 1280. Л. 7.

10. Советская правда. 1920. 3 апреля.

11. ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 9. Л. 15.

12. История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы, ноябрь 1920-1929. М., 1979. С. 18.

13. ГАНИОПД ПО. Ф. 557. Оп. 3. Д. 254. Л. 74.

14. Крупская Н.К. О библиотечном деле. Т. 1. С. 380-383.

15. ОГАЧО. Ф. П-77. Оп. 1. Д. 370. Л. 111.

16. ГАСО. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 212. Л. 1-2.

17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 250. Л. 109.

18. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 32. Л. 71.

19. ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 646. Л. 59.

20. Известия ЦК РКП(б). 1923. № 9-10. С. 91.

21. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 233. Л. 67.

22. ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 429. Л. 14.

23. См.: Первый библиотечный съезд РСФСР (с 1 по 7 июля 1924 г.): Материалы пленума и секций //Под ред. М.А.Смушковой. М., 1925. С.1-192.

ЛИТЕРАТУРА

24. Артамонова С.С. Библиотечное дело на Урале в 1917-1920 годах. Челябинск: Челяб. гос. ин-т искусства и культуры, 1993. 111 с.

25. Дергачева Л.Д., Дьячкова М.П., Зимина В.А., Красовицкая Т.Ю. История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы (1918-1920). М.: Книга, 1975.

26. Неподобная Г.А. Государственная политика в отношении историко-культурного наследия в 1921-1929 гг. (на материалах Урала): дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002.

27. Историческое краеведение Урала / под ред. Г.Е. Корнилова. Екатеринбург: УрГПУ. 2015.

УДК 94(470.5)"19"

ББК 63.3(235.55)6

ВАК 07.00.02

Скотникова Екатерина Алексеевна, аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВПО Уральского государственного педагогического университета, учитель истории и обществознания МОУ «СОШ пос. Уральский», г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, e-mail: ya.sarochka@yandex.ru.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА УРАЛЕ В 1920-Е ГГ.: ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье дается общий обзор процесса становления и развития общественных организаций в России и на Урале в 1920 гг., дается обоснование актуализации изучения истории общественных организаций на современном этапе развития Российского общества.

Ключевые слова: общественные организации, Урал, История России XX век.

Skotnikova Ekaterina Alekseevna, Master of social and economic education, graduate student of Russian history VPO Ural State Pedagogical University, teacher of history and social MOU "Secondary school Village. Ural ", Yekaterinburg, Pr. Kosmonavtov Str. 26, e-mail: ya.sarochka@yandex.ru.

ON THE HISTORY OF NGOS URAL 1920.

Annotation. The article provides an overview of the process of formation and development of civil society organizations in Russia and in the Urals in 1920.. It outlines the rationale for updating the study of the history of public organizations at the present stage of development of Russian society.

Keywords: Public organizations, Ural, Russian history of the XX century.

Во все времена в истории любой страны уровень развития общественных организаций служил «лакмусовой бумажкой» состояния общества, как в общегосударственном, так и в региональном масштабе. Не стала исключением и наша страна в

один из самых интересных и насыщенных периодов ее истории. Хотя, 1920-е гг. принято связывать с новой экономической политикой, следует заметить, что веянья нового курса просматривались не только в экономике, но во всех сферах жизни молодой советской республики. НЭП коснулся и хозяйственной, и культурной, и общественной жизни России. Это был по истине «золотой век» советской общественности. «Действительно, наличие в эти годы в стране огромного числа активно действующих общественных объединений с собственными устремлениями, кругом участников и приемами работы в значительной степени определило характер этой переходной эпохи, стало своего рода нэпом в социальной сфере. В дальнейшем советское общество не знало подобного взлета социального творчества» [5].

На сегодняшний момент российское общество также как в рассматриваемые нами 1920-е находится на этапе становления. Тем более интересным и актуальным становится изучение истории и принципов работы и сотрудничества негосударственных общественных организаций прошлого века. Становление гражданского общества, поиск все новых и новых путей взаимодействия общества и государства, вот на что направлено изучение традиций деятельности общественных организаций. И именно привлечение опыта прошлых лет должно помочь найти пути решения общественных и идеологических проблем, с которыми наша страна сталкивается на сегодняшний день. 1920-е гг. как уже отмечалось выше, были весьма насыщенными с точки зрения возникновения и работы общественных организаций. Это был период, когда молодое советское общество с юношеским максимализмом – присущим любому молодому организму – начало процесс своего становления и развития. Никогда после за весь период советской истории общественные организации не были столь разнообразны по форме и содержанию.

Теперь обратимся к самому термину «общественные организации» и к его становлению. На сегодняшний момент под общественной организацией понимают: «основанное на членстве общественное объединение, созданное на основе

совместной деятельности для защиты общих интересов и достижения уставных целей объединившихся граждан»[12, С. 87]. Исследователи современного общества на основе существующего законодательства предоставляют достаточно четкую структуру и классификацию общественных организаций. В начале становления советских институтов дела обставили по-другому. В советское время термин «общественные организации» использовался в очень широком смысле и в свою очередь применялся к объединениям самого разного масштаба, характера и направления деятельности. В документах 1920-х гг. можно встретить различные термины для обозначения гражданских объединений. В самых первых декретах ВЦИК и СНК РСФСР речь шла об «обществах» и «союзах»[1]. Наряду с ними одновременно использовались названия: «вольные кружки», «массовые организации», «добровольные общества» и другие.

В 1922 г. появилось выражение «общества и союзы, не преследующие целей извлечения прибыли», фактически заимствованное из «Временных Правил об обществах и союзах» 1906 г. Впервые оно было употреблено в соответствующем постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих целей извлечения прибыли, и о порядке надзора за ними»[5]. В одной из многочисленных редакций инструкции ВЦИК по этому постановлению промелькнуло и другое выражение – «общественные организации», однако тогда оно не было принято.

Тем не менее, термин «общественные организации» в 1920-е гг. существовал. Как показывают документы, на практике он воспринимался как идентичный официальному названию, а в силу своей краткости быстро и широко распространился.

В тот период существовало разделение на организации, ставящие какие-либо хозяйственные цели и не ставящие таковых. В феврале 1923 г. Народный комиссариат юстиции в ответ на запрос Главного управления по делам кустарной промышленности ВСНХ сообщал: «под «общественными» организациями законодатель имеет в виду организации, которые

в отличие от других частных, т.е. негосударственных, учреждений, не преследуют цели извлечения прибыли для своих членов, а преследуют общественные цели», и в этом смысле, пояснял наркомат, кооперативные объединения не являются общественными организациями, так как учреждаются для удовлетворения экономических потребностей своих членов [6].

Как пишет И.Н. Ильина: «За период с 1921 по 1929 г. в стране возникли и действовали тысячи разных общественных объединений. Сохранились многие из прежних, еще дореволюционных организаций – научные, творческие, культурно-просветительные организации, общества помощи и взаимопомощи. Появились и совершенно новые – в области изобретательства, техники, научной организации труда, новых видов творчества, популяризации знаний. Возникло большое число национальных организаций – общества ассирийцев, бессарабцев, евреев, поляков, немцев, китайцев, корейцев, татов. Действовали такие общественно-политические объединения, как Коммунистический Союз молодежи, Пионерская организация детей и юношества, профессиональные союзы. Возник новый вид организаций – массовые общественные организации. Среди них наиболее известны Общество «Долой неграмотность», Союз воинствующих безбожников, общества шефства города над деревней, многочисленные общества «друзей» – Общество друзей радио, Общество друзей советского кино, Общество друзей воздушного флота, «Друг детей», а также оборонно-спортивные общества. На территории страны работали и международные организации – Коммунистический Интернационал молодежи (КИМ), Международная организация помощи борцам революции (МОПР), Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС), Советско-германское общество «Культура и техника», Международная рабочая помощь (МЕЖРАБОП), Спортивный Интернационал (СПОРТИНТЕРН), Всемирное объединение коллекционеров «Филателистический Интернационал» (ФИЛИНТЕРН) и многие другие» [5].

Не стал исключением и Уральский регион. В рассматриваемые годы, на территории Урала действовало, как и

по всей стране, огромное количество общественных организаций самой разной направленности: от краеведческого объединения (знаменитое УОЛЕ), до общества любителей языка эсперанто[8]. К примеру, в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) находятся материалы работы более 20 организаций, образовавшихся в период с 1920 по 1929 гг. [7]. Из анализа рассмотренных документов напрашивается вывод, что на Урале с одинаково большим энтузиазмом «помогали мировой революции», собирали марки и боролись с неграмотностью и религиозными предрассудками. Так, одним из первых в стране Общество безбожников появилось именно на Урале (в Нижнем Тагиле в 1923 г.) [9, с. 18], которое в течение многих лет будет стоять во главе борьбы с религией, но в 1930-е годы разделит судьбу многих зародившихся в период социального нэпа общественных объединений: встанет под крыло партии, подвергнется идеологическому давлению и репрессиям и в конечном счете сойдет на нет.

Изначально организация носила подчеркнуто общественный характер. По принятому уставу Союз безбожников представлял из себя «добровольный союз противников всех религий» [11, с. 3], который «под знаменем воинствующего безбожия ведет активную (деятельную) борьбу за полное раскрепощение трудящихся от религиозного дурмана, вскрывая социальные корни религии» [11, с. 4].

СБ получил статус юридического лица: мог владеть имуществом, заключать договора, получать ссуды. Имел печать, штамп и единое знамя со своей эмблемой[3]. Официально главным источником финансирования СБ были членские взносы, но в период активизации антирелигиозных действий получал и финансовую поддержку государства.

Повсеместно возникали низовые организации СБ (областные и окружные конференции Союза безбожников). Нулевой единицей организации была ячейка, руководимая выборным бюро. Членом союза мог быть каждый гражданин страны (до 18 лет – с правом совещательного голоса), пользовавшийся избирательными правами, открыто порвавший

с религией, верой в бога, активно работавший в ячейке СБ [10, с.46].

К ноябрю 1925 г. можно говорить о сформировавшейся структуре СБ на территории Урала. В циркулярах обкома, направлявшихся в окружкомы и агитпропотдел, ставка в антирелигиозной работе делалась на областные и окружные организации СБ. Дальнейшее формирование и укрепление ячеек безбожников предписывалось всячески поддерживать.

Существовал ряд трудностей, связанных с организацией деятельности СБ на местах. В первую очередь, они были связаны с финансовыми и кадровыми вопросами в развитии организации. Возникновение проблем такого рода во многом было связано с общественным, негосударственным характером СБ. Еще при создании Союза безбожников подразумевалось, что он станет формально независимой от партии и государства организацией, за деятельность которой власти не будут нести никакой ответственности. Такой характер Союза одновременно до минимума ограничивал возможности его государственной финансовой поддержки: дотировалось лишь издание газеты «Безбожник». Предполагалось, что средства на свое развитие общество будет изыскивать самостоятельно. Они должны были поступать в виде членских взносов, от продажи билетов на платные мероприятия, в порядке дружеской помощи от других общественных организаций. Кроме того, при общей тогдашней скудости государственных средств, власти были бы ограничены в своих возможностях поддержки безбожников [10, с. 27].

С подобными трудностями сталкивались и другие общественные организации региона, нехватка финансовых средств, невозможность или недостаточность финансирования со стороны государства привели к тому, что организации функционировали на одном лишь энтузиазме: членские взносы были мизерными, их не хватало для работы. В последующем же, с ужесточением идеологической составляющей в рамках очередного витка борьбы с «контрреволюцией» и «происками пособников капитализма», закручивание гаек в налоговом и административном законодательстве привели к тому, что многие организации оказались несостоятельными и неугодными

влястям. Эсперантистов, к примеру, объявили шпионами, а сам язык эсперанто – «шпионским языком» для выдачи секретной информации врагу [8].

Есть также и определенные отличия Уральского региона от общегосударственной периодизации функционирования общественных организаций. Далеко не все организации функционировали успешно на Урале в указанный период. Обратимся также к Союзу безбожников. В общесоюзном масштабе декларируется подъем и увеличение численности организации в 1926 – 1928 гг. Тогда как архивные документы, относящиеся к деятельности Уральского отделения СБ, говорят о глубоком кризисе безбожников на Урале [2]. К концу 1926 г. намечился упадок в работе и развал ячеек. Значительное число ячеек носило «бумажный» характер и никакой работы, включая организационную, просто не проводило. В стенограмме о состоянии антирелигиозной пропаганды по области отмечено: «... Обком констатирует значительное ослабление в ряде округов (Златоуст, Н. Тагил, Троицкий, В[ерхне-]Камск) полный развал антирелигиозной работы. Парткомы до последнего времени руководству антирелигиозной пропаганды и деятельности общества СБ уделяли недостаточно внимания, ... чрезвычайно тормозит работу СБ полное отсутствие средств у союза...» [1]. Крайне неблагоприятная ситуация наблюдалась в Шадринске, Кунгуре и Челябинске, где работа не велась совсем. Неудовлетворительная работа Союза безбожников на местах привела к тому, что 8 февраля 1927 г. секретариат обкома, «исходя из невозможности созыва облконференции СБ и организации облсовета, в соответствии с решениями весеннего совещания по антирелигиозной пропаганде при ЦК» признал нужным ликвидацию облсовета СБ [2].

Таким образом, можно отметить, что уже в первой половине 1920-х гг. в стране сложилась уникальная по количественному и видовому многообразию, по масштабам деятельности система общественных организаций. Однако, возникшая на либеральной волне нэпа, она разделила судьбу многих демократических начинаний этого времени и была свернута к концу 1920-х гг. Общественность страны и ее институты действовали в условиях

все нараставшего политического и идеологического давления, отсутствия гражданского общества и правового государства, оказались под влиянием негативных общественно-политических процессов, набравших силу в эти годы и определивших, по существу, всю нашу последующую историю.

ИСТОЧНИКИ

1. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 403. Л. 24-25.
2. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 444. Л. 36.

ЛИТЕРАТУРА

3. Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [электронный ресурс]/ URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_181.htm
4. Булавин М.В. Условия деятельности Союза воинствующих безбожников на Среднем Урале в 1925 – 1935 годах // Вестник ЧелГУ. №24. Челябинск, 2008.
5. Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920 е годы. Москва, 2000. [электронный ресурс]/URL: <http://www.arran.ru/?q=ru/i3>
6. Карп Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929 гг. М.: "Интер – Версо, 1990. 208 с.
7. Краткий справочник по фондам ГАСО [электронный ресурс]/URL: <http://gaso-ural.ru/nsa/spravochnik/otdel-3/obschestvennye-org>
8. Лукянин В.П. «Благая весть» не находит адресата /Esperanto en Rusio. История эсперанто в России и Советском Союзе. Биографии репрессированных эсперантистов, архивные материалы. [электронный ресурс]/URL : <http://historio.ru/lukjanin.php>
9. Музафарова, Н. И. Партийное руководство атеистическим воспитанием трудящихся на Урале в годы социалистического строительства (1917— 1937). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 192 с.
10. Покровская С.В. Союз воинствующих безбожников СССР: организация и деятельность (1925 – 1947): автореф. дис. ... к. и. н. М., 2007. 38 с.
11. Устав Союза безбожников Свердловск: Издание «Союза безбожников», 1929.
12. Чулюкова С.А. Общественные организации (объединения) и их роль в становлении гражданского общества, М.Издательский дом Академии Естествознания, 2012. 282 с.

УДК 94(470.5).084.3

ББК ТЗ(235.55)5

Кузьмина Анна Павловна, кандидат исторических наук,
Министерство социальной политики Свердловской области, ведущий
специалист отдела стратегического развития и информационного
обеспечения, 620094, г. Екатеринбург, ул. Большакова, 105; e-mail:
annakyzm@yandex.ru

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА СЕЛЬСКОЙ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ НА УРАЛЕ В 1920 – 1930-Е ГГ.

Аннотация. В статье анализируется процесс становления сельской электрификации на Урале, являющейся составной частью аграрного перехода. Автор полагает, что успех выполнения программы по электрификации деревни зависел от решения двух основополагающих вопросов: поиск и пополнение резерва рабочей силы и становление системы подготовки технических специалистов. Обеспеченность квалифицированными кадрами наложила отпечаток на низкие темпы сельской электрификации Урала в 1920-1930-е гг.

Ключевые слова: электрификация, сельская электрификация, кадры.

Kuzmina Anna Pavlovna, Candidate of History, the Ministry of Social Policy of the Sverdlovsk region, the main expert of the department of strategic development and information systems, 620094, Yekaterinburg, Bolshakova street, 105

STAFFING OF RURAL ELECTRIFICATION IN THE URALS IN 1920 - 1930-IES

Abstract. The process of rural electrification in the Urals began with the adoption of the plan electrification in 1920. The success of the program for the electrification of the village, the construction of large and small power plants are highly dependent on the solution of two fundamental issues: the constant search and replenish the labor pool and improve the training technicians. Degree qualified personnel to ensure, of course, affects the slow pace of rural electrification in the Urals, 1920 - 1930-ies. The quantity and quality of education at the factory colleges, specialized courses and apprenticeships by Brigadier staff in 1920 - 1930-ies. It was not enough for the organization of a broad process of rural electrification in the Urals.

Keywords: Electrification, rural electrification, frames

Электрификация – основа технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства. Внедрение электричества – один из важнейших факторов коренных социально-экономических, технических и культурных преобразований в области сельского хозяйства. Сельская электрификация, по определению Г.Е. Корнилова, была составной частью аграрной модернизации [8, с.8; 9, с. 212].

Строительство сельских электростанций в России и на Урале началось после принятия плана ГОЭЛРО в 1920 г. Особое внимание в плане уделялось вопросам электрификации сельского хозяйства, кустарной и мелкой промышленности, подчёркивалась необходимость использования электроэнергии на восстановление и развитие хозяйства как страны в целом, так и Уральского региона в частности.

Электрификация страны потребовала большого количества квалифицированных кадров, от подготовки которых напрямую зависела его реализация. Первое, что предприняла власть, была широкая пропаганда идей электрификации. Изучение плана было введено во всех без исключения учебных заведениях страны, каждая электростанция и каждый завод стали центром ознакомления с электричеством и преподавания необходимых знаний для его понимания [6, с. 195-196]. Под руководством профессора М.А. Шателена уже в 1921 – 1922 гг. студенты и художники были оформлены десять красочных плакатов с иллюстрациями широких возможностей применения электрической энергии в сельском хозяйстве. Эта работа завершилась опубликованием Главполитпросветом указанной серии плакатов и приложенной к ним брошюры, содержавшей материал для лекторов и пропагандистов. Эта брошюра явилась одной из первых публикаций на темы электрификации сельского хозяйства и в целом внесла большой вклад в пропаганду планов и решений советского руководства по электрификации [7, с. 16].

Успех выполнения программы по электрификации деревни, строительству крупных и мелких электростанций, в высокой степени зависел от решения двух основополагающих вопросов:

постоянного поиска и пополнения резерва рабочей силы, создания и совершенствования системы подготовки технических специалистов.

Немаловажную роль в осуществлении электрификации в начале XX в. сыграли акционерные общества. Наиболее активным обществом на Урале, возглавившим в стране работу по электрификации деревни, стала специальная контора по электрификации сельского хозяйства «Электросельстрой», образованная в 1922 г. при Народном комиссариате земледелия РСФСР [3. Л. 25]. Это общество нанимало на работу уже обученных электромонтёров для строительства электростанций на селе. Они возводили первые малые ГЭС на реках Урала. К строительству электростанций привлекались крестьяне, перестраивавшие бывшие мельничные плотины. С увеличением масштабов и трудоёмкости строительных работ в 1920-е гг. широко использовались на Урале трудовые армии, а позднее на их основе - государственные рабочие артели [1. Л. 4].

При рассмотрении вопросов о регулировании кредитов и строительстве сельских электростанций на заседании секции энергетики и топлива Уралоблисполкома 14 февраля 1924 г. было решено утвердить должность областного электрика, в обязанности которого вошло наблюдение за соблюдением правил и норм сооружений и эксплуатации сельских электроустановок и контроль расходования кредитных средств [2. Л. 131]. В обязанности областного электрика входили: разработка плана мелких и средних электростанций в Уральской области и увязки его с планом ГОЭЛРО; руководство и контроль работой округов в проведении электрификации. Помимо этого, областной электрик оказывал сельским электростроителям помощь в выборе места для строительства электростанций, в расчётах стоимости постройки и эксплуатации и других вопросов финансирования. Областной электрик руководствовался в своей деятельности планом электрификации области, утверждённым Уралоблисполкомом.

Особенностью сельской электрификации 1920-х гг. было то, что электрификация проводилась стихийно, по инициативе отдельных кооперативных товариществ и сельских обществ, без

строго продуманных технических и финансовых проектов. Работы по электрификации выполнялись без должного технического надзора, с грубыми нарушениями элементарных правил безопасности, что часто приводило к несчастным случаям и пожарам. В результате такой кустарной работы почти одна треть всех сельских предприятий просуществовала менее года [3, Л. 1].

К 1926 г. в Уральской области было сооружено 90 сельских станций. Из 61 действовавшей электростанции 48 находились при сельских промышленных предприятиях (главным образом при мельницах), 13 – существовали самостоятельно, одна треть – не работали. Общее количество электрифицированных на Урале к 1926 г. крестьянских дворов составляло 10770 (в том числе в Свердловском округе 6209), число присоединённых ламп – 16200, общая мощность электростанций – 970 кВт.

Средняя мощность электростанций оставалась низкой, электроэнергия не применялась в сельскохозяйственном производстве, а использовались в основном как замена механической тяги при кустарной переработке сельскохозяйственного сырья и для освещения помещений. Использование электростанций только для подобных целей являлось убыточным.

Все электростанции находились в ведении различных объединений: артелей, кооперативных и кредитных товариществ, сельсоветов, районных исполнительных комитетов и прочих организаций. Частновладельческих электростанций в Уральской области не было. Общее число занятых на станциях электромонтёров составляло около 230 человек [5, с. 102].

Начиная с конца 1920-х гг., электроэнергетика вместе со всем народным хозяйством развивается на плановой основе. Для контроля над сельской электрификацией, «протекающей без надлежащего руководства», ВСНХ было поручено организовать специальное бюро по сельской электрификации, разработать её чёткий перспективный план и обеспечить сельскую электрификацию квалифицированным техническим персоналом [6, с. 590].

В 1930 г., когда в деревне значительно увеличилась потребность в электроэнергии, в стране были созданы более крупные, чем раньше, специальные организации по электрификации колхозов, совхозов, МТС, МТМ и ремонтных заводов. В Наркомате земледелия СССР была образована центральная организация по развитию сельской электрификации – «Главсельэлектро».

Электрификация сельского хозяйства проводилась исключительно в обобщественном секторе сельского хозяйства. В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 13 января 1930 г. «Об установлении единой системы индустриально-технического образования» по всей стране была создана достаточно широкая сеть учебных заведений - в первую очередь фабрично-заводских училищ. ФЗУ участвовали в подготовке квалифицированных кадров, в том числе и для электрификации сельского хозяйства.

В новом сельском электростроительстве 1930-х гг. особое внимание обращалось на утилизацию водной энергии, использование местного топлива и отходов от переработки местного сельскохозяйственного сырья на предприятиях данного района и по возможности прекращения строительства установок на дальнепривозном топливе, особенно нефти. В основу осуществления плана электрификации была положена рентабельность от развития сельского хозяйства на базе электрификации.

Расширение производственной программы сельских электростанций потребовало значительного увеличения кадрового состава сельских электростроителей [4. Л. 2]. Основные обязанности по электростроительству и подготовке кадров возлагались на областные конторы «Сельэлектро» [4. Л. 19].

Категорическим предписанием правительства к октябрю 1931 г. Уральская контора «Сельэлектро» должна была развернуть в регионе электросельхозучебу (ЭСХУ) на 360 человек учащихся [4. Л. 19]. Огромный размах промышленного строительства, который привлек большое количество молодёжи во всех районах Урала, отсутствие выделенных средств и

материальных фондов, низкая оплата преподавателей, а также выделенного здания под занятия, значительно усложняло организацию процесса обучения. В июле 1931 г. Уральской конторе «Сельэлектро» удалось найти необходимые для обучения помещения в двух районах: Оханском и Осинском районе, где и была организована учеба по 360 учеников. Однако, в конце июля правительство отказалось от проведения данной обучающей программы и удалось организовать только одну школу в Оханском районе на 160 учеников [4. Л. 20].

В сентябре 1931 г. Уральской конторой Электросельстроя были проведены трёхмесячные курсы на повышение квалификации электромонтеров, все окончившие ученики были распределены по стройкам сельских электростанций бригадами. Однако, к концу 1931 г. большая часть квалифицированных кадров уволилась из-за нехватки материалов и оборудования для строительства. и перейти на работу на промышленные предприятия.

По данным табл. 1 можно проследить движение штата Уральской конторы Сельэлектро и утечку кадров за 1931 – 1932 гг.

Таблица 1

**Численность работников Уральской конторы
«Сельэлектро» в 1931 – 1932 гг.***

Наименование должности	Состояло в штате	
	На 01.01.1931 г.	На 01.01.1932 г.
Управляющий	1	1
Ст. инженер	1	1
Инженер	4	4
Техник	7	6
Чертежник	2	2
Экономист	1	1
Юрисконсульт	1	1
Зав. снабжением	1	1
Зав. складом	-	1
Кладовщик	1	-
Товаровед	-	2
Управделами	-	1

Работник канцелярии	5	3
Бухгалтер	3	1
Счетовод	3	6
Машинописец	1	-
Мл. обслуживающий персонал	1	1
Бригадир	25	15
Электромонтер	110	59
Ученик	200	110
Всего	367	216

* Составлено по: 4. Л. 20 – 21.

Таким образом, всего за один год почти вдвое сократилось количество специалистов Уральской конторы «Сельэлектро» и почти вдвое уменьшилось количество учеников. Многие стройки сельской электрификации в этот период были заброшены из-за острой нехватки оборудования и кадров.

Обучение продолжалось в другой форме. «Сельэлектро» при строительстве сельских электростанций использовали метод бригадного ученичества. К каждой бригаде из 4 – 6 специалистов прикреплялись 6 – 8 учеников. Таким методом уже в первом квартале 1931 г. частично удалось обеспечить потребность в монтерских и строительных кадрах [4. Л. 2].

Однако и этот метод позволил решить проблему кадров сельской электрификации частично. Зачастую, в колхозах, для работников не были созданы условия нормального производства работ. Бригады «Сельэлектро» нередко размещались в 6 – 7 км от места строительства. Зачастую они не имели подсобных сооружений: мостков, лестниц, стремянок. Груз и строительные материалы нередко находились в десятках километров от строительства, что вынуждало бригады «Сельэлектро» собственными силами разыскивать и вывозить оборудование, а это задерживало производство работ [4. Л. 2]. Кроме строительных работ повсеместно задерживалось обследование и проектирование сельских электростанций из-за острой нехватки геодезистов и инженеров-проектировщиков [4. Л. 3].

В 1930-е гг. нередко специалисты «Сельэлектро» при проведении строительства не имели собственного жилья и вынуждены были размещаться прямо в конторах «Сельэлектро». К тому же постоянно происходила задержка заработной платы [12. Л. 20 – 24]. Все эти и другие трудности были причиной перехода работников в промышленные предприятия.

В конце 1930-х гг. сельское электростроительство оказалось в кризисном состоянии. Из-за отсутствия квалифицированных кадров уровень эксплуатации существовавших электростанций был низким. В период сталинских репрессий, подобные обстоятельства власти неоднократно объясняли происками «врагов народа». Руководству Оханского района было предъявлено обвинение в попытке «заморозить» строительство Дубровской и Горнолуговой электростанций и присвоить выделенные на Горюхалинскую ГЭС бюджетные деньги. Выявленным «вредителям» было предъявлено обвинение в подрыве политики советской электрификации и вынесены большие сроки заключения – до двадцати лет [4. Л. 27].

Сложности в процессе электрификации добавляли и грубые технические ошибки, которые были связаны с низкой квалификацией персонала. Ошибки, стоившие больших средств и времени, допускали проектировщики, строители электростанций, а также их эксплуатационники. Шваревская ГЭС Ворошиловского района в первую же весну после ввода в эксплуатацию была смыта весенним паводком. Она была построена в недопустимом месте и без особой надобности, так как электрификация колхозов данного района возможна была от Соликамской ТЭЦ этого же района. Сотни тысяч рублей были потрачены на строительство Бикбардинской, Вашутинской, Шаквинской, Голендухинской, Ключевской гидростанций, однако, по вине инженеров «Сельэлектро» эти станции в течение года работали с неполной нагрузкой, а электрические линии до колхозов в большинстве своём не были проведены. Шаквинскую электростанцию строили одиннадцать колхозов, а электроэнергию от неё получили только два. Голендухинская станция имела проектную мощность в 80 кВт, а давала лишь 12 кВт. Эти электростанции строили инженеры «Сельэлектро».

Практики строительства гидростанций к этому времени они не имели и установили на электростанциях турбины типа «Банки», которые при слабом напоре воды не могли дать и 1/5 доли своей мощности [Колхозный путь. 1937. 14 августа]. Газеты в эти годы пестрили различного рода жалобами и обличительными статьями в отношении качества строительства и эксплуатации сельских электростанций [Колхозный путь. 1934. 15 ноября; 1937. 10 июня; 1937. 14 августа; 1937. 8 октября; 18. 1940. 21 декабря].

Степень обеспечения квалифицированными кадрами, безусловно, накладывала отпечаток на низкие темпы сельской электрификации Урала в 1920 – 1930-е гг. Электричество на селе использовалось в основном для освещения. Несомненно, это имело огромное положительное влияние на культуру и быт деревни. Однако, несмотря на эффект, получаемый от освещения деревни, от строительства станций, имевших только осветительную нагрузку, приходилось отказываться из-за их убыточности.

Количество и качество обученных в фабрично-заводских училищах, на специализированных курсах и методом бригадного ученичества кадров в 1920 – 1930-е гг. было недостаточным для организации широкого процесса сельской электрификации на Урале. Таким образом, решить проблему кадров для сельской электрификации в довоенный период не удалось, поскольку она не считалась первостепенной.

ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 241. Оп. 1. Д. 1029.
2. ГАСО. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1033. Л. 131
3. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 478. Оп. 5. Д. 1201. Л. 25
4. РГАЭ. Ф. 8375. Оп. 1. Д. 154.
5. Олышванг А. Сельское строительство на Урале // Хозяйство Урала. 1926. № 19. С. 102-106.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. 1917 – 1928 гг. М., 1967. 308 с.

ЛИТЕРАТУРА

7. Богдашкин П.И. Электрификация сельского хозяйства СССР. М.: Сельхозгиз, 1960. 280 с.

8. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX веке: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2.

9. Корнилов Г.Е. Модернизация аграрной сферы России в XX веке: региональное измерение // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. Вып. 6. М., 2011. С. 210-228.

УДК 63(470.5) (09)

ББК 49(2) 32:49(2 р 36)

ГСНТИ 03.23.55

Филатов Владимир Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»; 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38; e-mail v.philatov@mail.ru

ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ХОЗЯЙСТВАХ НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ

Аннотация. В статье проанализирована деятельность государственных хозяйств Уральского региона в производстве сельскохозяйственной продукции в 1930-1933 гг. Выявлены вклад данных хозяйств в развитие земледелия и животноводства, непроизводительные потери.

Ключевые слова: государственные хозяйства, совхозы, Уральский регион, сельскохозяйственная продукция, 1930-е годы.

Filatov Vladimir Viktorovich, doctor of historical Sciences, Professor, Professor of chair of history of Russia Magnitogorsk state technical University. G. I. Nosov, Magnitogorsk, Russia.

THE PERFORMANCE OF STATE FARMS FOR AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE URALS IN THE EARLY 1930-IES

Abstract. The article analyzes the activity of state farms of the Urals region in agricultural production in 1930-1933, was Revealed the contribution of these farms to the development of agriculture and livestock, waste.

Keywords: state farms, sovkhoz, Ural region, agricultural products, 1930s.

Тема исследования выбрана не случайно. Научный интерес представляет начальный период становления совхозного производства. В то время, когда в массовом масштабе стали создаваться колхозы, советские хозяйства также получали развитие. Государство вкладывало немалые средства в создание новых видов хозяйств, способных осуществить в сельском хозяйстве подъем производства на социалистических принципах хозяйствования. Поэтому важно изучить реальные результаты деятельности подобных типов хозяйств в аграрном секторе экономики. Хотя по поводу производственной деятельности совхозов в СССР в советский период опубликованы труды известных ученых-аграрников, но явно недостаточно исследований, посвященных данной проблеме по отдельным регионам, в том числе и Уральскому [10; 11; 14]. Проблема рассматривается в рамках концепции аграрного перехода, предложенной Г.Е. Корниловым [13, с.4-14].

Статья не ограничивается изучением лишь советских хозяйств. Поскольку помимо совхозов в сельском хозяйстве действовали и иные государственные хозяйства, то автор счел необходимым проанализировать и их деятельность. Становление государственных хозяйств началось во второй половине 1920-х гг. Это были, прежде всего, трестированные совхозы, кооперативные хозяйства, отделы рабочего снабжения (ОРСы), различного вида подсобные сельскохозяйственные предприятия. В отличие от других хозяйств государственные хозяйства представляли собой, как правило, мощные производственные единицы и предназначались только для обеспечения государственных потребностей в сельскохозяйственной продукции. Именно в этих хозяйствах быстрее внедрялась новая техника и современные технологии:

весь производственный цикл строился таким же образом, как и на промышленном предприятии.

С 1929 по 1932 г. количество совхозов только в Уральской области увеличилось с 52 до 277. В 1932 г. на их долю приходилось 759 тыс. га посевных площадей (свыше десятой части всех посевов). Они имели 3523 трактора (более половины находившихся в сельском хозяйстве), 1255 комбайнов и 461 грузовой автомобиль [12, с. 131].

За первую пятилетку капитальные вложения в совхозное производство СССР возросли в десятки раз. Так, вложения в основные средства производства увеличились за данный период с 90,9 млн руб. до 1,4 млрд. руб. (в 15,8 раза). [20, с. 33, 41].

В то же время государственные хозяйства в своем большинстве являлись убыточными. Поэтому правительственным постановлением (август 1930 г.) были внесены изменения в финансирование сельского хозяйства. К безвозвратным ассигнованиям стали относить ассигнования на финансирование государственных сельхозпредприятий [2].

На финансирование совхозов в Уральской области в 1931 г. выделялось 137,9 млн руб., оборотных средств – 55,6 млн руб., в том числе на организацию территории – 15,9 млн руб., на энергетику – 13,1 млн руб., на мертвый инвентарь – 14,2 млн руб., на обслуживание – 1,1 млн руб., на растениеводство – 4,5 млн руб., на животноводство – 2,5 млн руб., на постройки – 0,6 млн руб. [21, с. 404].

В сельское хозяйство Уральской области было направлено в 1933 г. 136,6 млн руб. вместо 145,8 млн руб. в 1932 г. В 1933 г. совхозы получили 43,3 млн руб., МТС – 42,3 млн руб., колхозы – 32,5 млн руб., коопхозы – 11,5 млн руб. На приобретение техники, сельхозорудий и тракторов выделили 29,6 млн руб., на электрификацию – 2,7 млн руб., на строительство ремонтных мастерских и общехозяйственных построек – 7 млн руб., в том числе совхозам – 1,2 млн руб., МТС – 4,6 млн руб., коопхозам и колхозам – по 0,2 млн руб. соответственно [20, с. 52]. В Башкирии капиталовложения в совхозы в 1929 г. составляли 1,8 млн руб., в 1930 г. – 2,7 млн руб., в 1931 г. – 29,5 млн руб. и в 1932 г. – 24 млн руб. [1, с. 56].

Проведенный анализ производственного кредитования уральской деревни в начале 1930-х гг. показал, что ссуды в основном выдавались колхозно-совхозным хозяйственным структурам. Коллективные и советские хозяйства, получая с каждым годом все увеличивавшиеся кредиты, не всегда могли эффективно ими распорядиться. Отмечалась постоянная задолженность по кредитам. Маломощные социалистические хозяйства не могли своевременно рассчитаться за полученные ссуды [17].

Какова же была отдача от финансирования совхозов и других государственных хозяйств? Урожайность зернобобовых культур в государственных хозяйствах в 1930 г. в Уральской области составляла всего 6,1 ц с га и была ниже, чем в колхозах (8,6 ц с га) и в индивидуальных хозяйствах (8,8 ц с га). В Башкирии по сравнению с Уральской областью урожайность этой культуры в госхозах была выше на 1 ц, а в колхозах доходила до 9,7 ц с га. Если сопоставить данные сведения по урожайности в государственных хозяйствах с Вотской областью, то окажется, что здесь урожайность достигла 10 ц с га, что по тем временам было большим достижением, тем более в колхозах данной автономии урожайность находилась на уровне 8 ц с га, а в индивидуальных хозяйствах – 7,6 ц с га. В том году госхозы РСФСР дали зерновых 7,8 ц с га и в СССР – 9,3 ц с га. Таким образом, уральские показатели, кроме Вотской области, не дотягивали до средних по СССР.

Катастрофическим для государственных хозяйств оказался следующий год. Средняя урожайность зернобобовых в госхозах Уральской области находилась на уровне 1 ц с га. Но в то же время в Вотской области смогли собрать 13 ц с га. По сравнению с государственными хозяйствами невысокая урожайность наблюдалась и в колхозах Уральской области (2,5 ц с га), в индивидуальных хозяйствах (4,2 ц с га). Показатели урожайности в госхозах Вотской области вызывают сомнения, поскольку в колхозах этой области она составляла 8,5 ц, а в крестьянских хозяйствах – 7,9 ц с га.

В 1932 г. урожайность зерновых в госхозах Уральской области несколько возросла и составила 6,2 ц с га, а в Башкирии

– 5,7 ц с га, тогда как в колхозах – 5,6 и 5,8 ц с га, в индивидуальных хозяйствах – 6,7 и 6,1 ц с га соответственно. В среднем по РСФСР положение с урожайностью зернобобовых в государственных хозяйствах было лучше (7,5 ц с га).

В 1933 г. в госхозах Уральской области и Башкирии урожайность значительно не отличалась – 7 и 6,9 ц с га. Однако башкирские колхозы получили более высокую урожайность, нежели в Уральской области – 8,7 и 7,1 ц с га. Средние показатели по урожайности в Советском Союзе в государственных хозяйствах уступали уральским (5,5 ц с га). Следует иметь в виду, что начало 1930-х гг. совпало с чередой природных катаклизмов, приведших к существенным потерям урожайности. К этому добавились последствия социалистического переустройства сельского хозяйства.

Урожайность, естественно, сказалась на валовых сборах зерновых. В 1930 г. валовые сборы зерновых в госхозах Уральской области еще не превышали башкирские – 639,3 тыс. и 640,2 тыс. ц соответственно. Если в Уральской области их удельный вес в общем сборе составлял 1,4%, то в Башкирии – 2,7%. В среднем в СССР и РСФСР результаты были несколько выше (3,1%). Большая часть всего валового сбора зерновых пока приходилась на индивидуальные крестьянские подворья. В Уральской области она составляла 66,3% и в Башкирии – 78,5%.

Но постепенно доля государственных хозяйств среди других хозяйств возрастала. В следующем году в Уральской области она достигла 4,9% и в Башкирии – 3,5%. Однако эти показатели уступали союзным сведениям (6,8%). Причем в Башкирии наблюдался спад почти на треть (435 тыс. ц), а в Уральской области, напротив, был рост более чем на треть (838 тыс. ц).

В 1932 г. удельный вес госхозов Уральской области в общем объеме сбора зерновых поднялся до 12,5%, а в Башкирии – до 9,1%. Показатели Башкирии были близки к средним данным по стране (9,5%). Государственные хозяйства Уральской области в том году вышли на уровень 4453,8 тыс. ц, что в 2,7 раза превышало сведения Башкирии (1633,8 тыс. ц). Следующий год дал снижение доли госхозного производства в общих итогах сбора зернобобовых культур: в Уральской области до 10,5%, а в

Башкирии – до 6%. При этом показатели Уральской области незначительно превысили данные прошлого года (4457 тыс. ц), а в Башкирии уменьшились существенно – на 153,8 тыс. ц. В том году за счет снижения доли в общих сборах зерновых в госхозах произошло увеличение сбора в колхозах: в Уральской области до 83,1% и в Башкирии – до 74,4%. [19, с. 224, 225, 248-250; 10].

Происходили изменения и в животноводческой отрасли. В начале 1930-х гг. доля животноводческих государственных хозяйств в общей численности скота на Урале была невелика. В 1930 г. их удельный вес по наличию лошадей в Уральской области исчислялся 1,7%, в Башкирии – 1%, а в Вотской автономной области и того меньше – 0,1%, при средних показателях по РСФСР 1,6%. Данные Уральской области оказались ближе к среднероссийским сведениям. Тогда лошади в основном находились в крестьянских хозяйствах: в Уральской области они составляли 75% от всего стада, в Башкирии – 80,9% и в Вотской области – 85,9%. В связи с этим количество лошадей в госхозах было незначительным: в Уральской области 28,9 тыс. голов, в Башкирии – 7,6 тыс., а в Вотской области – всего 0,2 тыс. голов.

Подобное положение было и с крупным рогатым скотом (КРС) на начальном этапе становления государственных хозяйств. Доля этого вида скота в госхозах от всех категорий хозяйств составляла в тот год немного: в Уральской области 1,3%, в Башкирии – 0,3%, а в Вотской области – всего 0,1%. В количественном выражении это составляло 32,4 тыс. голов; 3,3 тыс.; и 0,3 тыс. голов соответственно. Большая часть КРС находилась в крестьянских хозяйствах: в Уральской области – 84,7%, в Башкирии – 95% и в Вотской области – 85,9%.

Расширение совхозного производства привело к росту удельного веса КРС в госхозах в общем стаде. В 1931 г. его доля достигла 8% в Уральской области (197,9 тыс. голов), 6,6% в Башкирии (63,8 тыс.), 0,9% в Вотской области (2,5 тыс. голов), при средних показателях по стране 5,3%. Это свидетельствовало о более высоких темпах выращивания крупного рогатого скота в государственных хозяйствах Уральского региона.

В 1932 г. доля госхозов в содержании КРС возросла до 10,9% в Уральской области, 6,7% в Башкирии и 3,8% в Удмуртской области: 217,6 тыс. голов; 59,7 тыс.; 12,8 тыс. голов соответственно. Лишь Уральская область превышала средние показатели РСФСР (8,4%) по удельному весу государственных хозяйств среди всех категорий хозяйств в содержании КРС. Причем в абсолютных данных в Башкирии скота оказалось меньше, чем в предыдущем году.

В 1933 г. происходило дальнейшее увеличение численности КРС в госхозах. Их удельный вес поднялся в Уральской области до 12,5%, в Башкирии – до 8,4%, в Удмуртии – до 8,8% (230 тыс. голов; 73,6 тыс.; 33,4 тыс. голов соответственно). Особенно значительно пополнились совхозные фермы в Удмуртской области. Среднероссийские сведения (9,7%) превосходила только Уральская область. В этот период большая часть КРС находилась в колхозах и в индивидуальных хозяйствах. В крестьянских подворьях Башкирии было сосредоточено 76,9% всего поголовья, в Уральской области – половина (51,1%), а в Удмуртии – минимальное количество (3,7%), тогда как в колхозах: более трети в Уральской области (36,4%), в Башкирии (13,9%), в Удмуртской области самая большая доля от всего стада – 87,5%, и это при средних показателях по РСФСР 25,4%. Как видно, на Урале по-разному стремились разместить поголовье КРС в нелегкие времена голода и неурожаев. Руководство Удмуртии решило сберечь поголовье в колхозах.

В начале 1930-х гг. с появлением свиноводческих совхозов и ферм наблюдались изменения в содержании свиней в хозяйствах. Если в 1930 г. их основная часть находилась в индивидуальных хозяйствах: 83,5% в Уральской области, 96% в Башкирии. 85,8% в Вотской области и 92,1% в РСФСР, то на долю госхозов приходилось 5,9%; 0,8%; 0,3% и 1,6% соответственно. Количество свиней в них составляло пока еще небольшие величины: в Уральской области – 20 тыс. голов, в Башкирии – 0,9 тыс. и в Вотской области – 0,5 тыс. голов.

В 1931 г. удельный вес госхозов в выращивании свиней значительно возрос: до 15,5% в Уральской области и 13,2% – в Башкирии, что существенно превышало союзные показатели

(8%). Подобное перераспределение общего стада позволило содержать в госхозах Уральской области 52 тыс. и в Башкирии 17,5 тыс. голов.

В 1932 г. доля госхозов в свиноводстве увеличилась незначительно: до 15,9% в Уральской области и до 14,2% в Башкирии, в то время как в среднем по РСФСР она составляла 17,7%. Как и по крупному рогатому скоту, в башкирских госхозах свиней оказалось меньше, чем в предыдущем году (17,2 тыс. голов), а в Уральской области находилось свиней больше (56,4 тыс. голов).

В 1933 г. произошли значительные перемены по содержанию свиней в госхозах Башкирии. В этой республике уже каждая пятая свинья находилась в государственных хозяйствах (20,9%), тогда как в Уральской области – 16,5%, что в абсолютных величинах выражалось в 31,7 тыс. и в 75,8 тыс. голов соответственно. В том году почти половина свиней в Уральской области (49%) и треть свиней в Башкирии (32%) была в колхозах. Остальная значительная часть свиней содержалась в крестьянских хозяйствах – 34,5% и 47,1% соответственно.

По сравнению с другими видами скота овец и коз в государственных хозяйствах имелось немного. В 1930 г. их доля от всего стада находилась на уровне 1,4% в Уральской области и 0,6% в Башкирии. Через три года их удельный вес возрос до 9,3% и до 3,5% соответственно, тогда как в среднем по РСФСР – до 12,2%. Голодные 1932-1933 гг. негативно отразились на поголовье овец и коз. Если в 1932 г. в госхозах Уральской области насчитывалось 244,7 тыс. голов, то в следующем году – 164,7 тыс. овец и коз.

В расчете на один совхоз за период 1930-1933 гг. произошли изменения в численности скота. В Уральской области в 1930 г. в среднем в совхозе имелось 188,3 лошадей, из них 74,1 рабочих лошадей; 300 голов КРС, в том числе 227,3 коров; 129,9 свиней и 52 овцы и козы. В башкирском совхозе в среднем было тогда 200 лошадей, из них 162,5 рабочих лошадей; 47,8 КРС, 56,3 свиней и 223,2 овец и коз. Спустя три года в среднем в совхозе Уральской области насчитывалось 363,9 лошадей, в том числе

320 рабочих лошадей; 597,4 КРС, из них 280,5 коров; 196,9 свиней; 427,8 овец и коз, а в Башкирии – 220,7; 180,2; 608,3; 245,5; 262 и 198,4 соответственно.

Имевшиеся данные свидетельствовали о росте численности скота в расчете на один совхоз. Лишь по количеству овец и коз в Башкирии наметилась отрицательная динамика. Показатели в животноводстве показывали, что в 1930 г. в Уральской области и Башкирии в совхозах имелось примерно равное количество лошадей. По численности коров и свиней существенно опережала Уральская область, а по наличию овец и коз впереди находились башкирские совхозы. Положение изменилось в 1933 г. Теперь в Уральской области в совхозе содержалось лошадей больше. Разница в количестве КРС была не столь значительной, по свиньям опережали башкирские совхозы, а по овцам и козам – совхозы Уральской области [18, с. 137-140, 174-177, 214-218, 235-238, 252, 253].

На результатах деятельности государственных хозяйств сказывались непроизводительные потери. Об этом свидетельствовали данные по растениеводству. Большой урон сельскому хозяйству Урала нанесло в эти годы несоблюдение элементарных приемов агротехники. В совхозах Уральской области и Башкирии агротехнические сроки по продолжительности сева яровых культур часто не выполнялись (8. С. 9; 18. Л. 63). В совхозах не соблюдались и сроки уборки [3, с. 106; 1. С. 152]. Все это говорило не только о плохой организаторской работе, но и о качестве новой техники, отношении рабочих к производству.

Не лучше обстояли дела и в животноводстве [5. Л. 34, 36; 19. Л. 5]. Скот не был обеспечен теплыми помещениями. В чабанских домах, на фермах, приспособленных для содержания скота, царил полная антисанитария [6. Л. 77]. Такое положение в государственных хозяйствах наблюдалось повсеместно [15].

Таким образом, проведенный анализ деятельности государственных хозяйств по производству сельскохозяйственной продукции в Уральском регионе показал, что регион мало чем отличался от работы госхозов по стране. Проявились общие тенденции в возрастании постепенно доли

госхозов в аграрном секторе экономики. Однако не произошло превышения удельного веса госхозного производства по сравнению с другими видами хозяйств. В аграрном секторе преобладало индивидуальное крестьянское хозяйство, а затем преференции стали получать колхозы. Совхозы не сумели показать своих преимуществ по сравнению с другими формами организации сельскохозяйственного производства [9, с. 440-442].

Государственные хозяйства показали себя менее эффективными структурами в сельскохозяйственном производстве, хотя в их развитие вкладывались немалые средства. Управленческие решения, принимаемые органами власти различного уровня, не всегда были продуманными и результативными. Рабочие этих хозяйств имели низкую мотивацию к труду, не проявляли большой заинтересованности в повышении производительности труда, экономии. Высокие непроизводительные потери не способствовали рентабельности государственных хозяйств. Период становления государственных хозяйств совпал с аграрным кризисом, голодом сельского населения Урала, которые были результатом массовой коллективизации.

ИСТОЧНИКИ

1. Материалы к докладу правительства Башкирской АССР на III-й сессии ВЦИК XV созыва. Уфа, 1932. 143 с.
2. СЗ СССР. 1930. №41. Ст. 429.
3. Совхозы к XV годовщине Октября. Сборник. М.: Сельхозколхозгиз, 1932. 282 с.
4. Социалистическое земледелие Урала. 1934. №7.
5. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 10. Д. 225.
6. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 219.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 494.
8. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 274.

ЛИТЕРАТУРА

9. Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928-1934 гг. М.: Изд-торг. корпорация «Дашков и К», 2009. 632 с.

10. Богденко М.Л. Строительство зерновых совхозов в 1928-1932 гг. М.: изд-во АН СССР, 1958. 251 с.
11. Зеленин И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928-1941. М.: Наука, 1982. 240 с.
12. История народного хозяйства Урала. В 2 ч. Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1988. Ч. 1. 256 с.
13. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX веке: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2.
14. Корнилов Г.Е., Трифонов А.Н. Совхозное производство на Урале накануне Великой Отечественной войны (1938-1941 гг.) // Совхозы Урала в период социализма (1938-1985 гг.). Сб. науч. тр. Свердловск: УНЦ АН СССР, 1986. С. 64-78.
15. Филатов В.В. Непроизводительные потери в сельском хозяйстве Урала в конце 1920-х – начале 1940-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. М; Магнитогорск; Новосибирск: изд-во МаГУ, 2006. Т. 2.– С. 169-177.
16. Филатов В.В. Продовольственная безопасность и урожайность зерновых культур на Урале в 1927-1941 годах // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII-XX веках: пороги безопасности: сб. статей. Оренбург, 2008. С. 319-323.
17. Филатов В.В. Производственное кредитование сельского хозяйства Урала в начале 1930-х гг. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII XXI вв. Екатеринбург, 4–5 декабря 2014 г.: в 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 510-515.
18. Филатов В.В. Уральское село, 1927 – 1941 гг.: динамика и темпы развития животноводства. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 264 с.
19. Филатов В.В. Уральское село, 1927 – 1941 гг.: динамика и темпы развития земледелия. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2006. 260 с.
20. Филатов В.В. Уральское село, 1927 – 1941 гг.: финансирование. Магнитогорск: изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2013. 238 с.
21. Филатов В.В. Финансирование индустриализации уральского села в начальный период коллективизации // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв.: материалы XI Всероссийской научной конференции, Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2013. Т. 1. С. 402-407. УДК 94(470.5)»1941/1945»
ГСНТИ 03.23.55

ВАК 07.00.02

Мельников Никита Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; тел. (343)374-42-05; E-mail: meln2011kit@gmail.com

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЛЕГКОЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЕТЕХНИКИ НА УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ²

Аннотация. Статья, основанная на широком круге архивных документов, раскрывает этапы развития процесса модернизации серийных образцов советских легких и средних танков и самоходных артиллерийских установок. Показаны причины прекращения работ по опытным образцам и особенности начала производства серийных боевых машин.

Ключевые слова: Танк, самоходная артиллерийская установка, промышленность, металлургия, броневое производство, пушка, Урал.

Melnikov Nikita, candidate of historical sciences, Institute of history and archaeology of the Urals branch of the Russian academy of sciences. candidate of historical sciences, academic secretary, Institute of history and archaeology of the Urals branch of the Russian academy of sciences

MODERNIZATION OF LIGHT AND MEDIUM ARMORED VEHICLES IN THE URALS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The paper is based on a wide range of archival documents. The paper reveals stages of development of the process of modernization of serial samples of the Soviet light and medium tanks and self-propelled artillery. The paper shows causes of cessation of work on prototypes and especially features of beginning of production of mass-produced war machines.

Keywords: Tank, self-propelled artillery, industry, metallurgy, production of armor, gun, Ural.

² Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-01-0036.

На этапе завершения эвакуации и начала восстановительного процесса в конце 1941 г. о модернизации боевых машин не могло быть и речи. Все уральские заводы имели лишь одну первостепенную задачу – максимально быстро запустить новое производство. Но с начала 1942 г. уральские танковые заводы начинают разработку новых видов техники. Первоначально этот процесс шел медленно и непоследовательно. Но в дальнейшем изыскательские работы стали приводить к вполне конкретным и перспективным результатам.

Эвакуированный завод легких танков №37 Наркомата танковой промышленности (НКТП) СССР начал свой уральский этап развития в конце 1941 г. в крайне сложных условиях, и закончил в середине 1942 г. войдя в состав УЗТМ. Но за тот короткий период времени, пока он существовал, на свет появилось несколько достаточно перспективных опытных образцов. Их появление было тесно связано с судьбой легкого танка Т-60, который был создан летом 1941 г. на основе танка-амфибии Т-40 и воспринимался как временная замена. Новый модернизированный вариант Т-70 получил несколько большее бронирование и 45-миллиметровую пушку. Но в тоже время наследовал главные недостатки Т-60: в целом достаточно слабое бронирование и всего 2 члена экипажа. Именно последний фактор делал все машины на базе еще довоенного плавающего танка Т-40 малоперспективными и уязвимыми на поле боя.

К маю 1942 г. завод №37 подготовил несколько образцов опытного легкого танка Т-45. Завод уже осваивал в то время серийное производство легкого танка Т-70. Предложение завода заслуживает пристального внимания хотя бы с той точки зрения, что предприятию удалось в очень трудных для себя условиях не только разработать, но собрать и испытать новый образец танка. Принципиально Т-45 отличался от Т-70 тем, что полностью создавался на базе серийного Т-60. Конструкторам пришлось серьезно переработать базу Т-60 для его перевоплощения в Т-70. В случае с Т-45 фактически, разработчикам удалось только установить новую башню, которая ставилась в существующие погоны танка Т-60, но имела вооружение идентичное Т-70 – 45-

миллиметровую пушку. В тоже время Т-45 имел более удачное расположение механизмов, чем Т-70, поэтому вместо 4 – 5 выстрелов в минуту новый танк делал до 7 – 8.

Бронирование танка было несколько легче, чем у Т-70. Толщина верхнего лобового листа у опытного образца был повышена по сравнению с Т-60 с 15 до 25 мм (35 мм у Т-70), а нижний оставался прежним – 35 мм (у Т-70 он был 45 мм). Это позволяло сохранить ходовую часть предыдущей модели, поскольку, удельное давление на грунт осталось практически прежним: 0,54 кг/см у Т-60, 0,578 – у Т-45, 0,72 – у Т-70. На танк должен был устанавливаться двигатель ЗИС-16 Миасского автомобильного завода им. Сталина мощностью 85 л.с., более надежный, чем ГАЗ-202 танка Т-70, и потреблявший не высокооктановый авиационный бензин, а бензин *«второго сорта»*. Представители завода считали Т-45 более удачной заменой Т-70, поскольку новая модель позволяла запустить ее серийный выпуск немедленно, без серьезной перестройки производственных процессов. Новый танк можно было изготавливать почти полностью на старой оснастке, а значит без снижения выпуска [4. Ф. 4. Оп. 31. Д. 288. Л. 220 – 224]. В конце июня 1942 г. все материалы по опытному Т-45 были переданы в центральные органы власти [4. Ф. 4. Оп. 31. Д. 287. Л. 60].

Второй вариант модернизации Т-60 был концептуально совершенно иным. В течение весны – начала лета 1942 г. над созданием новой машины на базе легкого танка активно работали представители ЦНИИ-48. Фактически у разработчиков получилась первая советская самоходная установка. Представители института назвали свою машину легкий *«безбашенный танк усиленного бронирования»* Т-48. Впервые идея была предложена директором Центрального научно-исследовательского институт №48 (ЦНИИ-48) А. С. Завьяловым секретарю Свердловского обкома ВКП(б) В. М. Андрианову 1 апреля 1942 г. Тогда же была предложена сравнительная тактическая диаграмма Т-48 и Т-70 (см. рисунок 1). А. С. Завьялов отмечал один из главных недостатков Т-70 – уязвимость его бортов и кормы не только от немецких 37-миллиметровых противотанковых пушек, но даже от 15-

миллиметровых пулеметов. Лоб Т-48 предполагал бронирование в 45 мм, борт – 40 мм, корма – 30 мм. Отказ от башни был вынужденной мерой, но с одной стороны позволял усилить бронирование почти до уровня Т-34, а с другой сохранить вес машины – 6,5 т (например, вес Т-70 был уже более 9 т) [4. Ф. 4. Оп. 31. Д. 286. Л. 27 – 33].

Тактико-технические требования на Т-48 были подготовлены к 30 июня 1942 г. ЦНИИ-48 и Военный металлургический комитет Всесоюзного научного инженерно-технического общества на основании опыта использования самоходов противником считали, что основной тактической задачей Т-48 должно стать *«подсобная работа»* для средних и тяжелых танков при прорывах укреплений противника. Благодаря мощному бронированию и 45-миллиметровой пушке *«безбашенный танк»* будет эффективно бороться с огневыми средствами и средними танками противника. Благодаря простоте конструкции и базе Т-60 новая машина могла быть быстро и легко запущена в серийное производство [4. Ф. 4. Оп. 31. Д. 287. Л. 11 – 12].

Однако все эти перспективные разработки так и остались разработками. В июле 1942 г., в связи с началом производства в Свердловске средних танков Т-34, завод №37 НКТП перестал существовать и вошел в состав Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ или Уралмаш). Следовательно, в Свердловске закончила недолгая история производства легких танков. Все опытные разработки новых легких машин для Уралмаша оказались лишними. У «нового» производства УЗТМ была совершенно иная задача – организация выпуска среднего танка. В этих условиях про разработки легких машин забыли и не вспоминали уже никогда.

Совершенно иначе развивалась судьба средних боевых машин. Основной советский средний танк Т-34, воспетый в отечественной историографии, мемуаристке и художественной культуре, тем не менее, обладал значительным набором серьезных конструктивных и производственных недостатков. К этому необходимо добавить проблемы с организацией его производства на восточных танковых заводах. Но самое главное,

что танк уже к концу 1942 г. начал устаревать настолько, что требовалась серьезная модернизация существующей серийной модели или даже полная его замена.

Московский филиал ЦНИИ-48 в течение 1943 г. проделал большую работу по обобщению опыта боевого применения Т-34. Исследовалась поражаемость среднего танка в зимних боях 1942 – 1943 гг. и летних боях 1943 г. Были обследованы Т-34, выведенные из-под Сталинграда весной – летом 1943 г. и участвовавшие в боях под Орлом в июле – августе 1943 г. Итоги исследования ЦНИИ-48 звучали как приговор советскому среднему танку.

Если в летних боях 1942 г. немцы имели в основном артиллерию калибром 50 мм и менее, то уже под Сталинградом на долю крупных калибров 75 и 88 мм приходилось не менее 30%, а на долю средних 50-миллиметровых пушек около 40%. Под Орлом противотанковая артиллерия противника уже состояла в основном только из крупных калибров. По выводам исследователей сопротивляемость брони Т-34 зимой 1942 – 1943 гг. была недостаточной, а под Орлом уже неудовлетворительной. Следовательно, среднему танку необходимо было искать замену.

В качестве временной меры было предложено 2 варианта возможного усиления брони Т-34. По первому варианту предполагалось усиление бронирования лба и бортов башни при общей площади бронирования около 3,3 кв. м, что даст возможность ликвидировать до 40% потерь от поражений брони в оба периода (это покрывало до 30% всех потерь танков). По второму варианту усиливались лоб башни и лоб корпуса при общей площади бронирования около 3,7 кв. м – до 30% потерь под Сталинградом и до 40% под Орлом (снова до 30% всех потерь танков) [З. Ф. 8752. Оп. 7. Д. 20. Л. 33 – 39].

Казалось бы, уже существует возможность замены серийного среднего танка. В течение второго полугодия 1942 г. на нижнетагильском Уральском танковом заводе №183 НКТП (УТЗ) был разработан танк Т-43, обладавший значительно более мощным бронированием, чем серийная модель Т-34. При усилении лобового бронирования до 75 мм и бортов до 60 мм,

тем не менее, маневренность новой модели сохранилась на уровне Т-34. Это удалось сделать, заменив пружинную подвеску Т-34 на торсионную.

Последний факт принципиально важен – устаревшая еще в конце 1930-х гг. пружинная подвеска знаменитого советского танка не имела никаких перспектив в развитии. А самый главный ее недостаток – это слишком большие габариты, которые делали внутреннее пространство танка очень тесным для экипажа и придавали излишний вес. Требовалась кардинальная переработка этого элемента ходовой части машины. Конструкторам завода №183 это вполне удалось – уже к середине 1943 г. советское танкостроение могло дать адекватную замену среднему Т-34. Новая машина имела 78,5% деталей, заимствованных у Т-34, что в значительной степени облегчало его запуск в серийное производство (это выгодно его отличало от нового тяжелого танка серии ИС – в его случае речь шла о фактически полной замене модельного ряда). При этом трудоемкость изготовления Т-43, после отработки всех производственных операций, обещала быть на 15 – 20% меньше, чем серийного Т-34. Конструкторам, по требованию Главного автобронетанкового управления (ГАБТУ), удалось установить в нем даже более мощную 85-миллиметровую пушку [4. Ф. 4. Оп. 31. Д. 420. Л. 231].

По большому счету, это было дальнейшее развитие работы над предвоенным опытным образцом Т-34М, который должен был заменить серийную машину, но этого до войны сделать так и не успели. С конца 1942 г. по июнь 1943 г. шла проработка опытных образцов Т-43. Были завершены длительные испытания пробегом (по свидетельству парторга завода №183 новый образец прошел в общей сложности 3509 км). Конструкторы учли большинство замечаний, высказанных со стороны ГАБТУ, кроме одного – не удалось убрать люк механика-водителя на лобовой детали корпуса. В июне 1943 г. В. А. Малышев приостановил все дальнейшие работы по Т-43 (в том числе испытательный пробег Нижний Тагил – Москва – Нижний Тагил) [4. Ф. 4. Оп. 31. Д. 420. Л. 231]. УТЗ был готов запускать Т-43 в серийное производство в III квартале 1943 г. И уже начал

рассчитывать бюджет рабочего времени с учетом выпуска новой машины. Но в серию танк так и не пошел.

Четкого и ясного ответа, почему не состоялась история Т-43, в существующей литературе нет. Хотя процесс создания и совершенствования опытных образцов Т-43 рассмотрен достаточно подробно. Исследователи С. В. Устьянцев и Д. Г. Колмаков считают, что главный недостаток опытной машины крылся в *«неустранимых конструктивных огрехах»* [7, с. 142]. Авторы коллективного труда «Неизвестный Т-34» утверждают, что основная проблема заключалась в невозможности дальнейшей модернизации опытного танка [5]. Но все эти аргументы кажутся нам не убедительными, поскольку данные факторы оказались не актуальны по отношению к новому варианту модернизации серийного среднего танка – Т-34-85. М. Н. Свириной главной причиной неудачного завершения проекта Т-43 считал боязнь советского руководства того, что подготовка производства новой машины *«повлечет за собой некоторое снижение объемов ее выпуска в канун планировавшихся обширных наступательных операций»* [6].

Нам видится, что все претензии к Т-43 были совершенно иного рода. Они не относятся к конструктивным особенностям или отдельным недостаткам этого танка. Вся проблема заключалась в сугубо экономических причинах. Дело в том, что завод №183, являясь головным и крупнейшим изготовителем Т-34, в качестве основного поставщика бронелиста толщиной 45 мм имел соседнее предприятие – Новотагильский металлургический завод (НТМЗ). Он изготавливал броневые листы для лобовой, кормовой и бортовой деталей корпуса Т-34.

В январе и апреле 1943 г. металлургическое предприятие получало заказы почти по 7 тыс. т бронелиста в месяц. Из них на 45-миллиметровый лист для УТЗ приходилось почти 70% выпуска всего броневого производства (остальная часть – на листы 25 – 35 мм для легких самоходок и танков других заводов НКТП). Кузнецкий металлургический комбинат (КМК) и Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) тоже выпускали 45-миллиметровый лист, но уже для широкого круга предприятий, производивших корпуса Т-34 и САУ на его базе:

УЗТМ, заводы № 112 и № 174, тот же УТЗ. Также не мог производить броню для Т-43 любой другой из перечисленных заводов. Листы толщиной 60 мм и более на тот момент делал только один завод в стране – ММК. Из всего объема бронепроката комбината толстые листы (60 мм и более) составляли около 20% [Подсчитано по: 3. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 952. Л. 21; Д. 299. Л. 9].

Новый нижнетагильский танк имел лобовую и бортовую броню от 60 до 75 мм. Снятие с производства Т-34 и начало серийного выпуска Т-43 означало, что НТМЗ фактически останется без основной части заказов (а в перспективе и КМК: поскольку очевидно, что Т-34 придется снимать с производства), а вся тяжесть по производству броневых листов для тяжелых и уже новых средних танков должна была лечь на одно предприятие – Магнитогорский металлургический комбинат. ММК должен был бы резко увеличить производство толстых бронелистов в достаточно короткий период времени. Следовательно, запустить в массовое производство Т-43 вместо Т-34 не было никакой возможности – у него по состоянию на середину 1943 г. просто отсутствовала бронепроизводственная база.

Даже без учета производственных возможностей ММК, с доставкой бронелиста не могла справиться железная дорога: она и так находилась в очень напряженном состоянии. К 1943 г. были отработаны существующие маршруты. Доставка листов 60 – 75 мм на завод № 183 означало создание несколько новых транспортных маршрутов из Магнитогорска в Нижний Тагил, и, видимо, из Нижнего Тагила в каком-либо ином направлении – ведь теперь нужно будет где-то использовать высвободившийся объем продукции НТМЗ.

Поэтому сталинское руководство принимает единственно возможное в этой ситуации решение: оставить на вооружении Т-34 в новом, модернизированном виде. Из двух вариантов, предложенных ЦНИИ-48, был выбран первый, поскольку был самым дешевым и простым при реализации. Второй вариант, предложенный ЦНИИ-48, предусматривал увеличение толщины лобового листа (что было затруднительно уже само по себе – см.

проект Т-43) и не давал принципиальных преимуществ. Именно так на свет появился Т-34-85 с более мощной 85-миллиметровой пушкой. На танке расширили погон до нужных размеров и установили литую башню толщиной брони до 90 мм. Это было единственно возможное усиление бронирования среднего танка. Изготовить новую литую башню не составляло большого труда: их могли делать и впоследствии делали бронекорпусные производства заводов № 112, 174, 183 НКТП и УЗТМ.

Вместе с развитием разработки Т-43 во второй половине 1942 г. УТЗ начал работать по новому проекту – Т-44. На этом этапе проектируемый танк имел характеристики равные серийному танку и обладал меньшим весом на 5 – 6 т. Пока была еще совершенно не ясна его будущая судьба, но отмечалось, что из-за меньшего веса и конструктивных нововведений его эксплуатационные характеристики будут значительно лучше серийного танка [4. Ф. 4. Оп. 31. Д. 289. Л. 3]. Концептуально проект окончательно оформился к февралю 1944 г. Танк Т-44 разрабатывался в конструкторском бюро завода под руководством А. А. Морозова. От Т-34 и Т-43, который был по большому счету глубокой модернизацией Т-34, танк Т-44 отличался устройством, компоновкой, габаритами, формой и толщиной брони корпуса и башни (лоб корпуса – 90 мм, борт – 75 мм, башня – 120 – 90 мм). Настоящей находкой конструкторов стало расположение двигателя не вдоль, а поперек корпуса, что позволило заметно сократить длину силового отделения, улучшить положение экипажа и сместить башню в центр корпуса. Благодаря сместившемуся двигателю удалось убрать люк механика-водителя с лобового листа на подбашенный. На машине была установлена индивидуальная торсионная подвеска, более совершенная трансмиссия и т.д. [2].

Ликвидация люка механика-водителя на лобовой детали корпуса – это очень важное техническое решение. Такой люк присутствовал у всех модификаций Т-34. ГАБТУ постоянно требовала его убрать, поскольку он значительно ослаблял лобовую броню. Но убрать его совсем не представлялось возможным, поскольку это был единственный способ быстро попасть на свои места и покинуть танк механику-водителю и

стрелку-радисту. Этот люк давал приемлемый обзор при движении по-походному. Присутствие люка на Т-43 стало единственным замечанием ГАБТУ (всего их было четыре: расширить погон и установить 85-миллиметровую пушку, отменить ножной пуск двигателя и убрать люк), которое не смогли ликвидировать конструкторы УТЗ на новых образцах Т-43 в середине 1943 г. (пока история этого танка не была закрыта совсем) [4. Ф. 4. Оп. 31. Д. 420. Л. 231].

Согласно приказа В. А. Малышева №159с от 14 марта 1944 г., УТЗ должен был подать для утверждения в наркомат к 10 апреля план развертывания производства Т-44, исходя из даты начала серийного выпуска с 1 июля 1944 г. [1. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 51. Л. 379]. Однако нижнетагильский завод №183 так и не приступил к производству нового танка. Дело в том, что после освобождения Харькова осенью 1943 г. на основе мощностей довоенных заводов №75 и №183 был организован завод №75 наркомата танковой промышленности [1. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 38. Л. 1360]. С конца 1943 г. начинал восстанавливать свое производство Мариупольский завод им. Ильича. Именно на этих предприятиях впоследствии и было развернуто серийное производство Т-44.

Причины «переезда» нового среднего танка на Украину нужно искать в той же сфере, что и решение не принимать на вооружение Т-43. Все броневые детали корпуса Т-44 должны были состоять из толстой брони, производить которую для нижнетагильского завода № 183 в восточных регионах страны не представлялось возможным. Восстановление восточно-украинских предприятий должно было решить этот вопрос.

На данный момент мы не обладаем всем исчерпывающим набором данных, которые позволили бы в деталях оценить уровень производственных возможностей танковых предприятий на востоке Украины после их освобождения. Однако, он был достаточно высоким, поскольку имеющиеся документы позволяют это утверждать. За два последних года войны завод им. Ильича (именно он до войны был единственным производителем брони для Т-34) намного превысил выпуск жидкой стали по сравнению с уральскими

заводами НКТП. Два главных бронекорпусных предприятия страны УТМ и УТЗ в 1943, 1944 и первой половине 1945 гг. выплавляли 157 млн, 188 млн, 98 млн и 211 млн, 20 млн, 109 млн т стали соответственно. За эти же годы завод им. Ильича выпустил 25 млн, 271 млн и 143 млн т стали [Подсчитано по: 3. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 90]. На 1 января 1944 г. на Мариупольском предприятии действовал только один тонколистовой стан. К концу года были запущены еще два среднелистовых и один толстолистовой станы [3. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 49]. Из этих данных видно, что уже в 1944 г. завод им. Ильича был вполне в состоянии освоить выпуск бронелистов для нового среднего танка.

Параллельно с развитием среднего танкостроения началась история САУ на базе Т-34. В течение осени 1942 г. Уралмаш совместно с заводом № 9 НКВ разработал и внедрил в серийное производство СУ-122 на базе Т-34. С этого момента завод стал единственным в стране предприятием, где изготавливались самоходные установки на базе среднего танка.

Параллельно с производством СУ-122, начиная уже с января 1943 г., велись работы по ее усовершенствованию. Завод № 9 Наркомата вооружений (НКВ) взял на себя разработку системы вооружения. В результате в апреле того же года была изготовлена опытная САУ СУ-122М с новым орудием Д-11, установленным не на тумбе, а в рамке. Государственные испытания в июне 1943 г. показали, что после некоторых улучшений СУ-122М может быть принята на вооружение самоходных артиллерийских частей Красной Армии. Все замечания были реализованы на новом опытном образце СУ-122-III [1. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 72. Л. 37 – 56].

Во второй половине апреля 1943 г. УЗТМ и ряд других предприятий получили задание на проектирование новой средней противотанковой САУ. Необходимо было взять за основу СУ-122М и вместо 122-миллиметровой гаубицы установить орудие с баллистикой 85-миллиметровой зенитной пушки образца 1939 г. Причем Центральное артиллерийское конструкторское бюро (ЦАКБ) под руководством В. Г. Грабина

должно было спроектировать, а завод № 9 НКВ изготовить новое орудие.

В результате в июле 1943 г. на испытания были предложены:

1. «СУ-85-I» с 85-миллиметровой пушкой «С-18-I» ЦАКБ с измененной люлькой УЗТМ;

2. «СУ-85-II» с 85-миллиметровой пушкой «Д5-С85» завода № 9 НКВ;

3. «СУ-122-III» модернизированная СУ-122 со 122-миллиметровой гаубицей Д-6 завода № 9 НКВ;

4. «СУ-85-IV» СУ с 85-миллиметровой пушкой «С-18» ЦАКБ.

Испытания показали, что все предложенные образцы имеют существенные дефекты, но все же «СУ-85-II», обладавшая лучшими показателями, была рекомендована к производству при условии устранения всех выявленных недостатков.

В III квартале 1943 г. УЗТМ начал выпуск новых САУ СУ-85, которые были в технологическом плане более удачными и совершенными машинами, чем предыдущие СУ-122. По бронепробиваемости СУ-85 были выше танка Т-34-76 на 57%, а СУ-122 на 45%. Из общего числа деталей САУ 73% были заимствованы у Т-34, 7% - СУ-122 и 20% изготовлены вновь. Всего было изготовлено 2653 самоходные установки [1. Р-262. Оп. 1. Д. 72. Л. 68 – 84].

В связи с принятием на вооружение СУ-85, приказом по НКТП №477сс от 9 августа 1943 г. на УЗТМ с августа прекращалось производство танка Т-34 и самоходной установки СУ-122. Завод должен был начать выпуск новой САУ с 25 августа (с 25 по 28 число месяца по 10 машин в день, с 29 по 31 – по 20) [1. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 37. Л. 1028, 1070]. Кроме того, приказом №475сс, датированным тем же числом, Уралмаш должен был начать изготовление расширенного до 1 800 мм погона для танка КВ с 85-миллиметровой пушкой Д-5 (КВ-85): в августе - 40 шт., в сентябре – 80 шт. [1. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 37. Л. 1025].

Приказом по НКТП СССР №1сс от 2 января 1944 г. Уралмашзаводу предписывалось через два месяца, в марте,

начать переход на производство корпуса танка Т-34 с расширенным до 1 600 мм погоном под новую башню с 85 мм пушкой (в марте – 5 шт., в апреле – 25 и в мае полностью перейти на новый тип корпуса) [1. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 50. Л. 1].

Вооружение СУ-85 позволяло эффективно бороться с новыми немецкими танками PzKpfw V «Пантера» и PzKpfw VI «Тигр» с расстояния до 1000 м. Но эти танки в силу более мощной брони и вооружения старались навязать бой на дистанции 1500 – 2000 м, когда мощности вооружения САУ было уже недостаточно для уверенной пробиваемости, а лобовая броня не обеспечивала надежной защиты.

Таким образом, встала необходимость разработки нового артсамохода. Очень важно было сохранить маневренность и подвижность, как наиболее ценные качества средней САУ, а также значительно увеличить броню и разработать вооружение, способное бороться с немецкими танками на дистанции 1500 – 2000 м.

Для решения проблемы было предложено 3 варианта:

1. Модернизированный вариант СУ-85 – СУ-85БМ. В ее рубке устанавливалось увеличенное на 1068 мм орудие. При сохранении прежнего веса снаряда его начальная скорость повышалась с 800 до 900 м/с и тем самым повышалась бронепробиваемость на 20 %.

2. СУ-Д-25, вооруженная длинноствольной 122-миллиметровой пушкой типа А-19.

3. СУ-Д-15 со 152-миллиметровой гаубицей Д-15 [1. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 72. Л. 88-90].

Но поскольку орудия калибра 122 и 152 мм могли перегрузить средний самоход и ухудшить его маневренность, а возможности 85-миллиметровой орудия не реализовывались полностью на артсамоходе, наиболее приемлемым вариантом оказалась 100-миллиметровой зенитная морская пушка Б-34.

Для реализации проекта НКТП обязал Уралмаш к 15 января 1944 г. спроектировать среднюю САУ на базе агрегатов танка Т-34 и вооружить его пушкой С-34 конструкции ЦАКБ (разработанной на основе зенитной Б-34) и к 25 февраля 1944 г. представить прототип на государственные испытания.

Однако после получения чертежей от ЦАКБ выяснилось, что установка пушки С-34 повлечет за собой серьезные конструктивные изменения корпуса СУ-85 и несколько ухудшит показатели по весу, что было крайне нежелательно. И так как ЦАКБ выступил решительно против каких-либо изменений своей пушки, Уралмаш обратился на завод №9 НКВ, где в кратчайший срок на основе С-34 было разработано новое орудие Д10-С. По баллистике оно равнялось предшественнику, но было значительно легче и устанавливалось в корпусе без серьезных конструктивных изменений.

9 марта 1944 г. САУ успешно прошла государственные испытания и при условии устранения незначительных недостатков была рекомендована к принятию на вооружение. И уже 14 апреля на заводе выходит распоряжение о немедленной подготовке к серийному производству СУ-100 [1. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 72. Л. 88 – 92].

Но неожиданно ЦАКБ потребовало формального исполнения приказа НКТП об установке на самоходку пушки С-34. Свыше двух месяцев тянулись переговоры между инстанциями. В результате было решено изготовить опытную САУ СУ-100-2 согласно требованиям ЦАКБ и провести повторные испытания двух прототипов. Прошедшие в конце июня 1944 г. испытания выявили явные конструктивные недоработки у СУ-100-2.

Таким образом, 3 июля 1944 г. ГКО своим постановлением под №6131 принял СУ-100 с пушкой Д10-С на вооружение. Завод должен был окончить подготовку производства к 15 августа 1944 г., а, начиная с сентября, приступить к выпуску САУ [1. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 52. Л. 965, 992].

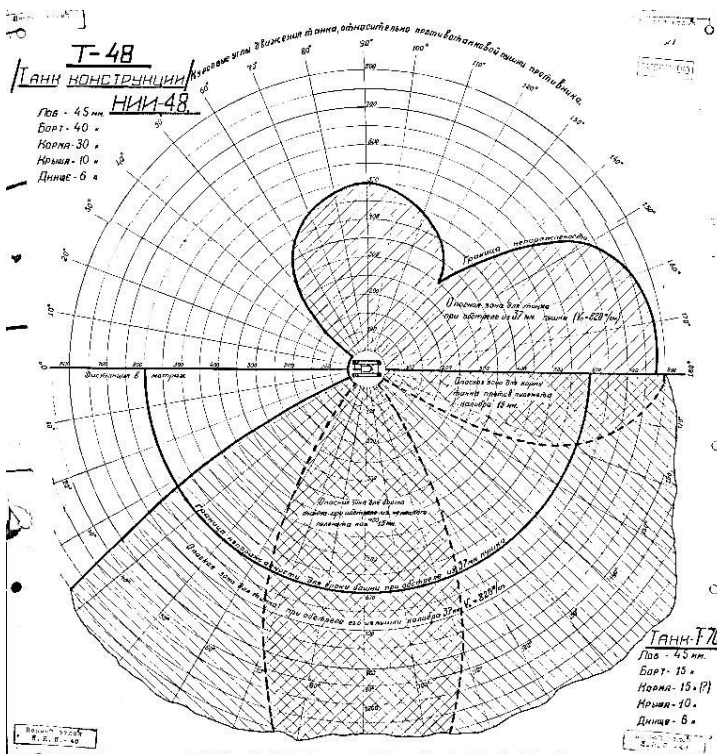
Выпуск СУ-100 с сентября по декабрь 1944 г. начал производиться с одновременным сохранением в производстве СУ-85. Это вызвало некоторые трудности у производителей, но выход был найден в максимальном приближении СУ-85 к СУ-100. Лобовая броня СУ-85М была доведена до 75 вместо 45 мм, добавлялась командирская башенка и т.д. Благодаря такому «гибриду» без особого труда и серьезной ломки производственных процессов Уралмаш

успешно перешел на выпуск СУ-100 и произвел по май 1945 г. 1770 самоходов [1. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 52. Л. 888; Д. 72. Л. 93 – 103].

В отличие от Т-43 и Т-44 новая самоходная установка имела в основном прежние 45-миллиметровые листы. Только лобовая деталь была толщиной в 75 мм. Поэтому бронепрокатное производство не могло столкнуться с большими проблемами в организации выпуска дополнительного объема толстого броневых листов. Программа месячного выпуска СУ-100 в IV квартале 1944 г. исчислялась 150 штуками в месяц, а в начале 1945 г. немногим более 200. Следовательно, больших сложностей не могло возникнуть и в итоге не возникло.

Таким образом, в течение войны, даже в тяжелых условиях восстановительного периода первой половины 1942 г., уральские предприятия постоянно работали над усовершенствованием серийных бронетанковых моделей. В середине 1942 г., после вхождения завода №37 НКТП в состав УЗТМ, прекратились все разработки по развитию легких машин. В итоге ни одна из них не была реализована. Изыскательские работы УТЗ №183 привели к появлению двух вариантов полной замены серийного Т-34. Первый вариант был полностью закрыт в середине 1943 г., а второй был реализован в следующем году, но уже на украинских предприятиях. Более успешная судьба ожидала самоходные установки Уралмаша. В 1943 и 1944 гг. УЗТМ разработал и последовательно сменил в производстве две новые модели артсамоходов на базе танка Т-34.

Рисунок 1. Сравнительная тактическая диаграмма Т-48 и Т-70 [4. Ф. 4. Оп. 31. Д. 286. Л. 33]



ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Свердловской области
2. История танкостроения на УТЗ №183. Т. 1. (Рукопись) С. 176 // Коллекция документов музея Уралвагонзавода.
3. Российский государственный архив экономики.
4. Центр документации общественных организаций Свердловской области.

ЛИТЕРАТУРА

5. Желтов И., Павлов М., Павлов И., Сергеев А., Солянкин А. Неизвестный Т-34. М.: ООО «Издательский центр «Экспринт», 2001. 189 с.
6. Свирин М.Н. Стальной кулак Сталина. История советского танка 1943 – 1955. М.: «Яуза», «Эксмо», 2006. 416 с.

7. Устьянцев С.В., Колмаков Д.Г. Боевые машины Уралвагонзавода. Танк Т-34. Нижний Тагил: Уралвагонзавод / ООО Издательский дом «Медиапринт», 2005. 231 с.

УДК 94(470.5)"19"

ББК 63.3(235.55)6

ВАК 07.00.02

Чернышева Инна Ивановна, учитель истории и обществознания, Муниципальное Бюджетное вечернее сменное общеобразовательное учреждение «Вечерняя (сменная) общеобразовательная школа № 62» (МБВСОУ ВСОШ № 62); Свердловская область, г. Лесной, ул. Карла-Маркса. д. 15; E-mail: sch62@edu.lesnoy.ru).

ШКОЛЫ РАБОЧЕЙ И СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЁЖИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. Статья посвящена исследованию деятельности школ рабочей и сельской молодёжи Свердловской области в послевоенное время. Анализируются данные о росте количества школ, материальное обеспечение и изменения в составе педагогических работников. Автор приходит к выводу, что в послевоенные годы на развитие общеобразовательной подготовки молодежи оказывали последствия войны. Но активная деятельность управленческих и хозяйственных организаций позволили сформировать эту форму обучения, развивать и совершенствовать обучение молодёжи без отрыва от производства.

Ключевые слова: школы рабочей и сельской молодёжи, финансирование школ, обеспечение школьными зданиями и учебными пособиями.

Chernysheva Inna Ivanovna, Teacher of history and social science. Municipal budgetary evening Shift educational institution «Evening (Shift) comprehensive school No. 62. Lesnoy city, Karl Marx Street, 15. E-mail: sch62@edu.lesnoy.ru

DEVELOPMENT OF SCHOOLS OF YOUNG AND RURAL WORKERS OF SVERDLOVSK REGION DURING THE POST- WAR PERIOD TO THE MIDDLE OF THE 1950TH YEARS.

Abstract. Article is devoted to the description of activity of schools of young and rural workers of Sverdlovsk region. The number of schools given about growth, material security and changes in structure of pedagogical workers are analyzed. The author comes to a conclusion that in post-war years on development of general education preparation of youth rendered war consequences. But vigorous activity of the administrative and economic organizations within post-war decade improved training of youth on the job.

Keywords: schools of young and rural workers, financing of schools, providing with school buildings and education guidances.

В послевоенные годы в Свердловской области получили значительное развитие учреждения общего образования взрослых – школы рабочей и сельской молодежи, они стали основной формой получения образования для работавшей молодежи.

Стремительная индустриализация и урбанизация Урала вызывала интенсивное обновление кадров народного хозяйства и культуры за счет молодежи города и деревни. Эти реалии объективно выдвигали в качестве приоритетной задачи повышение уровня образования и культуры этой категории населения [30, с. 3].

Условия военного времени, отвлечение на производство большого числа учащейся молодежи задержали дальнейший рост общеобразовательного уровня работавших. Рабочие военных лет имели общеобразовательную подготовку примерно в объеме 5 классов [29, с. 461].

Одним из основных документов, требовавших усиленной работы всех партийных организаций, областных и районных отделов народного образования восстановления и укрепления сети школ сельской и рабочей молодежи, стал Закон СССР «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства (на 1946—1950 годы)» от 18 марта 1946 г. В ст. 3 главы III отмечалось: «На основе широкой организации школ рабочей и крестьянской молодежи обеспечить обучение той части молодежи, которая в условиях Отечественной войны и временной оккупации ряда советских районов не могла получить нормального образования в школе» [12]. Закон требовал не только расширение сети школ рабочей и сельской

молодёжи, но и улучшения качества обучения молодёжи, совершенствования воспитательной работы.

Вопросы обучения взрослого населения неоднократно рассматривались на заседаниях областных и районных органов государственного управления. Ежегодные решения исполнительного комитета Свердловского областного совета депутатов трудящихся были посвящены итогам прошедшего учебного года с выявлением недостатков в работе и постановке задач на предстоящий учебный год. Многократно в течение года рассматривалась текущая работа школ сельской молодёжи в районах области. Так, в решении исполкома Свердловского областного Совета депутатов трудящихся от 12 декабря 1947 г. «О состоянии работы школы сельской молодёжи в Ирбитском районе» указывалось, что исполком Ирбитского районного Совета депутатов трудящихся (председатель Давыдов) не выполнили поставленные задачи: никакой подготовки к учебному году не велось, работа школы в течение года не обсуждалась. В районе не налажен учет сельской молодёжи, не имеющей семилетнего образования, не определена районная сеть школ. В Ключевском и Ницинском сельских советах работа школ сельской молодёжи началась на 18 дней позже уставленных сроков [5, л. 43]. В деревне Гуни Ирбитского района 30 колхозников начали с большим желанием учиться в местной школе сельской молодёжи, но позже все до одного с формулировкой «как не занятые делом» были отправлены на лесозаготовки, школа прекратила свое существование. Отвлечение сельской молодежи на различного вида работы стали основной причиной закрытия школ сельской молодежи (ШСМ). По этой причине за 1946-47 учеб. г. в области закрылось 30 ШСМ [8, л. 9].

Необходимо отметить, что после войны существенно увеличивалось финансирование школ рабочей и сельской молодёжи. В 1940-41 учеб. г. на просвещение в Свердловской области было выделено 167 млн руб., а уже в 1947 г. – 308 млн рублей [25, с. 69]. Финансирование школ рабочей молодёжи в 1950-51 учеб. г. составило 15330 тыс. руб., в 1951-52 учеб. г. – 15840 тыс. рублей [19, л. 30]. При этом нормы бюджетного

ассигнования школ рабочей и сельской молодёжи были значительно меньше, чем нормы, предусмотренные для школ всеобуча. Помощь в финансировании школ рабочей и сельской молодёжи должны были оказывать предприятия и учреждения. В послевоенный период ШРМ выделялись отдельные здания. Обеспеченность школ самостоятельными зданиями представлена в табл. 1.

Таблица 1

**Обеспеченность зданиями школ рабочей молодёжи
Свердловской области в 1944 – 1951 гг.***

Годы	Всего школ в области	Количество самостоятельных зданий ШРМ	Обеспеченность ШРМ самостоятельными зданиями (в %)
1944-1945	96	29	30,2
1946-1947	113	63	55,7
1947-1948	107	44	41,1
1948-1949	108	50	46,2
1949-1950	113	59	52,2
1950-1951	116	61	52,5

*Рассчитано по: ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5268. Л. 8; ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 49. Л. 25; Д. 138. Л. 5; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 535. Л. 93; Оп. 8. Д. 34. Л. 20; Оп. 12. Д. 118. Л. 18.

Из данных табл. 1 видно, что только в 1949 г. половина ШРМ располагалась в отдельных помещениях. Часть зданий, предоставленных ШРМ, принадлежала промышленным предприятиям, другая – районным и городским исполнительным комитетам местных советов народных депутатов, они находились на балансе районных и городских отделов народного образования. Наличие собственного здания решало проблему организации учебного режима работы, как в утренние и дневные часы, так и в вечерние. В школах, расположенных в зданиях школ всеобуча, занятия могли проводиться только вечером. Подобный график лишал возможности посещать учебные занятия, тем учащимся, кто должен был выходить на работу в утреннюю рабочую смену.

Значительный вклад в развитие сети школ и их материального оснащения внесли предприятия Свердловской

области. В справке «О сети и контингенте школ рабочей и сельской молодёжи области за 1951-1952 уч. г.», подготовленной заместителем заведующего отдела школ Свердловского обкома ВКП(б) Бородиной, сообщалось, что помощь школам оказывали промышленные предприятия городов Свердловска, Каменска-Уральского, Ревды, Нижнего Тагила. Наибольшее количество рабочей молодёжи обучалось в школах промышленных предприятий г. Свердловска: УЗТМ – около 3000 человек, Верхистеский завод – 1270 человек, Уралэлектротяжмаш и Уральский турбомоторный–1273 человек, Уралхиммаш– 911 человек, Уралвагонзавод(г. Нижний Тагил)–882 человек, Уральский алюминиевый завод (г. Каменск-Уральский) – 642 человека, Красногорская ТЭЦ (г. Каменск-Уральский) – 500 человек, Нижнетагильский завод (г. Нижний Тагил) – 489 человек, Первоуральский новотрубный завод–413 человек, Ирбитский мотоциклетный и Завод автоприцепов (г.Ирбит)–434 человека, Верхнепышминский медеэлектролитный завод (г. Верхняя Пышма) –348 человек, Алапаевский металлургический завод–419 человек. Однако, как отмечено в документе, охват обучением рабочей молодёжи, не имевшей законченного среднего и семилетнего образования, не некоторых предприятиях был недостаточным [13, с. 53 - 54]. Так, на Уральском заводе тяжелого машиностроения было открыто восемь школ рабочей молодёжи. В них обучалось 2684 человека, что составляло 53,5% от общего количества молодёжи завода, не имевшей среднего образования [9, л. 138, 142]. Школа № 1 начала работать с 1934 г (на второй год после пуска Уралмашзавода), как «комсомольская школа среднего образования", затем она стала средней школой рабочей молодёжи Уралмашзавода. Первый выпуск учащихся из 10-х классов был сделан в 1937 г. В 1940-1941 учебном году количество учащихся в школе составило 254 человека. К 1953 г., то есть за 15 лет работы школы, среднее образование получили 578 молодых рабочих, семилетнее – 1600[26, с. 5]. Только в 1949 – 1952 гг. 7 классов окончили – 3263 человека, 10 классов – 1000 человек. В 1945-1946 учеб. г. была открыта средняя школа рабочей молодёжи №2, в 1946-1947 учеб. г. – еще две средних

школы рабочей молодёжи № 11 и № 17. Ещё три школы открыты в 1949 г. – это были семилетние школы рабочей молодёжи № 15, № 23, № 24. Позже школа № 23 стала средней школой рабочей молодёжи. В 1955 г. была сдана в эксплуатацию школа рабочей молодёжи на 960 мест [9, л. 138, 142]. В соцгородке Уралмашзавода в 1950 г. рабочих с семилетним и выше образованием насчитывалось немногим более 25%, то в 1960 г. их процент повысился до 53 [32, с. 65]. На Уралмаше работал вечерний и заочный машиностроительный техникум, в который поступило свыше 400 человек. Свыше 500 молодых работников завода учились без отрыва от производства в вузах. К концу 1952/53 учеб. г. в школах рабочей молодежи, вузах и техникумах, в различных формах производственного обучения непосредственно на предприятии учился каждый второй работник Уральского завода тяжелого машиностроения [30, с. 3].

Подобная ситуация с обучением работников была в Нижнем Тагиле. Школа рабочей молодёжи № 5 была организована на базе Ново-Тагильского металлургического завода. В 1954 – 1957 гг. в школе ежегодно обучалось от 475 до 680 рабочих НТМЗ (из общего контингента 880-960 человек ежегодно). Администрация НТМЗ систематически оказывала помощь школе в укреплении материально-технической базы. Коллектив преподавателей ШРМ работал в повседневном контакте с партийными, профсоюзными и комсомольскими организациями, а также с учебно-курсовым комбинатом НТМЗ. Формы связей были разнообразны: проводились совещания, учителя ШРМ выступали на комсомольских вечерах во Дворце культуры завода [8, л. 35-36]. На Нижне-Тагильском металлургическом комбинате за семь лет (с 1950 по 1957 гг.) число рабочих с образованием 7-10 классов выросло в 2,5 раза и составило 60% от общего числа работников комбината [32, с. 65]. На комбинате в 1958 г. поступило учиться в ШРМ – 17000 человек, в 1959 г. – 4113 человек, в 1960 г. – 5435 человек [26, с. 17].

Длительное время школы рабочей и сельской молодёжи были плохо обеспечены учебниками и литературой. В итоговом отчёте о работе школ рабочей и сельской молодёжи области за

1945-1946 учеб. г., составленном заведующим сектором школ рабочей и сельской молодёжи Областного отдела народного образования Б.Н. Князевым сообщалось, что учебниками, поступившими в начале учебного года по линии СвердКОГИЗа и Облпотребсоюза, были полностью снабжены только школы всеобуча [9, д. 138, л. 7-9]. По данным Свердловского облоно из фонда целевого назначения для школ рабочей молодёжи было выделено 39200 учебников (учащихся на начало 1945-1946 учебного года – 14749 человек, т.е. 2,6 учебника на одного учащегося). В г. Каменск-Уральске было выдано в ШРМ только 60 учебников на 2400 человек (один учебник на 40 человек) [1, л. 40]. Ситуация не изменилась и к 1947-1948 учеб. г. Решением исполкома Свердловского облсовета «О состоянии работы школ рабочей и сельской молодёжи области», принятого 18 апреля 1947 г. было потребовано от СвердКОГИЗа (руководитель Боборов), Облтребсоюза (председатель Никифоров) существенно улучшить снабжение школ сельской и рабочей молодёжи учебниками, установив строгий контроль за своевременной отгрузкой учебников в районы области. Областной отдел Культпросветработы (заведующий Шамшурин) должен был организовать первоочередное обслуживание учащихся ШРМ и ШСМ литературой через городские и районные библиотеки [21, л. 2]. В 1950-1951 учеб. г. обеспеченность учебниками школ рабочей и сельской молодёжи составила от 30- 50% [19, л. 29].

Существенной проблемой после войны была нехватка учителей в ШРМ: значительная часть их не вернулась с фронта и реэвакуировалась [25, с. 69]. В них преподавали в основном учителя, работавшие в школах всеобуча. Из-за нехватки учителей некоторые предметы в школах не преподавались. В отчёте о работе школ рабочей молодёжи Свердловской области за I-е полугодие 1944-1945 учеб. г., присланного в Управление школами рабочей и сельской молодёжи НКП РСФСР, отмечалось: учителей школ рабочей молодёжи можно разделить на четыре категории: 1) штатные учителя – их ничтожно мало, два-три человека в каждой школе; 2) учителя-совместители из школ всеобуча. Таких учителей большинство; 3) учителя-

совместители из бывших учителей. Они работали не по специальности. Их немного в школах. 4) совместители из инженерно-технических работников, не имевших педагогического образования. Все педагоги нуждались в методической помощи со стороны городских отделов народным образованием. Значительно лучше обстояли дела в школах сельской молодёжи. Данные школы находились при школах всеобща и уроки в них вели учителя школ всеобща [2, л. 44-45].

Таблица 2

Доля учителей– штатных работников в школах рабочей молодёжи Свердловской области в 1945 – 1951 гг.*

Учебные годы	Количество штатных работников
1945-1946	34,5
1946-1947	36,7
1947-1948	43,8
1948-1949	48,5
1949-1950	49,3
1950-1951	56,9

*Рассчитано по: ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 138. Л. 11; Д. 152. Л. 8; ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 8. Д. 34. Л. 20; Оп. 12. Д. 118. Л. 32.

Из данных табл. 2 видно, что число штатных учителей в школах рабочей молодёжи области с каждым годом увеличивалось. Проблема набора в школы учителей решалась следующим образом. Решениями правительства страны многим учителям было разрешено досрочно мобилизоваться из рядов Советской Армии. С каждым годом из стен вузов выходило всё большее количество учителей. В 1953 г. Совет Министров СССР предоставил льготы и повысил пенсии учителям школ рабочей молодёжи. Все это позволило добиться существенных изменений в увеличении и улучшении качественного состава учителей [25, с. 69-70].

Увеличение сети школ рабочей и сельской молодёжи в области требовало введения института контроля и методической помощи учителям вечерних школ. На основании постановления СНК СССР от 29 апреля 1945 г. «Об инспекторах школ», которое распоряжением СНК СССР от 11 января 1946 г.

распространилось и на инспекторов ШРМ И ШСМ и школ взрослых [16, с. 85]. Постановлением СНК СССР № 342 от 11 февраля 1946 г в аппаратах обл(край)оно и гороно республиканского подчинения создавался специальный сектор школ рабочей и сельской молодёжи, а в рай(гор)оно – устанавливалась дополнительная должность инспектора по школам рабочей и сельской молодёжи [10, л. 11]. В феврале 1946 г. в Свердловской области в областном отделе народного образования был организован сектор школ рабочей и сельской молодёжи. А в городских и районных отделах народного образования введена должность инспектора по этим школам [22, с. 10]. На совещании инспекторов и директоров школ рабочей молодёжи 22 августа 1946 года в г. Свердловске было принято решение о создании областных методических кабинетов школ рабочей и сельской молодёжи в крупных городах области, таких как Нижний Тагил, Каменск-Уральский и организацию городских методических кабинетов школ рабочей и сельской молодёжи [11, л. 6]. За первое полугодие 1946-1947 учебного года инспекторскими проверками было охвачено 25 районов Свердловской области, обследовано 47 школ рабочей молодёжи. Инспекторами облоно было заслушано 5 заведующих районными и городскими отделами народного образования. С 1 января 1947 г. по решению Свердловского облисполкома в районных и городских отделах народным образованием работали 53 инспектора. В Свердловском облоно в 1947 г. заведующим сектором по школам рабочей и сельской молодёжи был Б.Н. Князев, под его руководством работали шесть инспекторов [3, л. 7-8]. 16 августа 1947 года на основании постановления Государственной Штатной Комиссии сектор школ рабочей и сельской молодёжи был ликвидирован, руководство этими школами было возложено на школьный сектор облоно, на территориальных инспекторов. Из числа инспекторов были назначен один инспектор по школам рабочей молодёжи и один инспектор по школам сельской молодёжи. Через десять месяцев работы 1947-1948 учеб. г. выяснилось, что большая территория области и ограниченные ассигнования на деятельность инспекторов привели к тому, что достойного

контроля за деятельностью школ не велось. В 1947-1948 учеб. г. была осуществлена всесторонняя проверка школ в 3-х городах области – Каменск-Уральском, Алапаевске, Нижнем Тагиле, 5 районах области – Арамилском, Ирбитском, Белоярском, Камышловском, Сухоложском. В докладной записке от 17 мая 1948 г. инспектора по школам рабочей и сельской молодёжи облоно Б.Н. Князева заведующему облоно. Шишкину сообщалось, что в течение 1947-1948 учеб. г. школьный сектор проводил служебную аттестацию директоров семилетних и средних школ рабочей и сельской молодёжи области; директорам давались указания направленные на улучшение работы школ. Предлагалось территориальным инспекторам школьного сектора при выездах в города и районы области проверять предыдущие решения исполнительных комитетов советов народных депутатов и контролировать работу районных и городских отделов народным образованием в части работы школ рабочей и сельской молодёжи [30, д. 824, л. 24]. Одним из предложений, разработанных инспекторами ШРМ по итогам 1947-1948 учеб. г. было: 1. Восстановить в аппарате облоно сектор школ рабочей и сельской молодёжи. В городах и районах области, где имелось свыше трех школ рабочей и сельской молодёжи, назначить инспекторов районных и городских отделов по школам рабочей и сельской молодёжи. 2. Создать в Институте усовершенствования учителей в г. Свердловске кабинет ШРМ для повышения квалификации учителей школ [19, л. 58]. В последующие годы в Институте усовершенствования учителей Свердловской области осуществлялась работа с педагогами школ рабочей и сельской молодёжи. В 1949-1950 учеб. г. было проведено очно-заочное обучение учителей; состоялся семинар директоров ШРМ. На семинаре присутствовали 27 учителей из ШРМ и 30 учителей ШСМ Свердловской области. Всё это привело к значительному улучшению качества обучения. По сравнению с предыдущим учебным годом в 1949-1950 учеб. г. учителя школ сельской и рабочей молодёжи на уроках применяли наглядные пособия, выросло количество лабораторных и практических работ.

Учителя школ городов Свердловска, Ирбита, Дегтярска проводили экскурсии на производство [4, л. 11-12].

В школы рабочей и сельской молодёжи принимали такое количество учащихся, которое было указано в ежегодных решениях Свердловского облисполкома. Это приводило к активным действиям органов народного образования и администрации школ к стопроцентному выполнению плана приема обучающихся. В результате наблюдался очень большой отсев учащихся из школ, закрытие отдельных классов и школ по причине отсутствия обучающихся. За первое полугодие 1947-1948 учеб. г. не было ни одного района, где отсев учащихся из ШРМ был бы ниже 23%, а концу учебного года отсев еще больше увеличивался. Главными причинами отсева в справке секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова «О работе школ рабочей молодёжи» от 4 мая 1948 г. названы следующие: 1) В большинстве союзных республик и областей совершенно неудовлетворительно была организована массовая разъяснительная работа по набору учащихся в школы. 2) В ШРМ нарушались правила приёма. Часто в школы принимали без документов, по спискам, составленным комитетами комсомола предприятий и учреждений. Это выразилось в том, что, если поступающий не имел документа об образовании, его принимали с испытательным сроком. Как правило, все те, кто был принят с испытательным сроком, уходили из школы. Были случаи, когда в школы принимали со справкой об образовании заверенной руководством ремесленного училища, сельсовета или домоуправления. Такие случаи были в Ивановской, Омской, Челябинской и Свердловской областях [15, л. 16-17, 21-22]. Проанализировав работу школ рабочей и сельской молодёжи за 1947-1948 учеб. г. заведующий сектором школ рабочей и сельской молодёжи Б.Н. Князева в докладной записке заведующему Свердловским облоно писал о том, что необходимо отказаться от практики борьбы за выполнение народно-хозяйственного плана по контингентам учащихся школ рабочей и сельской молодёжи за счёт увеличения сети школ и открытия VIII–X классов. Пересмотреть в 1948-1949 учеб. г. существующую сеть школ рабочей и сельской молодёжи и

ликвидировать школы, насчитывающие от 30 до 40 учащихся и не имеющие перспектив в развитии [17, л. 24-25]. Практика набора учащихся в ШРМ с помощью административного подхода продолжалась. С одной стороны, борьба за выполнение плана по набору учащихся приводила к большому оттоку учащихся из школы, из-за того, что тщательно не проверялись документы о предыдущем уровне образования, не всегда учитывались пробелы в знании ученика, претендовавшего на обучение в школе. Но, с другой стороны, через связь с управленческими и комсомольскими организациями предприятий при наборе в школы устанавливались отношения: завод – школа, что в дальнейшем способствовало контролю за посещаемостью рабочим школы и помощи от предприятия, если она требовалась рабочему, совмещавшему учебную и трудовую деятельность. В июле 1950 г. Свердловское облоно провел 15-дневный областной семинар директоров средних школ рабочей молодёжи. Примером целенаправленной работы по формированию ученических коллективов в школе рабочей молодёжи была признана деятельность администрации Металлического завода им. А.К. Серова в г. Серове. Администрация, партийной или комсомольской организации предприятий выдавали направления рабочему для обучения в ШРМ. Направление содержало следующие положения:

«Администрация, партийная, комсомольская организации цеха _____ (предприятия) направляют в школу рабочей молодёжи тов. _____ Направляющие цеховые организации берут на себя обязательство оказывать содействие направляемому на учёбу для регулярного посещения им занятий и успешного обучения в школе, а направленный товарищ обязуется успешно заниматься в школе и соблюдать правила внутреннего трудового распорядка школы». Таких соглашений перед началом нового 1950-1951 учеб. г. было выпущено 500 экземпляров, они были переданы для распространения в сектор заводского комитета. Цеховые организации, получив направления, уже сами занимались вопросами отбора рабочих цеха на учёбу. На цеховом собрании с участием представителей школы поступавшим в школу подробно разъясняли условия

приёма, после чего, желающие учиться подавали на имя начальника цеха заявление о желании поступить в ШРМ. Затем, собрав от желающих учиться заявления, начальник цеха совместно с представителями партийных, комсомольских и профсоюзных организаций решали, кому из поступающих выдавать направления для поступления в школу [20, л. 4-6].

Еще одним примером успешной деятельности по сохранению учащихся в школе была отмечена школы № 10 г. Свердловска. В 1949-1950 учеб. г. из школы ушли 224 ученика. Это заставило педагогический коллектив и администрацию школы задуматься над сохранением состава учащихся. Учащимися в школе № 10 были рабочие завода транспортного машиностроения, подшипникового завода, Гормолзавода, Мельзавода № 2. На сессии Сталинского райсовета депутатов трудящихся и на заседаниях партийных комитетов заводов был поставлен вопрос о комплектовании ШРМ к новому 1950-1951 учеб. г. Был составлен план с точным количеством учащихся, которые пойдут в тот или иной класс; намечены по годам: число рабочих, оканчивающих 7-й и 10-й класс, а также размеры жилищной, учебной помощи, обязанности начальников цехов и других руководителей, а также формы контроля за выполнением этой работы. Школа составила внутренний план по сохранению континента. В план входили разделы: методическая работа, работа с предприятиями, работа с учащимся [27, с.11-13].

В это же время в письмезам. министра просвещения РСФСР Нечаева от 22 июля 1950 г. дополнились и уточнялись правила приёма учащихся в школы рабочей и сельской молодёжи. В школы принимались лица от 15 до 30 лет работающие на предприятиях и других промышленных организациях. В начальные классы принимали не работающих, если они по своему возрасту не подлежали обучению в начальных классах школ всеобуча. Лица, не предоставившие при приёме в школу документов об образовании, подвергались вступительным испытаниям в 5-10 классы, если они имели перерыв в обучении один год. Испытания проводились в форме письменной работы по русскому языку и математике [14, л. 145]. В Свердловской области при поступлении в ШРМ и ШСМ подавали следующие

документы: личное заявление, направление в школу с предприятия или организации, где работали желающие поступить в школу, или справку с места работы, а также документ об образовании. В 1950-1951 учеб. г. приём заявлений продлился до 28 августа, что нарушало сроки подачи заявлений, предусматривавшие окончание порядка набора до 15 августа в ШРМ и до 15 октября – в ШСМ. Для всех вновь поступающих учиться, имевших длительный перерыв в обучении, проводились консультации, но в некоторых районах области в связи с уборкой урожая в колхозах вступительные экзамены не состоялись.

В 1945-1946 учебном году в школах рабочей и сельской молодёжи РСФСР и Свердловской области училось большое количество учащихся в возрасте 14 и 15 лет. Об этом свидетельствуют данные Управления школ рабочей и сельской молодёжи и школ взрослых Министерства просвещения РСФСР за 1945-1946 учебный год. Так, в ШРМ в указанном учебном году учащиеся до 14 лет составляли 2,6%, 14 лет – 7,9 %, 15 лет – 16,5 % (всего 27 % от общего числа учащихся). В ШСМ соответственно: до 14 лет – 12%, 14 лет – 19,4 %, 15 лет – 26% (итого 57,3%) [1, л. 13, 15]. Это связано с тем, рожденные в 1930 - 1934 гг. не получили начальное образование в годы войны, они поступали в ШРМ и ШСМ. Среди набора в школы в рабочей молодёжи в 1949-1950 учеб. г. учащиеся в возрасте от до 14 лет и до 15 лет составляли всего 15,2%. Наибольшее количество учащихся ШРМ, составлявшее 69,4%, были в возрасте от 16 до 22 лет, в ШСМ – 64, 6% [12, л. 106]. В 1950-1951 учеб. г. учащиеся от 14 до 15 лет в ШРМ составляли 13, 4%, в ШСМ – 18. 6%. В возрасте от 16 до 22 лет было 69,1% от общего количества обучающихся [20, л. 11]. Группа учащихся в возрасте от 16 до 22 лет оказалась самая наибольшая. Количество учащихся в возрасте до 14 лет и от 14 до 15 лет сократилось.

Одной из причин большого количества учащихся возрастной группы от 16 до 22 лет в ШРМ и ШСМ стал приём в течение 1950-1951 учеб. г. учащихся из школ всеобуча. Их отчисляли из детских школ по причине неуспеваемости.

Подобная практика была приостановлена приказом Министерства просвещения РСФСР от 9 ноября 1955 г., в котором категорически запрещалось районным отделам народного направлять в школы рабочей молодёжи юношей и девушек, отчисленных из массовых школ по неуспеваемости или за нарушения школьной дисциплины [16, с. 85]. Также выросло количество учащихся от 16 лет, имевших перерыв в обучении от 2-10 лет. Значительная часть таких учащихся приходилась на возраст от 16 до 30 лет, что совпадало с возрастным составом учащихся школ рабочей и сельской молодёжи РСФСР в 1949-1950 учеб. г. В работе А.А. Фишевой указано, что на начало 1949-1959 учеб. г. учащихся в возрасте до 14 лет было всего 0,87% учеников ШРМ, с 14 до 18 лет удельный вес учащихся составил 45,1%, на возраст от 18 лет и более приходилась 54, 01%. По ШСМ на возраст до 14 лет приходилось наименьшее количество учащихся - 4,3%, 62,7% составили учащиеся в возрасте от 14 до 18 лет, с 18 лет- 32,96% [31, с. 232 - 233]. Наличие большой группы учащихся в возрасте от 16 лет до 30 лет было связано с военными условиями, когда молодёжь не могла продолжать обучение в школе. Одна часть учащихся оставили детские школы и ушли на производство, другая часть возвращалась в школы в течение нескольких послевоенных лет, отслужив в рядах Вооружённых сил. Учащиеся указанных возрастных групп были слабо подготовлены, имели недостаточно знаний. И одной из главных направлений деятельности школы стала ликвидация имевшихся пробелов в знаниях.

Анализ статистических данных по Свердловской области показывает, что с 1946 по 1956 гг. происходил неуклонный рост количества школ рабочей и сельской молодёжи и численность обучающихся в них.

Таблица 3

**Количество школ рабочей и сельской молодёжи и
обучавшихся в них с 1943 по 1956 гг. в Свердловской области***

	Школы рабочей молодёжи	Количество учащихся на начало учебного года	Школы сельской молодёжи	Количество учащихся на начало учебного года
1943-1944	85	13000		3700
1944-1945	93	12509	71	1948
1945-1946	96	14749	68	6038
1946-1947	113	18701	115	4275
1947-1948	107	15121	168	5210
1948-1949	108	19240	256	5982
1949-1950	113	21409	263	5480
1950-1951	115	(27 000) 23416	241	4904 (5000)
1951-1952	193	43290	288	
1954-1955	172			
1955-1956	180		120	3000

*Составлено по: ГАСО Ф. 233. Оп. 3. Д. 73. Л. 55; Д. 152. Л. 2; ЦДООСО Ф. 61. Оп. 12. Д. 118. Л. 1; Д. 118. Л.8, 17, 22; Культурное строительство на Среднем Урале (1941-1977): сб. документов. Свердловск, 1987. С.53.

К концу 1950-х годов в образовательном уровне советского рабочего класса произошли огромные изменения. В его составе удельный вес работников с неполным средним, средним и высшим образованием увеличился с 8,2 % в 1939 г. до 38,6% в 1959 г. В то же время более 60% рабочих не имели семилетнего образования, а каждый пятый не окончил начальной школы. Причем уровень образования молодых рабочих был в ряде случаев ниже (например, в возрастной группе 25-29 лет), чем образовательный ценз всех рабочих. Это объяснялось некоторым замедлением образовательного роста населения, вызванным войной, серьезными недостатками в осуществлении семилетнего всеобуча, а также слабой организаторской и разъяснительной работой по привлечению трудящейся

молодёжи к учебе без отрыва от производства [28, с. 10 - 11]. В Свердловской области на начало 1959 г. около 500 тыс. молодых людей в возрасте от 16 до 29 лет не имели семилетнего образования. Образовательный уровень был несколько выше, чем в других территориях, но уступал общероссийским показателям [28, с. 181 - 182]. Основную роль в этом процессе сыграли школы рабочей и сельской молодежи, которые прошли достаточно короткий путь своего становления.

ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5230.

2. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д. 5205.

3. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 233. Оп. 3. Д. 138.

4. ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 152.

5. ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 157.

6. ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 158.

7. ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 42.

8. ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 68.

9. ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 73.

10. ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 70. Д. 5192.

11. ГАСО. Ф. 233. Оп. 3. Д. 36.

12. Закон СССР «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства (на 1946—1950 годы)» [Электронный ресурс] URL:<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=card;page=splus;ts=D1CECF3541083BC20A1327B70E22C90base.consultant.ru/>. (дата обращения 02.09.2015 г.)

13. Культурное строительство на Среднем Урале (1941-1977): сб. документов. Свердловск, 1987.

14. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 261.

15. РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 193.

16. Сборник руководящих материалов по обучению молодёжи и взрослых. М., 1957.

17. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 61. Оп. 8. Д. 824.

18. ЦДООСО Ф. 61. Оп. 8. Д. 34.

19. ЦДООСО Ф. 61. Оп. 12. Д. 118.

20. ЦДООСО Ф. 61. Оп. 12. Д. 118.

ЛИТЕРАТУРА

22. Балов Н.Н. Развитие вечернего и заочного общего образования в РСФСР (1919-1967 гг.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1972.

23. Гольдштейн Э.Н. Деятельность КПСС по подъему общеобразовательного уровня рабочего класса (1959-1965 гг.) По материалам Свердловской и Пермской области): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Пермь, 1968.

24. Колтаков Г. Школа и завод. Школа рабочей молодёжи (Выпуск первый). Свердловск [б.и.], 1953.

25. Крючков М.Т. Партийное руководство подъёмом культурно-технического уровня рабочего класса Урала в 1946-1958 гг. // Роль партийных организаций Урала и Западной Сибири в развитии народного образования и культуры: сб. ст. Свердловск, 1981.

26. Либерман М.Х. Совнархоз и школы рабочей молодёжи // Каждому рабочему - среднее образование. Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1962.

27. Луканина З. Работа по сохранению контингента учащихся. Школа рабочей молодёжи. Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1953.

28. Мартюшов Л.Н. Промышленные рабочие Урала в 1955-1985 годах (историко-экономический аспект). Екатеринбург: УрГПУ, 1999. 242 с.

29. Митрофанова А.В. Рабочий класс в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971. 576 с.

30. Федченко М.Н. Культура и быт молодежи Урала (1945-1960 гг.). Курган: Изд-во Курган. Гос. Ун-та, 2014. 246 с.

31. Фишева А.А. Общее образование взрослых на территории РСФСР в 1930-1950-е гг.: дис. ...канд. истор. наук. СПб, 2014.

32. Чуфаров В., Горбушова Д. От неграмотности к вершинам культуры. Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1963.

УДК 314.7. 72

ББК 63.3

ГСНТИ 05.11.27

Черезова Оксана Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент; Уральский государственный лесотехнический университет; 620032 г. Екатеринбург, ул. Сибирский тракт, 37; e-mail: okssch@mail.ru

МИГРАЦИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1960-70-Е ГГ.: ДИНАМИКА И ПРИЧИНЫ

Аннотация. В статье проанализированы динамика и причины миграций сельского населения Свердловской области в 1960-70-е гг. XX в. и влияние миграций на численность и возрастной состав населения села. Показано, что сельское население области к этому времени исчерпало себя, как источник формирования городского населения.

Ключевые слова: сельское население, миграции, сселение «неперспективных деревень», возрастная структура населения, численность населения.

Tcherezova Oksana Gennadyevna, candidate of historical science, associate Professor of the economic theory, Ural state forestry University, Yekaterinburg

DYNAMICS AND CAUSES OF MIGRATION OF THE RURAL POPULATION OF THE SVERDLOVSK REGION IN 1960-70-IES. Of the twentieth Century

Abstract. The article analyzes the dynamics and causes of migration of the rural population of the Sverdlovsk region in the 1960-70s of the XX century and the impact of migration on the number and age composition of the population of the village.

Keywords: the rural population, migration, the relocation of "unpromising villages", the age structure of the population, population.

За последнее столетие Россия превратилась в высокоурбанизированную державу. Если в 1926 г. на долю городского населения приходилось всего 18 %, то к 1989 г. в

городах и поселках городского типа проживало уже 73 % населения [11]. Одним из наиболее урбанизированных регионов страны является Урал, в первую очередь его индустриальные области – Свердловская, Пермская и Челябинская. В Уральском федеральном округе самый высокий удельный вес горожан во всем населении имеет Свердловская область (88 % всех жителей) [11]. Основным источником пополнения населения городов была миграция [5, с. 56 - 65; 6, с. 82 - 101; 7, с. 201 - 206]. Попробуем рассмотреть, как выглядела динамика миграций из сельской местности в города Свердловской области на протяжении 1960-70-х гг. – период довольно интенсивного оттока населения из села в город.

Главной тенденцией миграций не только на Урале, но и в целом в СССР в течение XX в. является переселение из сел в города [4, с. 5]. По подсчетам исследователей, в течение века городское население и России и СССР увеличилось более чем в 10 раз. Примерно половина его прироста пришлась на 1960-80-е годы – в России каждый второй новый горожанин в это время был мигрантом. Миграция обеспечила рост городского населения России на 8 млн чел. в 1960-е, на столько же в 1970-е и на 5,5 млн. – в 1980-е годы [4, с. 5]. При этом миграции носили, чаще всего, ступенчатый характер: сельское население обычно переезжало в малые и средние города и на новостройки, а жители малых и средних городов, особенно молодежь, в свою очередь, - в крупные города, где размещены учебные заведения, где всегда имеются свободные рабочие места, тогда как в малых городах сфера приложения труда ограничена узкой специализацией [8].

Многие исследователи при этом отмечают гипертрофированный характер оттока сельского населения в города, обусловленный как низким уровнем социально-экономического развития сельской местности, так и непродуманной политикой государства [9].

Обработка данных по миграции из села связана с определенными трудностями. Регистрация мигрантов в сельской местности была введена с 1953 г., статистическая обработка данных отрывных талонов по селу проводилась с 1960 г. Однако

в тех районах, где отсутствовала паспортная система, регистрировались не все мигранты. А поскольку процесс паспортизации сельских районов проходил в длительные сроки и растянулся с конца 1950-х до середины 1970-х гг., когда было принято постановление о введении паспорта нового образца [12, с. 12 - 13], данные отчетов о миграциях этого периода не всегда являются полными. Но основные тенденции по этим сводкам можно проследить. Наиболее полно из трех областей индустриального Урала представлены материалы именно по Свердловской области. В сводках за 1960-е – 70-е гг. отражены сведения о миграциях населения практически по всем сельсоветам области [1. Оп. 11].

В результате миграций численность сельского населения региона в течение 1950-х – 80-х гг. весьма заметно сократилась. Только с 1960 по 1974 гг. (время наиболее интенсивных миграций из села в город, когда отток населения составил 1764,4 тыс. человек) [10, с. 17].

На протяжении всей второй половины XX в. сельская местность Свердловской области теряла население за счет миграций. Если отсутствие паспортов в сельской местности еще сдерживало поток мигрантов из села, то введение паспортизации сельских районов привела к тому, что поток мигрантов в начале стремительно увеличивался. Если в 1960 г. село Свердловской области потеряло за счет миграций более 4 тыс. человек, то в 1964 г. – более 2 тыс., а в 1969 г. – более 11 тыс. человек [1. Оп. 11]. Но в 1970-е гг. этот процесс слегка приостановился, потери населения за счет этого оттока начали сокращаться. В 1972 г. потери села составили 6395 человек, в 1973 – 4610 человек, в 1976 г. – 1925 человек [1. Оп. 11].

Сокращение потока мигрантов можно объяснить разными причинами. С одной стороны, в 1970-е гг. наблюдалось некоторое улучшение условий труда и повышение уровня жизни в сельской местности. Проводилась механизация работ, вводился новый распорядок дня – в две смены и с двумя выходными днями, тогда как ранее рабочий день крестьян начинался в 4 или 6 часов утра и заканчивался в 7-8 часов вечера. Работникам ферм предоставлялся всего один выходной в

неделю, либо выходных не было вовсе [2. Ф. 4. Оп. 72. Д. 119. Л. 9; Д. 133. Л. 61]. Повысился уровень оплаты труда, хотя заработная плата на селе оставалась ниже, чем в городах. В начале 1960-х гг. средний заработок колхозников составлял 57 руб. в месяц, в 1965 г. – 65 руб., в 1970- 74,9 рублей, [2. Ф. 4. Оп. 67. Д. 161. Л. 25] работников совхозов – 103 руб. (3. С. 434 - 435). В 1965 г. был принят закон о пенсионном обеспечении бывших членов колхозов, несколько повысивший уровень пенсионного обеспечения колхозников. В 1965 г. большинство колхозников Свердловской области получали пенсию от 9 до 12 руб. в месяц, в 1975 г. минимальная пенсия по старости для колхозников составляла 20 рублей, в целом на селе – 38, 25 руб. [1. Оп. 11. Д. 668. Л. 83]

С другой стороны, определенную роль в сокращение оттока населения из сельской местности сыграл процесс изменения возрастной структуры селян. Основной контингент мигрантов составляли люди в возрасте от 18 до 30 лет. Доля выбывших из села в возрасте 18-19 лет по области в разные годы колебалась от 5 до 14%, в возрасте 20-24 года – от 18 до 24 %; в возрасте 25-29 лет – от 5 до 14 %. [1. Оп. 11]. Данные возрастные группы наиболее мобильны, молодежь уезжала из села на учебу, службу в армии, искала более высокооплачиваемую работу. На протяжении второй половины XX в. продолжала увеличиваться численность и росла доля селян в возрасте старше трудоспособного. Если в 1960 г. она составляла 13%, то в 1973 г. – 19% [1. Оп. 11. Д. 125. Л. 131; Д. 636. Л. 1].

С третьей стороны, миграционные процессы среди сельского населения в этот период были связаны с проводимой политикой сселения так называемых «неперспективных» деревень, пик которой пришелся на 1960-70-е гг. Качественный перелом в политике сселения наступил в конце 1960 х гг. Ликвидация малых деревень выдвигалась на первый план и рассматривалась как основной инструмент преобразования сельской местности [9]. В результате этой политики тысячи человек вынуждены были покидать прежнее место жительства. С карты исчезали сотни мелких населенных пунктов. Только в пригородном районе Свердловской области на протяжении

1960-х гг. из 141 населенного пункта осталось 108 [2. Ф. 4. Оп. 83. Д. 127]. Всего, по материалам банка данных «Города и села Среднего Урала в XX веке», из 2807 постоянных населенных пунктов, расположенных в сельских районах Свердловской области, в 1930— 1980-е гг. исчезли по разным причинам 1 267 поселений, т. е. 45,1 % [9]. Наступление на «неперспективные» деревни начиналось с закрытия школ, медицинских пунктов, магазинов. Это приводило к усилению оттока трудоспособного населения и особенно молодежи. Через несколько лет деревня действительно умирала [9].

В 1970-х гг. сселение пошло на убыль, вследствие чего, и отток мигрантов из села несколько уменьшился. Но сокращение сельского населения продолжалось, хотя и более низкими темпами.

Таким образом, в результате миграционных процессов сокращалась численность сельского населения области. Если в 1956 г в сельской местности Свердловской области проживало 978 тыс. человек, в 1965 г. - 906,5 тыс., в 1975 г. – 705,6 тыс., а к началу 1980-х гг. численность селян сократилась до 663, 4 тыс. человек [8, с. 138 - 144]. Продолжалась также деформация возрастной структуры населения села, в результате чего к концу 1980-х оно начало сокращаться уже в результате отрицательного естественного прироста. К концу 1970-х гг. сельская местность Свердловской области, как впрочем и остальных индустриальных областей Урала, окончательно исчерпала себя как источник пополнения городского населения.

ИСТОЧНИКИ

1. Государственный архив Свердловской области. Ф. 1813.
2. Центр документации общественных организаций Свердловской области.
3. Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987.

ЛИТЕРАТУРА

4. Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы. Электронный ресурс. [CyberLeninka.ru>article...naseleniya-sssr...rossii-v](http://CyberLeninka.ru/article...naseleniya-sssr...rossii-v)

5. Корнилов Г.Е. Миграции сельского населения Урала в XX веке // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. IX-XX вв. Тамбов: Тамб. ун-т химич. машиностроения, 2000. С. 56-65.
6. Корнилов Г.Е. Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2011. № 1. С.82-101.
7. Корнилов Г.Е. Социально-демографическое положение в уральской деревне в 1960-1980-е гг. // Многоконцептуальность в науке. Екатеринбург: изд-во УМЦ-УПИ, 2011. С. 201-206.
8. Кузьмина А.Я., Корнилов Г.Е., Оруджиева А.Г. Население Урала. XX век. Проблема демографического развития. Екатеринбург, 1996. 212 с.
9. Мазур. Л. Н. «Исчезающая» деревня: сселение неперспективных деревень в Свердловской области в 1970—1980 е гг. Электронный ресурс refdb.ru/look/1257807.html
10. Миграция сельского населения Уральского района. Отчет института экономики АН СССР. Свердловск, 1976.
11. Оруджиева А.Г. Развитие системы городов Урала в XX столетии. Электронный ресурс. Электронная версия научно-информационного журнала ©УИУ РАНХиГС, 2011-2014 municipal.uara.ru/ru/issue/2014/01/09/...
12. Попов В.П. Паспортная система в СССР (1932-1976 гг.// Социологические исследования. 1995. № 9.

УДК 314; 93/94

ГСНТИ 03, 05

ВАК 07.00.02

Сумачева Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры правового и документационного обеспечения управления; ФГАОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»; 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11; e-mail: marina_surina@mail.ru

**ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ НА УРАЛЕ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.:
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ВСЕСОЮЗНЫХ
ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 1959, 1979 И 1989 ГГ.**

Аннотация. Статья посвящена особенностям этноязыковых процессов, протекавших в Уральском регионе во второй половине XX века. Проанализированы программы Всесоюзных переписей населения в части национального состава и владения языками, выявлена связь этноязыковых процессов с ассимиляционными процессами и государственной политикой в отношении народов (этносов и этнических групп).

Ключевые слова: народ, национальный язык, перепись населения, этноязыковые процессы, государственная политика, ассимиляция

**ETHNIC AND LINGUISTIC PROCESSES IN THE URALS
IN THE SECOND HALF OF XXTH CENTURY:
ETHNOLOGICAL MONITORING OF THE ALL-UNION
CENSUSES OF POPULATION IN 1959, 1979 AND 1989.**

Abstract. The article focuses on the features of ethnic and linguistic processes flowing in the Ural region in the second half of XXth century. The programs of the All-Union censuses of population are analyzed in part of national composition and possession languages, connection of ethnic and linguistic processes is educed with assimilatory processes and public policy in regard to people (ethnos and ethnic groups).

Keywords: ethnos and ethnic groups, national census, ethnic and linguistic processes, public policy, assimilation

Перепись населения была и до сих пор остается важнейшим, а в большинстве регионов страны единственным источником информации о происходивших этнокультурных процессах. Для историка переписи населения прошлых лет – важнейший статистический источник по изучению динамики этнокультурных процессов в регионе, влиянию миграционных процессов и государственной политики на состояние этнических культур. Исследование этноязыковых процессов предыдущей эпохи позволяет существенно дополнить общую картину общественно-политического развития страны, определить причины, динамику, региональные особенности угасания национальных языков.

Урал на протяжении второй половины XX века отличался стабильностью этнического состава населения. Как показали переписи, на протяжении всего рассматриваемого периода каких-либо существенных сдвигов в пропорциональном соотношении народов не происходило, но четко проявились тенденции к утрате важнейшего элемента национальной культуры - этнического (национального) языка. Длительное время отношение к проблеме сохранения и функционирования национальных языков определяло национальную политику государства, становилось индикатором взаимоотношения государственной власти и «национальных меньшинств», а также состояния этнической жизни общества в целом.

Основными для изучения этноязыковых процессов являются статистические таблицы «Распределение населения по национальности и родному языку», «Распределение населения по национальности и второму языку», «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР», «Распределение всего и занятого населения отдельных национальностей по возрасту и уровню образования», входящие в состав переписных форм фактически всех переписей второй половины XX века. Эти статистические данные позволяют проследить взаимосвязь

этнодемографических процессов с состоянием этнокультурного развития населения, с уровнем знания национальных языков.

В частности, таблица «Распределение населения по национальности и родному языку» содержит статистическую информацию об общей численности представителей различных народов и численности из них людей, считающих свой национальный язык родным. Эти данные позволяют определить этнический состав населения и уровень владения своим языком, уровень развития этнического самосознания [8, д. 1566-б, 1566-в, 6192, 6195, 6197, 6199, 6202, 6203; 3].

Форма «Распределение населения по национальности и второму языку» использовалась при переписи населения 1970, 1979 и 1989 гг., причем в 1970 г. формы «Распределение населения по национальности и родному языку» и «Распределение населения по национальности и второму языку» были слиты в одну. Эта таблица дополняет картину этноязыкового развития населения Урала, поскольку приводит данные о развитии билингвизма в регионе, о владении вторым языком – русским либо национальным – не в качестве родного. Таким образом, выявляется уровень функционирования национальных языков в рамках семьи, что очень важно в условиях, когда основным языком общения в социально-профессиональной сфере является русский. Сравнение данных этой таблицы с данными таблицы «Распределение населения по национальности и родному языку» выявляет уровень этнического самосознания населения различных этнических групп [8, д. 6192, 6195, 6197, 6199, 6202, 6203; 5].

Переписи населения показали, что особенно негативно национальная политика государства сказалась на довольно многочисленных на Урале евреях и немцах. Во многом по политическим мотивам государство активно препятствовало созданию благоприятных условий для этнокультурного развития этих народов. Лишенные возможности сохранить и развивать свою культуру, они стремительно начали терять навыки общения на своем национальном языке. Негативную тенденцию отразили переписи населения (см. табл. 1).

Таблица 1

**Численность немцев Урала, считавших родным языком
немецкий (по материалам переписей населения
1959, 1979 и 1989 гг.)
Относительные данные на 1000 чел.***

	Курганская обл.	Оренбургская обл.	Пермская обл.	Свердловская область	Челябинская обл.	Башкирская АССР	Удмуртская АССР
1959	585	786	695	665	562	601	784
1979	334	686	412	373	355	494	526
1989	331	658	324	334	331	469	427

* Рассчитано по: 8. Д. 1566-б. Л. 1-2, 81-82; Д. 1566-а. Л. 134.; 6, с. 130-134; 4. Л. 9-18.

Наибольшее количество немцев считало свой национальный язык родным там, где располагались компактные немецкие поселения – в Оренбургской области. Они позволяли, насколько это было возможно в сложившихся политических условиях, сохранять культуру и язык. Стремительно теряли языковые навыки немцы в областях с особенно высокой удельной долей русского населения – в Свердловской и Пермской, а также в Курганской областях, где их доля была низкой, а расселение – дисперсным. Каждое последующее поколение уральских немцев теряло навыки общения на своем языке. В Свердловской области, где немцы занимали по численности четвертое место, из 1000 представителей немецкой национальности в возрасте 60 лет и старше лишь 646 человек назвали немецкий своим родным языком, в возрасте 40-59 лет – 362 человека, в возрасте 20-39 лет – 187 человек, в возрасте 10-19 лет – 121 человек [2, л. 10].

Ликвидация еврейских культурно-образовательных учреждений и религиозных организаций в сочетании с высокой степенью занятости евреев в индустриальном строительстве в советский период обеспечили отход евреев от национальных традиций и утрату родного языка (см. табл. 2).

Таблица 2

**Численность евреев Урала, считавших родным языком
еврейские диалекты
(по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг.).
Относительные данные на 1000 чел.***

	Оренбургская область	Свердловская область	Челябинская область
1959	204	107	151
1979	143	77	102
1989	108	82	101

* Рассчитано по: 8, д. 1566-б. Л. 1-2, 81-82; Д. 1566-а. Л. 134.; 6, с. 130-134; 3, л. 9-18; 4.

Данные таблицы 2 показывают, что процессам аккультурации особенно было подвержено еврейское население Свердловской области – уровень языковой ассимиляции в Свердловской области был выше, чем в Оренбургской и Челябинской областях, и отличался стабильным ростом: если в 1959 г. еврейские диалекты в качестве родного языка признавало 10,7% евреев области, то в 1989 г. – лишь 8,2%. По данным переписи населения 1989 г., на 1000 евреев в возрасте 60 лет и старше приходилось всего 112 человек, считавших свой язык родным языком, и 61 человек свободно владел им в качестве второго языка; для возрастной группы 40-59 лет эти показатели составляли соответственно 55 и 16; 20-39 лет – 77 и 16; 10-19 лет – 52 и 11 [2, л. 9]. Еврейское население Пермской области долгое время отличалось большей консервативностью, но и здесь процессы аккультурации приобрели значительные масштабы [11, с. 186-187]. В итоге в рассматриваемый период наблюдалось резкое сокращение численности евреев, считавших свой национальный язык родным языком.

Сложная этноязыковая ситуация наблюдалась и у народов Уральского региона, принадлежавших к финно-угорской и тюркской языковым группам. Политика государства по отношению к ним была, несомненно, мягче, чем к немцам и

евреям, но все же даже просто отсутствие государственной поддержки развития национальных культур, как показала практика, может негативно повлиять на этноязыковую ситуацию. Наличие у большинства этих народов своих национально-территориальных образований в границах СССР несколько «смягчало» положение с сохранением и развитием национальных языков, но, тем не менее, негативные тенденции коснулись и их.

Близость культур, многовековое чересполосное проживание и совместное миграционное движение с русскими не могли не отразиться на национально-культурном развитии финно-угорских народов. Усилившиеся в советский период ассимиляционные процессы оказали негативное влияние на этноязыковую ситуацию (см. табл. 3).

Таблица 3

Численность народов Уральского региона угро-финской языковой группы, считавших родным язык своей национальности (по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг.).

Относительные данные на 1000 чел.*

	1959	1979	1989
Марийцы	834	839	785
Мордва	595	600	570
Удмурты	871	700	659
Коми-пермяки	584	638	580

* Рассчитано по: 8, Д. 1566-6. Л. 1, 81, 106, 184; Д. 1566-а. Л. 46, 134, 157; 6, с. 478-526.

Некоторое сокращение численности населения, считающего свой национальный язык родным языком, произошло в период 1959-1989 гг. среди удмуртов (с 87,1% в 1959 г. до 65,9% в 1989 г.), марийцев (с 83,4% до 78,5%) и мордвы (с 59,5% до 57% соответственно).

Большой интерес для изучения этноязыковой ситуации представляет возрастной аспект. Активные миграционные процессы и усиление культурно-языковой ассимиляции приводили в рассматриваемый период к тому, что каждое последующее поколение нерусского населения, лишенное

благоприятных условий для этнокультурного развития, теряло навыки общения на своем национальном языке даже на бытовом уровне. Эти процессы у финно-угорских народов Урала можно рассмотреть на примере марийцев и удмуртов Свердловской области. По данным переписи населения 1989 года, численность марийцев, считающих свой национальный язык родным, от поколения к поколению неуклонно снижалась: если на 1000 представителей этой национальности в возрасте 60 лет и старше приходилось в среднем 907 человек, считавших марийский язык для себя родным, и 24 человека свободно им владели в качестве второго языка, то у возрастной группы 40-59 лет эти показатели составляли соответственно 853 и 45; 20-39 лет – 761 и 51; 10-19 лет – 642 и 27. Аналогичные показатели у удмуртов области были значительно ниже и составляли: в возрастной группе 60 лет и старше – 733 и 71; 40-59 лет – 634 и 113; 20-39 лет – 460 и 84; 10-19 лет – 287 и 41 (2, л. 6, 8). Разница в уровне владения национальным языком между марийцами и удмуртами Свердловской области объясняется «индивидуальными особенностями» ее этнодемографической картины: в сельских местностях на юге и юго-западе (в частности, в Красноуфимском, Артинском и Ачитском районах [7, с. 167]. расположены национальные поселения марийцев, способствовавшие сохранению национального языка, и снижение уровня владения им от поколения к поколению в данный период отличалось плавным характером именно благодаря наличию этих поселений. Удмурты же расселялись по области достаточно дисперсно в основном в городских поселениях и подверглись более сильной языковой ассимиляции.

У тюркоязычной группы переписи отразили несколько более благополучную этноязыковую ситуацию, что было связано, прежде всего, с этноконфессиональными различиями между большинством тюркоязычных народов России и славянскими народами.

Таблица 4

**Численность народов Уральского региона тюркской языковой группы, считавших родным язык своей национальности (по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг.).
Относительные данные на 1000 чел.***

	1959	1979	1989
Татары	926	844	801
Башкиры	704	709	692
Казахи	889	912	885

* Рассчитано по: 8, д. 1566-6. Л. 1, 81, 106, 184; Д. 1566-а. Л. 46, 134, 157; 6, с. 478-526.

Из приведенной выше таблицы 4 видно, что процесс отхода от национального языка в качестве родного в тюркской языковой группе усилился в период 1979-1989 гг.: если в 1959 г. 92,6% татар признали свой национальный язык родным, то в 1989 г. этот показатель снизился до 80,1%, у башкир - с 70,4% до 69,2% соответственно.

Этноязыковая ситуация у чувашей Урала оказалось сложнее. За изучаемый период доля чувашей, считавших свой язык родным, медленно, но постоянно сокращалась. Занимая в этнокультурной картине Урала некое «промежуточное» положение между тюркоязычными и угро-финскими народами, в течение нескольких столетий впитывая лингвистические особенности обеих языковых групп, чуваша были чрезвычайно подвержены этнокультурному в целом и этноязыковому в частности влиянию преобладающей этнической группы района проживания. Как правило, чуваша были двуязычны (в областях с преобладанием русского населения), а в республиках – трехязычны, кроме чувашского и русского свободно владея языком «титულიной» нации республики. Так, по данным переписи населения 1989 г., в Башкирской АССР башкирский язык считали родным 163 представителя чувашской национальности, свободно им владели 779 чувашей. В Удмуртской АССР, где влияние русской культуры было сильнее, чем удмуртской, к 1989 г. родным удмуртский язык

назвали лишь 4 чуваша, а свободно им владели 7 чувашей, в то время как русский язык родным был для 1315 чувашей (что составляло 41,4 % всех представителей этой этнической группы республики), а свободно им владели 1783 чуваша (56,1 %) (6, с. 520).

Казахи, по сравнению с башкирами, татарами и чувашами, составляли сравнительно небольшую по численности тюркоязычную этническую группу на Урале и в течение длительного времени компактно расселялись на юге региона, преимущественно в Курганской, Оренбургской и Челябинской областях. Компактность проживания и весьма ограниченное участие в миграционных процессах, с одной стороны, позволяли казахам сохранять свой язык, с другой – не мешали овладению русским языком в качестве второго. Так, даже в Свердловской области, отличающейся самой высокой удельной долей русского населения в Уральском регионе, по данным переписи 1959 г. 83,6 % казахов назвали свой национальный язык родным языком, и лишь для 15,2 % казахов родным языком являлся русский. По данным переписи 1989 г. по области 78,2 % казахов считали свой язык родным, а 3,1 % свободно им владели (Рассчитано по: 8, д. 1566-б. Л. 1; 4; 5).

Наиболее сложная этноязыковая ситуация сложилась у этнических групп, культурно наиболее близких к русской, а потому особенно сильно подверженных ассимиляции – у белорусов и украинцев (см. табл. 5).

Таблица 5

**Численность украинцев и белорусов Уральского региона, считавших родным язык своей национальности (по материалам переписей населения 1959, 1979 и 1989 гг.).
Относительные данные на 1000 чел.***

	1959	1979	1989
Украинцы	492	425	411
Белорусы	376	358	338

* Рассчитано по: 8, д. 1566-б. Л. 1, 81, 106, 184; д. 1566-а. Л. 46, 134, 157; 6, с. 478-526.

Как видно из приведенных статистических данных, доля украинцев и белорусов, считающих свой национальный язык родным языком, от переписи к переписи сокращалась, однако доля владеющих своим национальным языком в качестве второго у этих национальных групп оставалась высокой. Это объясняется отнюдь не наличием специальных условий для их культурно-национального развития или конфессиональной замкнутостью, а активным участием в миграционных процессах. Уральский регион в советский период регулярно «пополнялся» представителями украинской и белорусской этнических групп, которые, естественно, знали свой язык с детства и считали его родным. Но последующие поколения украинцев и белорусов, родившихся на Урале уже в 1970-е годы, теряли навыки общения на своем языке. Этот процесс в полной мере отражен в материалах переписи населения 1989 г. По данным Свердловского областного комитета по статистике, в области к 1989 г. на 1000 украинцев в возрасте 50-60 лет (т. е. 1929-1939 годов рождения) приходилось в среднем 440 человек, считавших украинский язык родным, и 190 человек владели им в качестве родного. Для украинцев, родившихся в 1940-60-х гг. эти показатели составляли соответственно 411 и 158 человек. Это те поколения граждан украинской национальности, которые принимали активное участие в миграционных процессах. Ко второй половине 1970-х годов миграционная активность украинцев, как, впрочем, и русских, резко снижается [1, с. 135], и это не могло не отразиться на этноязыковой ситуации: если свой национальный язык считали для себя родным к 1989 г. 26,5 % 18-19-летних украинцев и 5,9 % свободно им владели в качестве родного (что уже в 2 раза ниже вышеприведенных показателей по средним и старшим поколениям), то на 1000 10-17-летних подростков украинской национальности приходился лишь 201 человек, для которого национальный язык был родным, и 77 человек свободно им владели [2, л. 3].

Аналогичные языковые процессы происходили и в белорусской этнической группе. Доля владевших своим национальным языком белорусов неуклонно снижалась. Миграционные потоки послевоенных лет принесли на Урал

значительную часть населения белорусской национальности, говорившей на своем языке с детства и считавшей его родным. По данным переписи населения 1989 г. по Свердловской области из 1000 белорусов старшего поколения - 1930-40-х годов рождения - свой национальный язык считали родным в среднем 413 человек и 129 свободно им владели; у среднего поколения белорусов (1950-60-х годов рождения) эти показатели составляли соответственно 276 и 119; у молодого (70-х годов рождения) – 155 и 44 [2, л. 4]. Из приведенной статистики видно, что темпы языковой ассимиляции у белорусов в изучаемый период были даже более интенсивными, чем у украинцев.

Таким образом, на этноязыковые процессы, являющиеся «зеркалом» этнокультурного развития региона, оказали и до сих пор оказывают влияние:

1. национальная политика государства (в частности, наличие или отсутствие государственной поддержки этнических культур);
2. миграционные процессы;
3. близость этнокультурных компонентов к культуре преобладающей этнической группы.

На протяжении всего рассматриваемого периода удельный вес нерусского населения, считающего родным свой национальный язык, неуклонно снижался. Активные миграционные процессы и доминирование русского языка во всех социальных сферах приводили к постепенному размыванию этнического самосознания. При отсутствии поддержки со стороны государства невостребованный национальный язык уходил из обихода молодых поколений. Всесоюзные переписи населения отразили эти процессы и подтолкнули государственные органы к разработке программ поддержки этнических культур. Сохранение и развитие большинства национальных языков Российской Федерации возможно только при тесном сотрудничестве ученых, органов государственной власти и муниципальных органов.

Для полного анализа этнокультурной ситуации необходимы регулярные этнологические мониторинги, которые позволяют

выявить ее позитивные и негативные тенденции и определить перспективы развития национальных культур. Важным условием эффективности этнологических мониторингов является совершенствование программы переписи населения. В частности, необходимо учитывать двойные и тройные формы этнической идентичности населения, включить в программу переписи вопрос о языках, используемых человеком в повседневности, что дало бы возможность получить сведения о действительном распространении языков [12, с. 11].

ИСТОЧНИКИ

1. Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986. 832 с.

2. Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике. Перепись 1989 г. Таблица 32с-1 «Распределение населения отдельных национальностей по возрасту, родному языку и второму языку народов СССР. Относительные данные».

3. Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике: Распределение населения по национальности и родному языку /по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г./ Табл. 9с.

4. Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике: Распределение населения по национальности и родному языку /по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г./ Табл. 9с.

5. Ведомственный архив отдела переписи населения Свердловского областного комитета по статистике: Распределение населения по национальности и второму языку народов СССР / по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г./ Таблица 10с.

6. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990.

7. Национальный состав населения Свердловской области. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Свердловск, б/г. С. 167.

8. Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336.

ЛИТЕРАТУРА

9. Алферова Е.Ю., Голикова С.В., Корнилов Г.Е. и др. Этнодемографическое развитие Урала в XIX-XX вв. (историко-социологический подход). Екатеринбург: изд-во «Екатеринбург», 2000. 104 с.

10. Кузьмина А.Я., Корнилов Г.Е., Оруджиева А.Г. Население Урала. XX век. Проблема демографического развития. Екатеринбург, 1996. 212 с.

11. Прощенок Т. В. Еврейское население Урала в XIX-XX вв. (демографическое и этнокультурное развитие): Дисс. ... к. и. н. Екатеринбург, 2000. 187 с.

12. Этнологический мониторинг переписи населения / Под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2011. 552 с.

УДК 908(470+571)

ГСНТИ 03.23.55

ВАК 07.00.02

Алексеева Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Нижевартовский государственный университет»; E-mail: lvalexeeva@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ В НАЧАЛЕ 1990- Х ГГ.

Аннотация. В статье анализируется общественно-политическая обстановка в самый сложный период современной истории региона – 1991-1994 гг., когда происходило становление новой системы управления в ХМАО. На основе опубликованных и архивных источников раскрываются перипетии взаимоотношений округа с Тюменской областью, анализируется движение местной политической элиты в борьбе за обретение субъектом равноправия, показывается механизм подготовки к созданию законодательного органа Югры.

Ключевые слова: округ, субъект, власть, право, выборы, Дума

Alekseeva Lubov, dr. History, professor of the history of Russia Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Peace str., 3-B); e-mail: lvalexeeva@mail.ru

TO A QUESTION OF A POLITICAL SITUATION IN KHANTY-MANSI AUTONOMOUS AREA AT THE BEGINNING OF 1990 - TH YEARS

Abstract. In this article the author makes an attempt to characterize a political situation during the most difficult period of modern history of the region – 1991-1994 when there was a formation of a new control system in Khanty-Mansi Autonomous District. On the basis of the published and archival sources peripetias of relationship with the Tyumen region reveal, the movement of local political elite in fight for finding by the subject of equality is analyzed, the mechanism of preparation for creation of legislature of Yugra is shown.

Keywords: district, subject, power, right, elections, Duma.

Постсоветский период истории основного нефтяного региона страны изучен довольно слабо. Историки, экономисты, географы, демографы лишь только начинают исследования, связанные с новейшей историей края. В числе первых работ, рассматривавших вопросы общественно-политической обстановки ХМАО в 1990-е гг. следует выделить «Историю ХМАО с древности до наших дней» и Энциклопедию «Югория». Совсем недавно, к 20-летию деятельности регионального законодательного органа власти ХМАО была подготовлена работа, в которой рассмотрены события общественно-политической истории в округе в 1990-х гг.

После распада СССР в стране развернулся глубокий кризис, охвативший экономику и политическую сферу. Ханты-Мансийский округ, как и другие регионы России, оказался перед решением сложных задач. 18 декабря 1991 г. указом Президента РФ главой администрации Ханты-Мансийского автономного округа был назначен Александр Васильевич Филипенко [11, с. 4]. На следующий день им было принято постановление о преобразовании исполнительного комитета Совета народных депутатов в администрацию Ханты-Мансийского автономного округа. Таким образом,

правопреемником исполкома Совета народных депутатов ХМАО стала Администрация округа. 1992 год - начало радикальных политических реформ в России. Стремительно менялось законодательство в РФ. Вместе с тем имевшиеся законы недостаточно четко регламентировали деятельность органов государственной власти на уровне федерации и автономных округов, что потребовало от окружной власти инициативы и своевременных корректив в столь сложном вопросе. В начале 1992 г. окружной Совет народных депутатов принял решение упразднить свой Президиум и вместо него образовал Малый Совет. Этот орган осуществлял все полномочия окружного Совета в период между сессиями. Однако демократическими преобразованиями властных структур политические перемены в округе не ограничивались. Необходимо было преодолеть доставшуюся в наследство от советских времен традицию формального федерализма, когда на бумаге провозглашалась автономия, а на деле существовала жесткая финансовая и административная зависимость от Центра. Для того чтобы противодействовать экономическому кризису, компенсировать негативные социальные последствия экономических реформ, решать проблемы коренных народов, экологического равновесия, иметь возможность стратегического развития, округ нуждался в расширении собственных политических прав. На деле это означало изменение всего баланса властных полномочий между регионами и Центром, между частями сложных субфедеральных образований (округ в составе области). Объективно встала новая задача по выработке иных принципов федерализма, которые должны были обеспечить подлинную самостоятельность автономного округа и его органов государственной власти, гарантировать округу равноправие с областью как в отношениях друг с другом, так и на федеральном уровне. Между тем многие чиновники областного и федерального уровня с трудом допускали мысль об отказе от части своих властных полномочий и передаче их на окружной уровень. Очень привлекательной для них оставалась привычная схема – получать с территории материальные блага в виде налогов, платежей, доли произведенной продукции,

централизованно распределять их по своему усмотрению и финансировать местные потребности по уравнилельно-остаточному принципу [7]. В договоре отмечалось стремление сторон к качественному обновлению федеративных отношений на основе рационального распределения полномочий и их эффективного осуществления, подчеркивалось, что в пределах своих полномочий органы государственной власти автономной области, автономных округов в составе Российской Федерации самостоятельно осуществляют эту власть на соответствующих территориях. Договор, по оценке А.П. Семитко, носил этнодискриминационный характер и отражал слабость федеральной власти. Этот договор закреплял суверенитет республик в составе России [6]. А.В. Усягин считает, что принятие Федеративного договора явилось отражением процессов распада в 1990-91 гг. единого союзного государства и дезинтеграционных процессов в конституировавшейся как независимое суверенное государство Российской Федерации. По его мнению, договор должен был способствовать сохранению единства государства и его сплочению на базе признававшихся всеми участниками договора принципов территориального строительства; в том числе и на основе перехода от декларативной к реальной федерации (10). Однако, заложенные в договоре противоречия между уровнем полномочий различных групп участников не позволили реализовать интеграционные тенденции, что вызвало необходимость перейти к новому этапу урегулирования противоречий в территориальном устройстве и управлении Российской Федерации. Не стали исключением в этой связи и процессы урегулирования между органами власти трех субъектов в составе Тюменской области. Тюменский областной Совет народных депутатов и облисполком согласились на переговорный процесс по разграничению полномочий с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким округами.

Принятие в 1993 г. новой Конституции России ознаменовало создание федерации на принципиально новой основе, в том числе и на основе равноправия всех субъектов Российской Федерации между собой и во взаимоотношениях с

федеральными органами государственной власти, что явилось стимулом для создания в автономных округах собственных органов государственной власти, своих основополагающих документов (уставов) и собственного законодательства. Вместе с тем признание равноправия автономных округов в силу многих причин не стало всеобщим. Итак, по Конституции 1993 г. автономные округа становились равноправными субъектами Федерации. Это обстоятельство еще больше осложнило отношения Ханты-Мансийского округа с Тюменской областью. Действительно, трудно понять, как автономный округ, по Конституции 1993 г. являющийся равноправным субъектом Федерации, одновременно входит в состав другого равноправного субъекта. По мнению авторов монографического сборника «Пространство, люди, экономика Югры...», данная проблема – результат недоработки Конституции 1993 г., точнее, стремления максимально быстро принять ее, хотя бы за счет компромиссов, которые на тот момент устраивали всех, но одновременно заложили основу будущих конфликтов [5, с. 275], с чем трудно не согласиться.

В соответствии с указаниями из Центра Малый Совет следовало избрать не позднее 19 января 1992 г. Президиум Ханты-Мансийского окружного совета обратился в Верховный Совет РФ с просьбой разрешить провести выборы 5 февраля на очередной Сессии XXI созыва [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1856. Л. 18]. 7 февраля 1992 г. пятая сессия Совета народных депутатов XXI созыва приняла решение упразднить свой Президиум и вместо него образовать Малый Совет окружного Совета в количестве 15 человек. На указанном заседании была утверждена структура Совета народных депутатов округа. Новому органу власти, прежде всего, пришлось начать с урегулирования вопросов политического характера, разграничения полномочий между Центром и регионом, а также ХМАО, ЯНАО и Тюменской областью. 27 марта на заседании Малого Совета рассматривался вопрос о Федеративном договоре «О разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти РФ и органами власти автономной области, автономных округов в составе РФ».

В решении № 15 Малого Совета записано: «Согласиться с текстом Федеративного договора, парафированного в Москве 23 марта 1992 г. председателем Совета народных депутатов автономного округа В.А. Чуриловым и Главой администрации округа А.В. Филипенко» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1856. Л. 208]. 4 мая 1992 г. Малый Совет принял решение «О законодательной основе взаимоотношений автономного округа с органами государственной власти и управления различного уровня». В документе отмечалось, что окружной Совет остается приверженцем ранее подписанных соглашений с органами власти и управления Тюменской области; высказывалась просьба в адрес Верховного Совета РФ до принятия закона о Ханты-Мансийском автономном округе распространить на последний, возможность руководствоваться Законом РФ «О краевом, областном Совете народных депутатов и краевой, областной администрации» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1856. Л. 295].

1 июля 1992 г. состоялось совместное заседание малых советов Тюменской области, ХМАО и ЯНАО [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1854 а. Л. 1]. Среди большой группы вопросов, подлежавших обсуждению, важнейшим все же являлся вопрос о разграничении полномочий между областью и округами (между их советами); о мерах, путях и механизме реализации положений Федеративного договора. Состоялся обмен мнениями по указанной проблеме. Участники заседания проявляли озабоченность сложившимся положением, предлагали свои варианты, много было эмоций, чувствовалось, что некоторые из них искренне пытались решить сложную проблему, но не знали как. В.И. Ульянов – председатель Тюменского областного совета, в частности, отмечал: «Нет механизма реализации совместной компетенции центральных органов власти и региональных. ... Правительство очень медленно решает наши проблемы... Трудно решается реализация Указа Президента о развитии Тюменской области» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1854 а. Л. 5]. С болью говорила Л.А. Чистова: «Наш округ, как и все автономии, находится в самом бесправном состоянии, ... сегодня никакого закона об автономии, об округе не принято ... именно из Ханты-

Мансийска впервые пошла та волна на быстрое подписание Федеративного договора» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1854 а. Л. 8].

Ухудшение экономической ситуации в стране и округе требовало от его руководителей принятия неотложных мер. Малый Совет 18 июня 1992 г. принял решение «Об установлении нормативов отчислений в местный бюджет от платежей на право добычи углеводородного сырья», пытаясь тем самым решить вопрос с наполнением бюджета округа. Однако, как выяснилось позже, данное решение нарушало закон РФ «О недрах» и не соответствовало по ряду статей закону о местном самоуправлении. 1 октября Малый Совет принял решение о программе социально-экономического развития округа [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1861. Л. 9]. 6 мая 1993 г. состоялось заседание трех Малых Советов, где приняли решение «О социально-экономической обстановке в регионе и мерах по ее стабилизации». В документе отмечалось ухудшение экономики, спад и сокращение промышленного производства, уменьшение финансирования, напряжение в налично-денежном обороте, проблемы в сельском хозяйстве. Усугубляло ситуацию отсутствие законов и механизма реализации принятых законодательных актов. Поэтому большинство пунктов в принятом решении касалось просьб в адрес Верховного Совета РФ, Правительства по решению имевшихся проблем [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1882. Л. 68-70], ибо их промедление содержало серьезные угрозы. Вызывало беспокойство резкое ухудшение материального положения коренных народов. В этой связи, было принято решение о статусе родовых угодий, однако нехватка средств, административные издержки, длительный процесс согласований, отрицательно влияли на решение этого важного для аборигенов вопроса [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1881. Л. 121-122].

28 сентября 1993 г. Малый Совет принял решение, в котором подчеркивалось: «Обязать органы местного самоуправления городов и районов автономного округа обеспечить общественный порядок и соблюдение прав граждан, стабильную работу объектов производственного и коммунального хозяйства». Члены Совета выступили за

немедленный созыв заседания Совета Федерации для выработки мер по выходу страны из кризиса [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1888. Л. 16-17]. Таким образом, осенью 1993 г. в округе сложились все условия для радикальной политической реформы, проведению которой способствовал Указ Президента РФ от 9 октября 1993 г. № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации». Решения Малого Совета свидетельствуют о том, что, несмотря на политический и экономический кризис в стране, окружная власть предпринимала активные попытки по выходу из него, пыталась урегулировать взаимоотношения и с Центром, и с Тюменской областью, последовательно отстаивая право региона как субъекта РФ на самостоятельное развитие. Это были мужественные и смелые люди – нарождавшиеся политики новой Югры.

14 октября 1993 г. на заседании Малого Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа было принято решение № 150 «О Государственной Думе Ханты-Мансийского автономного округа», предписывавшее преобразовать Совет народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа в Государственную Думу Ханты-Мансийского автономного округа. В том же решении на 12 декабря 1993 г. были назначены выборы в новый орган государственной власти округа. Так, планировалось создать 21 избирательный округ [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1889. Л. 6-13]. 14 октября 1993 г. на заседании Малого Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа приняли Положение о Государственной Думе ХМАО, в ст. 2 говорилось, что депутаты окружной Думы, избранные по национально-территориальным избирательным округам, составят ассамблею представителей малочисленных народов Севера [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1889. Л. 7]. А решение № 153 «О статусе и компетенции новых органов местного самоуправления ХМАО» устанавливало в городах и районах округа в качестве органов местной власти – собрания народных представителей в количестве 5-15 человек [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1889. Л. 6-7, 16].

3 ноября 1993 г. Малый Совет принял Решение № 155 «О выборах в представительный орган государственной власти ХМАО – Думу Ханты-Мансийского автономного округа», где подчеркивалось: «При не подтверждении Президентом РФ даты выборов в Думу округа 12 декабря 1993 г., провести их в соответствии с Указом президента РФ № 1765 и по согласованию с Тюменским областным Советом» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1890. Л. 8]. А решение № 156 «О выборах в органы местного самоуправления в автономном округе» сообщало, что выборы назначаются на апрель [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1890. Л. 42]. Решением № 164 от 10 ноября 1993 г. выборы в Думу округа были назначены на 6 марта 1994 г. [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1891. Л. 7].

Решением Малого Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа от 22.12.1993 г. № 165 «Об утверждении временного Положения о Думе Ханты-Мансийского автономного округа на период поэтапной конституционной реформы» отменялось решение Малого Совета народных депутатов Ханты-Мансийского автономного округа от 14.10.1993 г. № 150 и утверждалось Временное Положение о Думе Ханты-Мансийского автономного округа (окружной Думе) на период поэтапной конституционной реформы [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1891. Л. 21]. Ст. 1 сообщала, что окружная Дума является постоянно действующим представительным органом государственной власти автономного округа, в которой депутаты работают на штатной оплачиваемой основе с увольнением с прежнего места работы. Депутаты избираются на 2 года. Основной формой работы Думы, как указывалось в ст. 2 являются заседания [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1891. Л. 22-27]. По новой Конституции РФ 1993 г. у округа появился комплекс правовых, финансовых и экономических прав. Особой задачей стало формирование собственной законодательной базы для того, чтобы обеспечить реализацию провозглашенных прав на деле, применительно к местным условиям. Эти функции была призвана осуществлять создаваемая окружная Дума. Это был период невероятно сложной работы, по оценке В.С. Сондыкова – обретение округом подлинной самостоятельности как субъекта Федерации, у истоков которой

стоял А.В. Филипенко [8, с. 186]. 23 декабря 1993 г. состоялось заседание избирательной комиссии, где был рассмотрен и принят календарный план подготовки и проведения выборов депутатов в Думу ХМАО. Предполагалось, что работать в думе депутаты будут на профессиональной основе. Однако главы администраций высказались против. После обсуждения пришли к решению, что наиболее эффективной будет Дума, работающая на полупрофессиональной основе [1. Ф. 491. Оп. 2. Д. 1. Л. 2]. Среди кандидатов оказались руководители крупных предприятий, главы администраций городов и районов, полагавших, вероятно, что именно они смогут отстоять интересы своих коллективов и территорий. Среди кандидатов не было представителей рабочего класса, крестьянства, интеллигенции (как это было в органах власти советской страны).

Готовясь к выборам, в январе 1994 г. социологический центр администрации округа провел опрос населения по вопросам предстоящих выборов в местные органы власти. В опросе приняло участие более 1300 человек. Результаты показали: первая группа избирателей (1/4) настроена оптимистично, т.е. ждет изменений в лучшую сторону. Вторая группа (от 1/4 до 1/5) считает, что изменения произойдут в худшую сторону. Третья группа (1/4) настроена осторожно, считая, что все останется по-прежнему. Примерно четверть опрошенных затруднились с ответом или вовсе отказывались отвечать. Результаты опроса выявили, что многие люди утратили ориентиры политического развития общества и не имеют представлений о партиях, которые претендуют на власть в округе и стране. Большинство избирателей привлекают не политические лозунги, а социальные. 42% респондентов предпочитают, чтобы депутаты в своей деятельности ставили во главу угла интересы простых людей [3]. Следовательно, на основе опроса можно было ожидать, что на выборы в лучшем случае придут около четверти избирателей.

Выборы проходили не без проблем, они почти были сорваны неявкой избирателей в восьми избирательных округах [1. Ф.491. Оп. 2. Д. 1. Л. 5]. Известный журналист В. Патранова так писала

об этом: «Мы, точнее большинство из нас, просто не явились 6 марта на избирательные участки. Причина, в общем – то понятна: кому-то деньги не выплачивают несколько месяцев, у кого-то водопровод прорвало, тепла нет, а может быть, и телефон не работает. Но позвольте тогда спросить: у какой власти теперь будем требовать, чтобы и тепло было, и деньги вовремя выплачивали? У той, которую мы отказались выбирать?» [4]. 9 марта избирком издала постановление «Об установлении общих итогов выборов депутатов в Думу ХМАО». В результате выборов по 17 одномандатным округам из 58 было избрано лишь 9 депутатов. Комиссия признала выборы состоявшимися в округах №№: 1, 2, 3,4, 5, 6, 9, 16, 17. Выборы не состоялись в округах №№: 7,8,10,11,12,13,14,15, где кандидаты набрали менее 25% голосов [1. Ф. 491. Оп. 2. Д. 1. Л. 25]. Такие результаты ошеломили всех. Было очевидно, что проигнорировали выборы избиратели нефтяных городов: Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск. Вскоре после выборов состоялось последнее заседание Малого Совета, на нем были приняты решения, позволившие своевременно приступить к работе избранному составу окружной Думы [9]. На заседании обсуждались итоги выборов. В.М. Молотков, единственный, кто высказался против признания их состоявшимися, объяснял свою позицию так: «Я считаю, что предложенный проект решения не следует принимать, потому что из 9 депутатов, избранных на сегодняшний день в Думу, 6 являются главами администраций. ... Лучше никакой Думы, чем вот такую пародию на нее. Что касается повторных выборов, то они скорее не состоятся до тех пор, пока не будет гарантирована выплата зарплаты, пока не прекратятся неплатежи, пока избиратели не поверят в какие-то перемены к лучшему» [1. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1891 а. Л. 24]. Избирательная комиссия установила назначить повторные выборы в округах: № 7 - г. Нефтеюганск, № 8 – Сургутский район, №№ 10-12 - г. Сургут, №№ 13, 14, 15 – г. Нижневартовск на 15 мая 1994 г., однако выборы удалось организовать лишь осенью 1994 г.

Таким образом, Ханты-Мансийский округ оказался на этапе создания собственного органа законодательной власти, что

стало, безусловно, важнейшим событием в истории государственного управления региона.

ИСТОЧНИКИ

1. Казенное учреждение «ГАХМАО-Югры».

ЛИТЕРАТУРА

2. Алексеева Л.В., Цысь В.В. Двадцать лет служения Югре. Томск, 2013. 140 с.
3. Бойков В., Малахов С. Общественное мнение по наиболее острым проблемам нашей жизни (информация об итогах проведения опроса жителей ХМАО) // Новости Югры. 1994. 10 марта.
4. Патранова В. Мрачный итог «выборного воскресенья» (послесловие к выборам в органы местного самоуправления) // Новости Югры. 1994. 10 марта.
5. Пространство, люди, экономика Югры. Социально-экономическая трансформация Ханты-Мансийского автономного округа / Науч. ред. С.С. Артоболевский, О.Б. Глезер. – М.: Экономист, 2007.
6. Семитко А.П. Власть и право в российском федеративном государстве// Власть и властные отношения в современном мире. Материалы межд. науч. конф. Гуманитарного ун-та (Екатеринбург, 30-31 марта 2006 года). Екатеринбург, 2006.
7. Собянин С.С. Правовое положение автономных округов как субъектов Российской Федерации. Автореф. дис. ... к-та юр. наук. М., 1999.
8. Сондыков В. «Я эту землю знаю с детства ...». Книга воспоминаний. М.: «Полиграфист», 2004.
9. Степанов В. Последнее заседание Совета // Новости Югры. 1994. 15 марта.
10. Усягин А.В. Роль Федеративного договора в преобразовании территориального управления. См.: <http://www.terrus.ru/mono/r6/6.1.3.shtml>. Дата обращения – 7 сентября 2013 г.
11. Филипенко А. Югра. Социальное развитие северного региона: проблемы и успехи. Ханты-Мансийск: «Полиграфист», 2001. 191 с.

УДК 94(477).084.6:303.446.4
ББК ТЗ(47КР)614+Т1(47кр)64

Дёмина Юлия Владимировна аспирант III года обучения
Института истории и археологии УрО РАН; E-mail: milay033@mail.ru

ГОЛОД 1932-1933 ГГ. В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ³

Аннотация. Статья посвящена анализу современной украинской историографии, показаны основные дискуссии, отмечены новые темы в изучении проблемы. Исследование показало, что данная тема активно изучается украинскими историками и события 1930-х гг. становятся инструментом современной политической борьбы на Украине. По мнению большинства украинских исследователей, голод 1932-1933 гг. являлся национальным геноцидом (этноцидом) и был совершён советской властью с целью не допустить национального движения в Украине и тем самым предотвратить отделение республики от СССР.

Ключевые слова: историография, голод, геноцид.

Y. V. Dyomina graduate student of III year students of the Institute of history and archaeology, Urals branch of RAS; E-mail: milay033@mail.ru

FAMINE OF 1932-1933 IN THE MODERN UKRAINIAN HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article analyzes the modern Ukrainian historiography, shows the main discussion marked new topics in the study of the problem. The study showed that this topic has been studied extensively by historians and Ukrainian events of the 1930s. become an instrument of political struggle. According to the majority of Ukrainian researchers, the famine of 1932-1933. was a national genocide was committed by the Soviet authorities to prevent the national movement in Ukraine, and thus to prevent the separation of the republic from the USSR.

Keywords: historiography, famine, genocide.

³ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ-Урал, проект № 14-11-66011.

Последние десятилетия тема голода 1932-1933 гг. активно развивается отечественными и зарубежными исследователями. Проблема голода стала выходить за рамки научности и события 1932-1933 гг. становятся инструментом политической борьбы. На сегодняшний день в СМИ, различных интернет форумах можно найти огромное количество статей, посвящённых данной теме. Однако, цель этих работ не показать причины и масштабы трагичных 1930-х гг., помочь публике трезво оценить политику советского государства, а столкнуть интересы общественности и научной среды. В исторической науке существует два взгляда на проблему. Одни историки считают, что голод возник из-за перегибов на местах, насильственной хлебозаготовительной политики, некоторой жесткости в неукоснительном соблюдении партийной линии. Другие считают, что голод возник вследствие специально проводимой политики советской власти, направленной на уничтожение именно украинских крестьян и получил название «геноцида».

С распадом СССР меняется политическая, социально-экономическая, духовная обстановка на постсоветском пространстве. Государства афишируют свою независимость, формируются коалиции критиков коммунизма и всего, что связано с советским прошлым. Такая обстановка складывается и в исторической науке. Ведь на мировоззрение историков оказывает влияние среда, в которой он живет. По мнению Г. Касьянова, «возникнув в интеллектуальном и идеологическом пространстве Украины в середине 1980-х годов в ходе общей критики советского прошлого, тема голода 1932-1933 гг. стала важным функциональным элементом политических противостояний и использовалась для мобилизации национального самосознания украинцев. Она прочно вошла в массовые исторические представления о прошлом Украины и заняла важнейшее место в профессиональном нарративе украинской истории» [5]. Таким образом, события голода 1932-1933 гг. становятся инструментом национализации Украины.

В начале 2000-х гг. вопрос о голодоморе-геноциде начинает приобретать статус национальной трагедии, продолжается процесс раскрытия «преступлений тоталитарного режима». Так,

кульминацией политизации всенародной трагедии стал принятый 28 ноября 2006 г. Верховной Радой Закон «О голодоморе 1932 – 1933 гг. в Украине», которым определялся, что эта трагедия является геноцидом украинского народа [8, с. 13]. Спустя два года, 23 октября 2008 г. Европарламент принял Заявление, которым признал факт голода в 1932–1933 гг. геноцидом.

Важным событием в многолетней российско-украинской полемике по рассматриваемой проблеме стала международная научная конференция, прошедшая в марте 2009 г. в Мельбурнском университете (Австралия) [6]. Она была посвящена истории голода в различных странах мира в XX веке. Участниками конференции являлись ученые из ведущих научных центров и университетов Австралии, Англии, Германии, Италии, Ирландии, России, США, Канады, Китая, Украины. На конференции рассматривались причины голода. Острая дискуссия развернулась вокруг концепции «геноцида голодомором», которую защищали С.В. Кульчицкий (Институт истории Украинской Академии Наук) и Р. Сербин (Университет Монреаля, Канада). Их оппонентами выступали Н.А. Ивницкий и Стивен Уиткрофт (Мельбурн).

В 2011 г. вышел сборник статей под редакцией В. В. Кондрашина, в котором представлены современные взгляды на проблему голода 1932-1933 гг. с позиции российских и украинских историков. На страницах издания разворачиваются дискуссии, посвящённые причинам голода, региональным и национальным особенностям, масштабам, демографическим последствиям голода 1932 – 1933 гг. в России и на Украине. В.В. Кондрашин, продолжая дискуссию с украинскими историками, аргументировано и чётко представил следующие выводы: «Голод – результат антикрестьянской политики сталинского режима в годы первой пятилетки... Голод имел региональные особенности. Прежде всего он ударил по зонам сплошной коллективизации, где власть столкнулась с активным крестьянским сопротивлением хлебозаготовкам и угрозой окончательного развала сельского хозяйства... Голод не выбирал народы. Геноцида относительно взятого украинского

народа не было, была общая трагедия украинцев, русских и других народов нашей страны по вине тогдашнего руководства СССР [8, с. 429]. Однако, украинский историк С. Кульчицкий, активно отстаивавший версию «геноцида», настоятельно утверждал, что «голодомор был результатом террора голодом, а не этнической чистки. По этническому ли признаку или по национальному, но голодомор попадает под действие Конвенции ООН о «геноциде» [8, с. 431].

Очередная конференция состоялась в 2012 г. и была посвящена 80-летию массового голода начала 1930-х годов и 75-летию пика массовых политических репрессий сталинизма [2]. В ней приняли участие современные казахстанские и украинские исследователи, активно отстаивающие позицию «геноцида». А.З. Абдулхаиров придерживается взглядов американского исследователя Р. Конквеста и считает голод 1932 – 1933 гг. «жестоким преступлением коммунистического режима против украинского народа». Это спланированная против украинского крестьянства акция должна была разрушить независимые хозяйства, невозможным противостояние советской власти [1, с. 99]. По мнению исследователя, голод наступил в начале 1933 г. и в Украине ежедневно умирало голодной смертью 25 тыс. человек, ежечасно - 1 тыс., ежеминутно – 17 [1, с. 103]. Оценивая демографические последствия голода 1932-1933 гг., автор называет довольно большую цифру – до 9 млн чел. погибших в Украине [1, с. 110]. В.И. Сергийчук предпринял попытку сравнить голод 1932 – 1933 гг. на Украине и в Казахстане. Событиям 1932 – 1933 гг. исследователь даёт следующую оценку: «ад искусственного голода, созданного сознательно кремлевской верхушкой для покорения крестьянства как реальной материальной базы возможного повстанческого движения против навязанной силою большевистской власти». Историк соглашается, что в 1932–1933 годах голодали не только украинские хлеборобы. Но голодомор в УССР имел особые черты, свидетельствующие о том, что власть сознательно пыталась удушить непокорное крестьянство голодом. А такие действия центральной власти – насильственное изъятие продовольствия, запрет на выезд за ним

в соседние регионы с целью спасти семью, запрет на упоминание о широкомасштабном голоде и отказ принять заграничную продовольственную помощь - подпадают под признаки геноцида» [7, с. 116].

Круг сюжетов, привлекавших внимание современных исследователей голода 1932-1933 гг., достаточно широк. В последнее время исследователи активно изучают региональные особенности голодомора-геноцида в аграрных и промышленных районах Украины, раскрывают национальный состав сельского и городского населения, процессы хлебозаготовок, описывают формы сопротивления террора голодом, функционирование карточной системы, показывают социально-психологические и демографические последствия голодомора [15].

С ухудшением российско-украинских отношений в период 2013-2015 гг. традиция «геноцида» становится популярной как у научной общественности, так и у политической элиты. Особо следует подчеркнуть позицию правящей власти. 22 ноября 2014 г. действующий президент Украины Пётр Порошенко установил композицию из зерен перед обелиском, выполненном в форме свечи на берегу реки Днепр в Киеве, чтобы почтить память погибших во время голода-геноцида и добавил: «Украинские крестьяне были хранителями традиций национального духа Украины. И оружие, которое применяли против них, было, пожалуй, самым страшным — это был голод. Духовные потомки Сталина-Кагановича-Постышева не растворились во мраке истории. Они правят кровавый бал на временно захваченных землях так называемых ЛНР и ДНР» [4].

Данный период характеризуется многочисленными международными конференциями, посвящёнными голоду-геноциду, ведутся международные проекты, ставящие перед собой цель – признание «геноцида» российской и зарубежной общественностью. Публикуются многочисленные статьи, монографии и голод 1932-1933 гг. снова становится «символом, олицетворяющим особый статус украинцев как народа».

3 декабря 2013 года в Астане состоялась международная научно-методическая конференция, которая была посвящена голоду 1932-1933 гг. в Украине и Казахстане [3]. Во

вступительном слове советника Посольства Украины в Республике Казахстан, директора Украинского центра науки и культуры при ПУ в РК Петра Токаря, прозвучали следующие слова: «...будут опубликованы позиции учёных, которые солидаризируются с выводами моего доклада о признании **ГЕНОЦИДНОЙ ПРИРОДЫ ГОЛОДА В УКРАИНЕ**, а также доклады и статьи тех учёных... которые смогут (если смогут!) предоставить убедительные доказательства негеноцидной природы ужасающей разницы в смертности населения УССР и Кубани, с одной стороны, и другими районами СССР, с другой». П. Токарь доказывает геноцидную природу голода в Украине, ссылаясь на Конвенцию ООН от 9 декабря 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него». По его мнению, именно третий пункт конвенции находит отражение в проводимой политике советского государства на Украине: «намеренное создание для какой-нибудь группы таких жизненных условий, которые приводят к её полному или частичному физическому уничтожению» [3]. Далее, автор подробно описывает действия властей, которые привели к геноциду. Это – высокие заготовительные планы, применение практики натуральных штрафов, введение запрета на приобретение крестьянами хлеба, лишения крестьян права иметь паспорт гражданина СССР, запрет крестьянам на выезд из их местожительства (запрет продажи им железнодорожных билетов, внедрение «чёрных досок», непредставление государственной помощи голодающим и пр. Несомненно, данные действия присутствовали в политике советского государства в Украине, но возникает вопрос: «Данные меры были только для украинского крестьянина?». Конечно же нет. На данный момент историками проделана огромная работа по изучению архивных материалов по проблеме голода, многие документы опубликованы в сборниках и большая часть информации доступна для исследователей. На сегодняшний день нет ни одного документа, доказывающего геноцид украинского населения.

Подобной точки зрения придерживаются многочисленные историки Украины. Тем не менее исследователь Станислав

Кульчицкий предпринял новую попытку сравнения голода на Украине и в остальных республиках СССР. Основным отличием, по мнению автора, было то, что центр накладывал на УССР неподъемные хлебозаготовительные планы в 1930-1932 гг. Эти действия расценивались не только как элемент общесоюзной политики «подхлестывания», но и были организованы с целью подорвать экономическую основу национально-освободительного движения. Продразверстка по отношению к Украине использовалась в качестве орудия национальной политики Кремля и стала причиной общесоюзного голода [3, с. 74]. Исследователь рассуждает о советской власти, о процессе строительства коммунизма. Кульчицкий утверждает, что определение сути Голодомора возможно только в связи с коммунистическим строительством. Чтобы «большевизировать» украинское крестьянство приходилось урезать права и полномочия советов путем создания параллельной организации бедноты и наделения ее отобранными у советов правами. Поэтому Комнезамы сыграли зловещую роль в организованном властями терроре голодом. Для национальных регионов советская власть изобрела принцип политизации этничности, который минимизировал опасность использования советских органов в сепаратистских целях. Исследователь разделяет события 1932-1933 гг. Период 1932 г. выступает голодом, а 1933 г. – голодным мором. В заключении автор спорит с появившейся в украинской исторической науке версией Холокоста. «Украинский Голодомор был совершенно не похож на Холокост, но все же – был геноцидом».

В.И. Сергейчук рассматривает деятельность репрессивной политики Советского государства в отношении украинского населения, проживающего на территории Казахстана. По мнению автора, в первую очередь были наказаны те районы, которые были созданы из украинского населения [3, с. 127].

Более взвешенную позицию предлагает исследователь Мельбурнского университета С. Уиткрофт. Проведённый им анализ районных данных по сельской смертности за период 1933 г. в Украине и европейской части РСФСР показал, что очень высокий уровень смертности наблюдался на севере

Украины – в Киевской и Харьковской областях, а не в южных областях, которые являлись основными хлебозаготовительными районами. По мнению исследователя, данные выводы противоречат анализу профессора Кульчицкого и других исследователей, считающих, что сверхзавышенные хлебозаготовки в южных районах Украины повлекли за собой повышенную смертность. Кроме этого, автор добавляет, что высокая смертность имела место быть и в южной Курской области РСФСР, и в некоторых случаях была выше, чем в соседних регионах Харьковской области в Украине [3, с. 181]. Такое различие исследователь объясняет проблемами, возникнувшими в поставке продовольствия в Киеве. Автор не соглашается с концепцией геноцида украинского народа, отвергает мысль, высказанную Конквестом, что Сталин или государство хотели сознательно заморить голодом значительную часть населения в 1933 году.

Хочется отметить, что украинские историки проделали большую работу, опубликовали многочисленные документы, используют современные IT-технологии для изучения региональных особенностей голода, демографических последствий. 5 ноября 2013 г. состоялась международная конференция по истории Голодомора в Princeton Club Нью-Йорка, на которой была представлена презентация первого модуля атласа «Интерактивный Атлас Голодомора». В атласе представлены данные о демографических потерях населения Украины. Исследовательский коллектив в составе Емельяна Рудницкого, Наталии Левчук, Павла Шевчука и Аллы Савчук из Института демографии и социальных исследований им. М. Птухи НАН Украины и Олега Воловина из Университета Северной Каролины (США) представили новую оценку демографических потерь Украины в результате голода 1932-1934 годов. На основании полученных данных, ими были определены потери населения на областном и районном уровнях, отдельно для городского и сельского населения. В основу демографической реконструкции положены данные трехпереписей - 1926, 1937 и 1939 годов. По результатам проведенного исследования общие потери населения Украины

вследствие Голодомора оцениваются в 4,5 млн человек. Эти потери относятся к периоду 1932-1934 годов, поскольку и в 1934 году наблюдалась повышенная смертность, обусловленная последствиями голода. Исследователями установлено, что потери сельского населения значительно выше городского. В частности, в 1932-1934 гг. избыток смертей достигал 3,6 млн среди крестьян и 0,3 млн – в городах. Наибольшая сверхсмертность (почти 90%) наблюдалась в 1933 г., максимальные потери показаны в Киевской и Харьковской областях, на которые приходилось 54% общих потерь Украины. В каждой из этих областей преждевременно умирало более 1 млн человек. Самые низкие потери наблюдались в Черниговской и Донецкой областях – 76 и 41 на 1000 населения [14]. Данные цифры становятся новыми для историографии темы.

Вслед за вышеуказанной конференцией, 20-21 ноября 2013 г. прошла очередная международная научная конференция «Голод в Украине в первой половине XX века: причины и последствия (1921 - 1923 гг. 1932 - 1933 гг. 1946 - 1947 гг.)» [9]. Основными вопросами конференции выступали: территориальные особенности голодовок первой половины XX века, оценки демографических потерь в результате голодоморов с их дифференциацией по разным территориям, последствия голодоморов для украинского общества.

На современном этапе, исследователями ведётся активная работа по публикации ранее недоступных архивных материалов. Сотрудница Института истории Украины НАНУ Людмила Гриневич подготовила ряд трудов, посвящённых голоду и коллективизации на Украине [11]. На основе огромного массива различных источников, автором показаны события с декабря 1927 года до конца 1934 г. Её работы представляют комплексное изучение социально-экономических, политико-идеологических и национальных причин украинского голода. Автор переосмысливает причины, обстоятельства голода, пересматривает периодизацию украинского голода и приходит к выводу, что голод 1928-1929 гг. происходил на фоне недородов, но вызвали его все-таки не природные катаклизмы, а

сознательная политика сталинской власти, которая была приоритетно направлена на военно-промышленную модернизацию страны, а гуманитарные проблемы отодвигала на второй план. Обескровленная принудительным выниманием крестьянских страховых запасов в ходе хлебозаготовки, Украина в 1928-1929 году не получила от союзной власти достаточного количества продовольствия для предотвращения голода [10, с. 333-341].

Оценивая ситуацию внутри украинского общества, автор пишет о резком всплеске национальных движений в течение 1928-1929 гг., которые можно квалифицировать как антисоветские, освободительные и антиколониальные. Голод обострил межэтническую напряженность, в частности, усилил антисемитские настроения в части украинского населения. Чтобы подавить эти настроения, власти использовали агитационно-пропагандистские и репрессивно-карательные меры. В отличие от многих украинских историков, Людмила Гриневич отмечает, что большевистская власть не ставила себе специальную цель устроить в Украине голод. Это видно из факта создания в республике Правительственной комиссии для преодоления последствий недорода. Бесспорно, ее деятельность сыграла положительную роль в поддержке пострадавших, однако, помощь от комиссии была весьма скромной. Таким образом, причинами голода выступает целый комплекс разноплановых проблем.

В последнее время украинские историки стали интересоваться особенностями осуществления политического курса руководства СССР в Украине в период голода. В частности, историки обращают внимание на деятельность партийных структур в Украине в 1932-1933 гг. [19]. В 2013 г. историки подготовили сборник документов и материалов, который освещает взаимоотношения руководства центра и УССР, настроения и поведения партийно-советских работников. Особое внимание уделено репрессиям среди управленческих структур УССР [17].

В фокусе историков находятся и такие моменты, как изучение механизмов, форм воздействия советской власти на

украинское крестьянство. Одним из самых жестоких средств борьбы с украинским крестьянством выступает режим «Чёрной доски», который был распространён на территориях Украины, Кубани, Поволжья, Казахстана [16].

Изучение событий голода происходит и через воспоминания очевидцев тех страшных лет. Украинскими историками подготовлено множество изданий, в которых опубликованы сведения современников голода 1932-1933 гг. [18].

Отклик концепции «геноцида», разработанный вместе с зарубежными исследователями, находит место и за океаном. В столице Соединенных Штатов 4 августа 2015 г. появился памятник, посвященный погибшим во время Голодомора 1932-1933 годов жителям Украины. Проект называется «Поле пшеницы» и представляет собой стену, на которой изображена пшеница и подписано: «Holodomor 1932-1933». На установке мемориала присутствовали посол Украины в США Валерий Чалый, автор проекта памятника Лариса Курилас, председатель Краевого комитета США по признанию Голодомора геноцидом Михаил Савкив, также представители компаний, которые занимались изготовлением и установкой бронзовой скульптуры. Торжественное открытие памятника состоялось 7 ноября 2015 г. [20].

Заканчивая обзор сложившихся дискуссий вокруг голода 1932-1933 гг. следует сделать несколько выводов. Современные украинские исследователи совместно с зарубежными историками продолжают развивать теорию «геноцида» украинского народа. По мнению большинства украинских историков, геноцид был не этнический, а национальный, и был совершён советской властью с целью не допустить национального движения в Украине и тем самым предотвратить отделение республики от СССР. Исследователи осуществляют пересмотр всего советского прошлого и применяют так называемый «геноцид» и к другим голодным годам – 1921-1922 гг., 1946-1947 гг., все неудачи и промахи в развитии своего государства полагают на советскую власть, которая подавляла национальное самосознание украинского народа и осуществляла террор голодом.

В противовес концепции «геноцида» хочется обратить внимание на то, что украинские историки не принимают во внимание огромный массив опубликованных документов, в которых нет никаких аргументов в пользу их «мифической» концепции «геноцида». Поэтому голод, как комплексное историческое явление, изучен недостаточно глубоко. Историками вполне полно определены причины голода, процессы хлебозаготовительных компаний. Однако, до сих пор ведутся дискуссии о демографических потерях, украинскими историками представлены новые цифры, не до конца исследованы действия властей в преодолении голода. В историографии темы недостаточно изучен региональный масштаб трагедии, особенно слабо освещен вопрос о характере взаимоотношений деревни и города, деятельность местных властей по ликвидации голода. Несомненно, тема голода очень острая и болезненная, она требует ответственного и честного отношения исследователей. Поэтому, ещё не скоро утихнут споры касаемые причин и масштабов трагедии, поскольку данная тема погрязла в политике и историкам ещё долго придётся развивать дискуссию по столь трагичной теме, которая является «яблоком раздора» между двумя братскими странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулхаиров А. З. Новое в исследованиях истории голодомора в Украине // История государства. Астана, 2012. Спецвыпуск. С. 99-106.
2. Аяган Б. Г. История государства. Астана, 2012. Спецвыпуск.
3. Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане: вопросы историографии и подходы к исследованию проблемы (к 80-летию трагедии) / под. общей редакцией Е.Б. Сыдыкова. Астана: ЕНУ им. Л.Н.Гумилева, 2014. 240 с.
4. Иносми.ру [Электронный ресурс] <http://inosmi.ru/world/24.11.2014>
5. Касьянов Г. Разрытая могила: голод 1932-1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании // Ab imperio. 2004. № 3. С. 237-269.
6. Кондрашин В. В. Международная конференция в Австралии по проблеме голода в мировой истории XX в. // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сборник статей.

Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2009. С. 397-402.

7. Сергийчук В. И. Голодомор в Украине и Казахстане: общие черты и различия величайшей трагедии двух народов // История государства. Астана, 2012. Спецвыпуск. С. 112-116.

8. Современная российско-украинская историография голода 1932-1933 гг. в СССР. М., 2011. 471 с.

9. Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): Матеріали Міжнародної наукової конференції. Київ, 20–21 листопада 2013 р. / Інститутдемографії та соціальних досліджень імені М.В. Птухи НАН України; Інститутісторії України НАН України; Київський національний університет імені Тараса Шевченка; Національний університет «Києво-Могилянська академія». Київ, 2013. 364 с.

10. Гриневич Л. Голод 1928–1929 рр. у радянській Україні. Київ, 2013. — 435 с.

11. Гриневич Л. Хроніка колективізації та Голодомору в Україні 1927-1933. В 4 т. Київ, 2012.

12. Івченко Б.А. Хлібозаготівлі і голод на Дону в 1932–1933 рр. // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): Матеріали Міжнародної наукової конференції. Київ, 20–21 листопада 2013 р. Р. 63-69.

13. Капустян Г.Т. Голодомор 1932–1933 рр. у селі Заруддя, що на Полтавщині // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): Матеріали Міжнародної наукової конференції. Київ, 20–21 листопада 2013 р. Р. 69-75.

14. Карти смерті [Електронний ресурс] http://www.idss.org.ua/ch/ch_index.html

15. Марочко В.І. Голодомор 1932–1933 років на Донбасі. К.: Інститутісторії України НАН України, 2015. 96 с.

16. Папакін Г. «Чорнадошка»: антиселянські репресії (1932–1933). К., 2013. 422 с.

17. Партійно-радянське керівництво УСРР під час голодомору 1932–1933 рр.: Вожді. Працівники. Активісти. Збірник документів та матеріалів/ Упоряд. В. Васильєв, Н. Верт, С. Кокін. – К.: Інститут історії України НАН України, 2013. 444 с.

18. Скрипник Г. Наукові записки Міжнародної асоціації українців. Вип. 2. Research Papers of the International Association of Ukrainian Studies. К., 2013. 320 с.

19. Podkur R. Rozsekrechenapamiat: Golodomor 1932–1933 rokiv v Ukraini v dokumentakh GPU-NKVD [Declassified Memory: The Holodomor of 1932–1933 in Ukraine in GPU-NKVD Documents] // Holodomor Studies. Winter–Spring 2010. Vol. 2. N 1. P. 150.

20. RYVI [Электронный ресурс] <http://www.rtv.com/video/40834>

Научное издание

Отечественная история: взгляд из XXI века
Сборник статей научной школы
профессора Г.Е. Корнилова

Рекомендовано к изданию Ученым советом
исторического факультета УрГПУ
(протокол № 4 от 09.12.2015 г.)

Компьютерная верстка Г.А. Кругликова, К.И. Коурова

Подписано в печать 17 декабря 2015 г. Формат 60х84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Усл.-печ. л. 6,27.

Тираж 500 экз. Заказ .

Уральский государственный педагогический университет

620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Тел. (343) 235-76-30. Факс (343) 336-12-42

